

Канта Ибрагимов

**Сказка
Востока**

Канта Ибрагимов
Сказка Востока

«Издательские решения»

Ибрагимов К. Х.

Сказка Востока / К. Х. Ибрагимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859874-6

Роман «Сказка Востока» (2007) повествует об исторических событиях конца XIV — начала XV веков, о времени, когда на бескрайних просторах Евразии, от границ Китайского царства до берегов Средиземного моря, господствовала «империя» Тимура Великого (прозванного европейцами — Тамерланом), одного из самых жестоких последователей Чингисхана. образу тирана-завоевателя в романе противостоит Молла Несарт — прототип Хаджа Насреддина, великого ученого, философа-гуманиста и пророка тех лет.

ISBN 978-5-44-859874-6

© Ибрагимов К. Х.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I	18
Часть II	65
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Сказка Востока

Канта Хамзатович Ибрагимов

Памяти отца — Ибрагимова Хамзата Исмаиловича

© Канта Хамзатович Ибрагимов, 2017

ISBN 978-5-4485-9874-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Лишь в зрелом возрасте я впервые приехал в Москву и, попав на смотровую площадку Воробьевых гор, был просто потрясен масштабностью столицы СССР. Летнее утро было солнечным, освежающим, и воздух, хоть и прохладный, но не совсем прозрачный, с легкой дымкой загадочности, недосказанности, очарованности. И взглядом все не охватить, не насмотреться. Но мое внимание особенно привлекло одно величественное светлое здание, которое находилось совсем рядом, прямо над Москвой-рекой, а на крыше этого грандиозного сооружения позолотой блестела какая-то замысловатая, узорчатая конструкция, чем-то таинственным к себе маня.

Любопытство меня съедало. Я осмотрелся, кругом много людей, в основном, как я определил по виду, гости столицы. А вот несколько в стороне, облокотившись на холодные мраморные перила, курит, смотря в даль, импозантный мужчина в очках, по возрасту, быть может, немного старше меня; у него я и спросил, что это за здание.

– Это здание, – не глядя на меня, отвечал мужчина, – средоточие знаний, значит силы.

– Неужто ЦК КПСС¹? – удивился я.

Тогда москвич обернулся, бегло осмотрел меня и сказал:

– Еще важнее, действительно сила, основа основ государственности – Академия наук СССР.

– А что за символ на крыше?

Вновь обернувшись, уже в упор глядя на меня, мужчина жадно докурил сигарету и вдруг резко отошел. Я думал, что подальше от моих докучливых вопросов, а он, бросив окурок в урну, вернулся и с иронией выдал:

– Это знак – золотые мозги Союза! – и, видимо, что-то заметив на моем лице, он более серьезно продолжил: – Я думаю, – его рука указала на здание, – архитектор замыслил это как некий символ химического соединения... Но на самом деле получилось как есть – лабиринт истории науки: сверху глянец, аж блестит, а внутри тех труб столько грязи, столько пыли, ржавчины и паутин интриг, что лучше не трогать и историю не ворошить.

– Интересно, – не сдержался я и, как открытие, выдал: – А я ведь историк!

– Неужели?! – совсем дружелюбным стало лицо мужчины. – Тогда мы коллеги, – он протянул руку, – Калмыков Иван Силантьевич.

Разговорившись, мы поняли, что являемся не просто коллегами, а специалистами по одной теме исследования – Октябрьской революции 1917 года в России. Расставаясь, мы обменялись адресами, и позже Калмыков (а он был доктором наук) мне много помогал. Но эта связь оборвалась. Причин тому много, а главное, по-моему мнению, в том, что объект нашего исследования потерял актуальность, ибо в России свершилась новая революция начала 90-х годов, страна СССР распалась, следом война на моей родине, в Чечне... К счастью, все войны когда-нибудь кончаются. А я, как и прежде, научный сотрудник. Наш так называемый научно-исследовательский институт, где я работаю ныне, расположен в полуразрушенном здании на окраине руин города Грозного. И здесь, если честно, не до науки: масса бытовых проблем. Вот газ сумели подвести, еще полгода за электричество боролись, а тут и вовсе счастье – телефон достался. И казалось, кто к нам позвонит, кто наш номер знает? А позвонили, межгород, даже из Москвы, и лично меня, простого научного сотрудника, подозревали. Связь плохая, ничего не слышно, потом отключили напряжение, а когда вновь подали – поступил факс.

---

¹ Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза – руководящий орган Союза Советских Социалистических Республик.

Оказывается, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук совместно с каким-то международным гуманитарным фондом провел Круглый стол по проблемам войны и мира на Северном Кавказе. По материалам выступлений готовится сборник. Я включен в состав редколлегии, что весьма почетно. Но это не все. Хотя я и не присутствовал на заседании, от меня требуется предисловие и еще – развернутая статья, характеризующая современное социально-экономическое состояние Чеченской Республики.

Внизу – контактный телефон, фамилия – Калмыков Иван Силантьевич. Сразу позвонил, повезло: услышал позабытый, было, голос.

– Это я тебя включил в редколлегию, – из-за плохой слышимости Иван Силантьевич кричит.

Я хотел было возразить: не побывав на заседании, как писать предисловие.

– А вот так и писать! – постановил Калмыков. – Ты ведь видишь, как искажают историю, все налицо, точнее, с оглядкой на лица... Нам, ученым, надо хоть как-то выправлять ситуацию. Так что срочно вылетай.

Самолетом – дорого, да и из Грозного не летают, так что только через два дня поездом прибыл в Москву и прямо с вокзала на метро добрался до площади Гагарина, надолго уставился в высотное здание Российской академии наук.

Была зима, холодно, ветрено, низкое хмурое небо и редкий колючий снег. А конструкция на крыше уже не блестит. И почему это «лабиринт» или «золотые мозги России»? Может быть, ненужное нагромождение? Кто-то поумничал. А скорее, я что-то недопонимаю.

При входе в здание никакого трепета не было, были проблемы: пропуск не заказан, узнав, что из Чечни, придирчиво, с подозрением осматривали.

В лифте нужный мне этаж оказался последним. «Прямо в «лабиринт», под «мозги». К удовлетворению, Калмыков встречал меня у лифта. Как всегда подтянутый, но поношенный, впрочем, как и я.

– Ты почему так долго? – будто мы только вчера расстались, он по-простецки подал руку.

– Готовил статью, – так же сходу стал оправдываться я.

– Да кто ее читать будет, – махнул Иван Силантьевич небрежно рукой, приглашая меня, двинулся по странному зигзагообразному пустому коридору, где заблудиться немудрено.

Кабинет Калмыкова где-то в тупике, зато просторный, светлый. По легкой пыли на столах видно, что здесь мало и редко кто бывает. Я сразу подошел к окну, вид из которого был от высоты головокружительный.

– Так, некогда-некогда, – торопился Иван Силантьевич, – давай свои материалы.

В моем портфеле сверху, чтобы не разбилась, лежала бутылка коньяка, так сказать, гостинец с юга.

– Ну, кавказцы, вы не можете без этого, – словно недоволен, развел руками хозяин. – Так, а это статья, – он вскользь перелистал ее, – очень много, надо наполовину сократить... А где вступление?

– Как я мог написать вступление, – теперь и я развел руками, – если с материалами Круглого стола вовсе не знаком?

– Ну да, – Калмыков сел, довольно шустро снял очки, надел другие, стал разглядывать этикетку. – Ваш коньяк?... О, какие у вас были коньяки!..., «Наурский винзавод», пять лет выдержки, – читал он. – Неужели правда?

Я пожал плечами.

– После проверим, – он встал. – А сейчас, – положил руку на внушительную пачку бумаг, – вот все материалы, забирай в гостиницу. Номер забронирован, завтра к обеду жду с предисловием.

– Как к обеду? – взмолился я.

– Всего две странички, – он по-свойски похлопал меня по плечу, как бы выпроваживая, стал помогать собираться, оправдываясь: – Прости, у меня сегодня чертовски много дел, надо идти.

Мы вместе покинули здание академии, и я хотел было на улице спросить кое-что про «лабиринт», но Иван Силантьевич, как и при встрече, сухо протянул руку, растворился в снежных сумерках столицы.

По сравнению с моим бытом в Грозном, условия академической гостиницы были просто шикарными, правда, небольшой телевизор барахлил, но это было к лучшему: надо скорее ознакомиться с материалами сборника.

Несколько первых статей только о добре и мире, и даже гордость берет за свой много-страдальный, мирный, трудолюбивый народ. Но вот статья, где с самого начала ненависть, клевета. В итоге – бомбы на головы чеченцев, как заслуженная кара.

Теперь я уже читал внимательно. Еще в двух-трех статьях почти то же самое, если не хуже, вплоть до того, что и депортировали чеченцев правильно... До утра просидел. Злость во мне кипит. Вывод один – провокация: меня специально включили в академическую редколлегия, мол, что вы хотите, редактор – чеченец, все верно и подтверждено.

До обеда время еще было, но я не мог заснуть. В полдень был уже в здании под «лабиринтом». Пропуск не выписан, телефон не отвечает. Отягощенный пачкой рукописей, я прослонялся на сквозняке в прихожей не один час. Давно бы ушел, знай, куда деть чужие материалы. Усталый, разбитый и злой, в сгущающихся сумерках я уже медленно спускался по заснеженному мрамору парадной лестницы, как в упор столкнулся с запыхавшимся Калмыковым.

– Извини, извини, – не давая ничего сказать, потащил он меня обратно под «лабиринт».

В полумраке лифта сквозь запотевшие очки он виновато пытался заглянуть в мое лицо и, видя мою хмурь, тяжело вздыхая, перевел взгляд на свои разбухшие, изношенные сапоги. Пока старый лифт, скрипя, почти на каждом этаже останавливаясь, полз до самого верха, Калмыков, будто бы для убедительности кивая головой, печально вымолвил:

– Жена тяжело больна... Конечно, дети, как могут, помогают. Но сейчас все дорого. А тут, что мы получаем? Вот и приходится подхалтуривать на стороне... Я хотел позвонить, но у тебя нет мобильного... Впрочем, у меня тоже... Виноват.

От этих подробностей в тепле светлого кабинета, под мерный звук закипающего чайника, я уже было смягчился, но меня вновь поманил вид из окна, и, глядя на блеск горячей огнями Москвы, вспомнил мрак руин Грозного, где обитаю я, и, не оборачиваясь, твердо заявил:

– Я отказываюсь быть членом редколлегии и вообще не хочу участвовать в этом пасквиле.

– Отчего же? – дрогнул голос Калмыкова.

Я положил перед ним материалы Круглого стола и по закладке раскрыл абзац, где было относительно терпимое очернительство чеченского народа.

– Так-так, – Иван Силантьевич отставил заварочный чайник, сел очень ловко и быстро, поменял очки, по-моему, прочитал все, задумался, стал вновь перечитывать, уже медленно, вода подстрочно карандашом.

Я думал, что он собирается с мыслями и сейчас скажет, что это наука, надо мнение, пусть даже ошибочное, уважать, выслушать, это тоже полезно. Однако случилось для меня совсем неожиданное – Калмыков резко бросил карандаш.

– А кто автор? – он стал быстро перелистывать. – А-а, знаю я этого лжеученого.

– Можно этот абзац убрать? – робко предложил я.

– Не можно, а нужно, и не только абзац, а всю статью, к чертовой матери!

– Так есть и похлеще, – взбодрился я от поддержки.

– Что?! – Калмыков стал просматривать все мои закладки. – Так, отложил он материалы, снял очки. – Это ненаучно, – он встал. – Я более скажу, это не по-мужски.

Иван Силантьевич вновь засуетился вокруг чайника.

– Придется нам изрядно сегодня поработать, – озабоченно сказал он. – Завтра материалы необходимо сдавать. Клевету всю уберем, ей не место в академическом сборнике, – в два стакана он стал наливать крепкий чай. – Я весь продрог... Попав в пробку, автобус час на месте стоял. Пешком пришлось до метро добираться, сапоги худые... Нет, чай не спасет, надо принять радикальные меры, – с этими словами он достал из шкафа уже початую бутылку моего коньяка и, увидев мой удивленный взгляд, объяснил: – Вчера вернулся, допоздна работал.

Из того же шкафа Иван Силантьевич взял две выдавшие виды рюмки с пожелтевшими краями, разлил коньяк.

– А ты пьешь, кавказец?

– Если за здоровье, – мое настроение явно улучшилось.

– Только за здоровье, а то весь дрожу. Да и ты, видать, озяб, ожидая меня... Ну, – поднял он рюмку и, будто бы читая все мои мысли: – Ах да, закусить.

Он подошел к маленькому холодильнику, что стоял в углу, раскрыл и долго глядел, словно там есть выбор, кроме как одной тарелки с пересошим сыром и пары ломтиков хлеба.

По рюмочке не получилось, и мы уже, как говорится, плотно уселись, а разговор только о Кавказе, Чечне.

– Вы, чеченцы, сами виноваты, – начал профессор Калмыков, – вы сами себя в горы и ущелья загоняете, а доказательств, что вы жили на равнине и всегда, и не просто – налицо... Вот, возьмем твой подарок, – он взял уже пустую бутылку коньяка. – Видишь, адрес – станция Наурская, как явствуют историки, взятая русскими на ура. Здесь сразу два вопроса, как минимум. Во-первых, клич «ура» – монголо-тюркского происхождения. Во-вторых, «а у кого, как не у чеченцев, эта территория была взята?». Значит и на левом берегу, далеко за Терекон, на равнине, и даже в степях жили чеченцы почти всегда: и в Хазарии, и в Алании, и страна Симсим, и значительно позже, вплоть до покорения Россией.

– Так почему же это четко не определено в исторической науке?

– Понимаешь, каждая эпоха на свой лад перекраивает историю. Последний раз это случилось при Сталине в советское время, в сороковых-пятидесятых годах. Тогда, после победы СССР во второй мировой войне, все было дозволено. А, как известно, в это время на Кавказе уже не было чеченцев: депортировали. Их и впредь не должно было там быть, а значит и до этого тоже. Вот и выплеснули из тазака вас вместе с водой... Все в Лету кануло. Вот и ищи ветра в поле, точнее, в секретных архивах, может, что-то и осталось.

Иван Силантьевич довольно быстро ликвидировал следы нашего застолья, потирая руки, постановил:

– Так, пора работать. Все твои замечания справедливы. Как редакторы, мы обязаны привести все к науке, а значит к общественным ценностям. Но, – он поднял палец, – прежде надо устроить небольшой перекур.

Оказывается, курить можно только в специально отведенных местах – на лестничных клетках. Довольно долго мы блуждали по едва освещенному коридору, где я пытался разглядеть таблички кабинетов.

– О, – поразился я на ходу, – а у вас здесь и музей, оказывается, есть.

Калмыков лишь кивнул.

На лестнице было мрачно, сыро, холодно, сквозило. Было слышно, как за окном набирает силу ветер. В полном молчании, о чем-то думая, мы уже докуривали, когда Иван Силантьевич неожиданно заявил:

– Кстати, а знаешь, кто нанес самый сокрушительный удар по всему Кавказу, и особенно Северному?

– Кто? – чуть не закричал я.

– Тимур, или, как называют европейцы, Тамерлан, – бросив окурок в урну, он довольно бодро тронулся обратно, как бы между прочим продолжая. – Как и все великие полководцы, он был деспот и злодей. Непокорных он уничтожал до последнего, любил из отрубленных голов пирамиды строить. А вы ведь всегда непокорны, строптивы. Вот и лазал он со своей сотысячной армией по вашим горам и ущельям, последнего выискивал, все с землей сровнял, все отравил... Об этом мало кто знает, но это исторический факт.

Кое-что из этого я уже исследовал, но слышать такое от специалиста – будто надо мной навис грозный меч Тамерлана. Я забылся, то ли заблудился, и наскочил на неожиданно остановившегося историка.

– Впрочем, – не реагируя на мою неловкость, не оборачиваясь, промолвил он, – в этом музее башка² Тамерлана... М-да, самого в конце-концов обезглавили.

С этими словами он поспешил дальше, а я, обуреваемый смешанными чувствами, продолжал смотреть на эту дверь, и, когда шум шагов стих, чего скрывать, словно от испуга, побежал вслед.

Когда я вошел в кабинет, Калмыков стоял у окна и туда же поманил меня. На улице уже сгустились сумерки, ярким блеском светилась столица. Всюду лежал снег, и лишь прямо под нашим окном темной извилиной чернела не совсем замерзшая Москва-река.

– Я боюсь высоты, и редко, когда подхожу к окну, хотя красота-то какая, – Калмыков постучал по стеклу, словно это препятствие могло его защитить от падения. – А вообще-то, – видя, что я почти уперся лбом в холодное стекло, он придвинулся ближе, – по моему глубокому убеждению, что подтверждается и многочисленными исследованиями, с огромной вероятностью летом 1395 года, разгромив на Тереке Тохтамышша, Тимур без особого труда покорил все южнорусские города и вплотную подошел к Москве-реке, стал лагерем напротив города.

Резкий порыв ветра ударил в окно, так что мы оба отпрянули.

– Ну, да, – после некоторой невольной паузы заговорил Калмыков, – Москва тогда – уже богатый город. Цель Тимура – нажива. Шансов выстоять против полчищ кочевников у Москвы нет. И уже, как явствуют документы, богатые слои населения вели тайные переговоры о сдаче города. И вдруг, совершенно неожиданно, прямо посреди ночи Тимур отсюда в спешном порядке бежал.

– У-у-у! – завыл за окном ветер, задрожало окно.

Калмыков довольно быстро отошел от окна, сел за стол.

– Так, нам надо работать, – вновь постановил он.

– А почему Тимур бежал? – я уже был заинтригован.

– Говорят, что на противоположном берегу выставили святую икону – она спасла. Но это домыслы клерикалов. На самом деле, мне кажется, все было совсем иначе.

– Как? – не сдержался я.

– Ну, это мое предположение совсем ненаучно и из моих уст – уст историка-исследователя – будет звучать, по крайней мере, уж чересчур банально, если не мистично, а я сам обязан с лженаукой бороться, ... Так что давай работать, время поджимает, – он посмотрел на часы.

Вновь ветер стал напирать в окно, просочился в щели, и выцветшие шторы пришли в легкое движение.

– Ап-чи! – чихнул Калмыков, и, доставая платок: – Садись, давай к делу.

---

² Башка – от тюркского «баш» – голова.

Теперь я каюсь, да, признаться, меня этот сборник совсем не интересовал. Я уже витал в «лабиринте» XIV века, и поэтому предположил, что мы оба простудились, да и сквозит в кабинете. В общем, от меня поступило недвусмысленное предложение.

– Пожелание гостя – закон, – вздернув палец вверх, постановил Иван Силантьевич, – сбегаю в буфет.

Подискутировав и на эту тему тоже, мы решили идти вместе. Было уже поздно, ассортимент академического буфета нас не устроил, и тогда, ввиду того, что у меня нет пропуска, и могут быть осложнения, мы скинулись, и Калмыков отправился в ближайший магазин. Вернулся он не скоро, и не один, и было видно, совсем навеселе.

– Ну, познакомься, – видимо расслабившись, Иван Силантьевич забывал о своих проблемах, голос задорный, веселый, – тебе повезло, – обращался он ко мне, взмахивая рукой, – лучший специалист в мире по тимуроведению, кстати, мой ярый оппонент, но в жизни мы друзья – Олег Кузьмич!

Калмыков стал выкладывать из пакетов продукты:

– Вы не поверите, – смотрю, килька жаренная, ну, прямо как в добрые советские времена. Правда, цена – о-го-го, – все говорил он. – Я бы уже давно вернулся, да вот у Кузьмича в отделе день рождения, затащили, подзадержался, прошу прощения.

Стол был накрыт. Не только килька, но и тосты были просоветские, многословные, да все не о том, а я хотел, чтобы вновь говорили о Тимуре. Но у них начался, наверняка уже не впервой, диспут о роли компартии на современном этапе.

Меня эти политические хитросплетения, может быть, и заинтересовали бы в иные времена, да не теперь, когда сознание занесло в средневековье. От их речей мне стало скучно, и, видимо, выпитое сказалось, да и не спал я прошлую ночь, вот и стал носом поклевать, едва скрывая зевоту. И тут неожиданно Иван Силантьевич по столу кулаком грохнул и чуть ли не криком:

– А я утверждаю, что пока труп Ленина земле не предадим, не будет у нас в стране порядка.

– Да что за суеверие?! К чему эти шаманские заклинания? – дружелюбно улыбаясь, развел руками Олег Кузьмич.

– Это не суеверие, – вознес Калмыков указующий перст, – а жизнь. И я более того скажу – эту башку Тамерлана тоже надо восвояси вернуть иль того лучше – прямо в окно, в Москву-реку, а там и Волга, и пусть плывет к своим пустыням, к хазарам и аланам.

Мою сонливость как рукой сняло, а Олег Кузьмич уже по-свойски толкнул меня в бок, говоря:

– О-о! Смотри, куда его занесло. Да при Тимуре уже не было хазар. И аланы – выдумка, миф.

– Что значит «выдумка»? – повысил голос Калмыков. – Вот перед тобой потомок хазар и алан, – указал он на меня.

– Ну, ладно, ладно, – пошел на попятную Олег Кузьмич. – Давай лучше выпьем, – стал он разливать водку.

Теперь выпили без тоста, так же молча закусили. И вновь обращаясь ко мне, Олег Кузьмич, посмеиваясь, сказал:

– Понимаешь, сейчас в науке парадоксальная ситуация: историю интерпретируют, как хотят, в том числе, и, в первую очередь, наши академики. И вот для борьбы с этим злом, с этой лженаукой, создали высокую комиссию во главе с уважаемым моим другом, – он указал на Калмыкова. – И что ты думаешь? Сам впал в другую крайность – сомнамбулизм.

– А это что такое? – удивился я.

– Ясновидящий, предсказатель снов, – с явной иронией. – Иван Силантьевич утверждает, что вот здесь, именно на этом месте у Москвы-реки стал лагерем Тимур, ожидая

сдачи столицы. И однажды ему приснился сон, что отсекут ему голову и поставят в Москве на всеобщее обозрение, как сам Тамерлан любил делать.

– А что? – недовольно встал из-за стола Калмыков. – Тебе, как главному тимуроведу, известно, что Тамерлан видел вещие сны и им всегда следовал. Об этом все знают, и это описано в его так называемой автобиографии.

– А что, он и вправду видел вещие сны? – встрял я со своим.

– Да выдумки все, – махнул рукой Олег Кузьмич, – как сейчас говорят, самореклама. Под пророка Мухаммеда подстраивался, якобы наместник Всевышнего. А сам грабил лишь мусульманские страны, мол, за чистоту веры боролся. Только на христианскую Грузию напал, а вот на Византию, совсем ослабевшую, но богатую, не пошел.

– А на православную Русь он разве не пошел? – перебил его Иван Силантьевич.

– Ну, во-первых, Русь, хоть и православная, была частью Золотой Орды. А во-вторых, как гласит летопись, Божья благодать за нас вступилась.

– О-о! – вскрикнул Калмыков. – Это говорит ученый – коммунист-атеист.

Они опять заговорили о политике, да я свой язык не сдержал:

– А что, и вправду голова Тимура здесь?

С этого все и началось.

– Ты не веришь? – как бы насупился Калмыков. – А что, надо продемонстрировать гостю, – предложил Олег Кузьмич.

– Уже поздно, – посмотрел на часы Иван Силантьевич, – Мария Ивановна, небось, ушла.

– Да это даже к лучшему, никто мешать не будет, – решил Олег Кузьмич.

– А ключи, сигнализация?

– Ой, будто мы всего не знаем, – не унывает Олег Кузьмич. – Велика важность – башка злодея. Был бы из золота, нам не достался бы.

– А выпить больше нет? – это я уже разгулялся в преддверии встречи с Тамерланом.

Пока я томился в коридоре возле двери «музей», они оба исчезли в каком-то кабинете, появились со связкой ключей. Зажгли свет. В нос ударил затхлый, спертый, тяжелый воздух, напоминающий могильную жуть. Помещение оказалось небольшим. Мое внимание привлекли многие экспонаты, и я, было, уже прошел мимо.

– Иди сюда, – возвратил меня Иван Силантьевич, – вот он. Опять в Москве.

Оказывается, голова Тамерлана постоянно хранится в Кунсткамере в Санкт-Петербурге, но временно перевезена в Москву на музей-выставку в честь юбилея Российской академии наук.

Я ожидал увидеть нечто необычайное, может, великое, даже страшное. А передо мной обыкновенный бюст, правда, под стеклом, как Ленин в Мавзолее, и так, ничего особенного: старый степной человек, которых я немало встречал при поездке в Среднюю Азию. Только вот, наверное, Герасимов³ старался сделать его злым, волевым, жестоким, но мне показалось, получилось, наоборот: немного обижен, виновен, растроган, даже просит прощенья, губы поджаты. И если бы не великолепный, действительно ископаемый, бесценный шлем на голове – заурядный, рыжеватый дехканин.

По существу, работа безукоризненна: как живой, словно в музее восковых фигур. Но тут-то подлинный череп, который так покрыт мишурой, что вот-вот заговорит. И неужели этот тиран, этот повелитель мира, или, как он сам себя называл, «полярная звезда» и Властелин, сейчас отдаст приказ или закричит в ярости?! Нет! Выражение его глаз так скорбно, что, наоборот, кажется, он хочет что-то попросить, вымолить.

---

³ Михаил Герасимов – советский антрополог и скульптор, который по черепу реконструировал лицо Тамерлана.

– О-о! Вы уже здесь, – с шумом появился Олег Кузьмич, весь запыхавшийся и довольный. – Все ушли, я все принес! – в авоськах водка, пиво, уже початая бутылка вина и всякая нехитрая снедь.

– Ой-ой! Только не здесь, только не сюда! – взмолился Иван Силантьевич. – Ведь это музей! Кто узнает – конец!

– Да ладно тебе! – удаль появилась в движениях Олега Кузьмича. – Давненько я мечтал вот так с Тимуром посидеть, – он по-хозяйски, попросив меня помочь, положил на пол какой-то замысловатый экспонат и бесцеремонно, скрипя стертým паркетом, пододвинул стол прямо к Тамерлану, по ходу мне говоря: – Ты знаешь, он запретил вино и всякое спиртное, но сам устраивал такие попойки, во время которых напивался вдрызг до потери памяти.

– Да и умер он от перепоя, – встрял в наш разговор и Иван Силантьевич, стал помогать стол накрывать.

Ветер завыл с новой силой, аж засвистел. Все уставились в окно.

– Ну и погода разошлась, – вымолвил тихо Иван Силантьевич.

– Да-а, – поддержал Олег Кузьмич, и, как сейчас принято говорить у молодежи, он высказался в тему, – вот в такую непогоду во время похода на Китай, – ткнул пальцем в сторону бюста, – он попал в пургу, застрял в Отраре, и его историографы говорят: заболел воспалением легких. А на самом деле Тимур в Отраре устроил грандиозный пир с оргиями, как он любил, и от этой попойки скончался.

– Пьянству – бой! – то ли шутя, то ли серьезно постановил Калмыков. – И вообще смешивать спиртное – опасно.

– Ну, здесь холодновато, – это уже моя провокация.

– Да-да, надо по чуть-чуть, – стал разливать Олег Кузьмич.

– Нам надо работать, – не совсем твердо заявил Калмыков, – ведь завтра девятнадцатое, – один день до сдачи сборника в печать.

– Да ладно, никому твой сборник не нужен, а кому нужен, еще подождет, – как и бутылка, бразды правления в руках Олега Кузьмича. – Ну, еще по одной, так сказать, за здоровье... Ой, – вдруг он покосился в сторону Калмыкова, – ты что сказал – девятнадцатое? Вот это мистика! Как раз девятнадцатого января 1405 года Тимур скончался.

– Ровно шестьсот лет, – прошептал Калмыков.

– У-у-у! – завыл ветер за окном.

– Вот судьба, – несколько ниже тон Олега Кузьмича, – как он выставлял отрубленные головы на показ, так и его башку в конце концов выставили... А душа небось мечется, покоя ищет.

– Что это ты о душе, загробной жизни и судьбе заговорил? – еле заметная гнусавость появилась в голосе Ивана Силантьевича. – Ты ведь наш нестигаемый атеист.

– А как не говорить, – задумчив стал Олег Кузьмич, – ведь сказано, будет проклятие, если его откопают. Вот, в июне 1941 года его достали, и сразу – война.

– Брось ты, – небрежен Калмыков, – вторая мировая война уже два года до этого шла и была неизбежна.

– Между прочим, – перебивая, сказал Олег Кузьмич, – я знал человека, кто выкапывал Тимура в мавзолее Гур-Эмира. Говорят, когда раскрыли эбеновый гроб, то пошел такой дурманящий запах, что целые сутки помещение проветривали, а рыжая борода Тимура совсем рассыпалась.

– Интересно, ее ли принесли или что иное? – это вновь я не по делу.

– А что, давайте проверим, – после очередной рюмки воспряли мы духом.

– Не-не, – забеспокоился Калмыков, – лет двадцать ящик не вскрывали, и не дай Бог.

– А вообще, как живой, – не унимался я, – действительно, борода настоящая ли? – я уже встал, ощупывая маленький замочек на стеклянном ящике. – Вот бы пощупать его.

– Да, – Олег Кузьмич тоже встал, – в целях науки пощупать узурпатора, я думаю, будет полезно, а то вдруг надумают, как и Ленина, закопать. А ну, Силантьич, давай-ка ключи.

Я вроде промолчал, но, наверняка, вид у меня был тоже требовательный.

– Да вы что, вы что?! – начал было противиться Иван Силантьевич, но не так, чтобы ретиво.

К замку и вправду давно не прикасались: маленький ключик после долгих усилий едва со скрипом провернулся. И когда мы стали открывать вроде стеклянную дверцу, она оказалась толстой, тяжелой, из какого-то плотного пластика. А петли уже проржавели, не выдержали: дверца рухнула и прямо острым углом в мой сапог, пробив не только кожу сапога, но и мою собственную, чуть не до крови. Во избежание чего-либо мою ссадину обработали последними каплями водки.

– Вот деспот, и сейчас на нашу жизнь покушается, – возмущался Олег Кузьмич и, угрожая пальцем, – смотри мне, Ленина, может, эти дерьмократы и закопают, а ты еще тысячу лет будешь здесь стоять.

Я, видимо, к этому моменту уже изрядно окосел и нос к носу сошелся с башкой Тамерлана.

– Вы поглядите, как живой, – произнес я, – а кожа, кожа настоящая, – и я нажал пальцем на выпирающую азиатскую скулу.

– Ну-ну, не лапай так, не трогай, – хотел меня в это время отстранить Калмыков и тоже, как и я, замер в изумлении: из глаза, оставляя на изборожденной морщинами, якобы обветренной, но еще сохранившей румянец и жизнь коже, медленно скатилась крупная капля и, блестя светом неоновых ламп, застряла на кончике рыжеватых усов.

– Боже! Он плачет, – натужно выдавил Иван Силантьевич.

– А ну, – расталкивая нас руками, приблизился Олег Кузьмич, не как я, а запросто пощупал физиономию, даже бороду дернул. – Да что вы, набожники, физики не знаете? Скопился конденсат в пустотах, нажал пальчиком – капля потекла... А они: плачет тиран! Надо было раньше плакать, когда воздвигал «минареты» из черепов.

– Вот времена были, – прошептал Калмыков.

– А ныне что? А Гитлер? А Сталин? А атомная бомба на Хиросиму? – судил Олег Кузьмич. – Да и сейчас что у нас?!

– А минареты и вправду были? – изумился я.

– А что? Факт: Исфаган, Тус, Дели, Алеппо, Багдад, Магас...

– Магас – наш город, – возмутился я.

– Об этом весь сказ. Ведь вы непокорны, а непокорных он не щадил.

– Да, – подтвердил Калмыков. – Как написано в летописях, при взятии Магаса у всех пленных, от мала до велика, было отрезано по правому уху, люди проданы в рабство в Сирию и Египет, тамошним мамлюкам... А гору ушей пересчитали: более 260 тысяч!

– Ну, не так, – возразил Олег Кузьмич. – Во-первых, Ата-мелик Джувейни писал это с чужих слов и любил зачастую преувеличивать. А во-вторых, это случилось в дотимуровский период во время монгольского хана Аргуна, внука Чингисхана.

– Кстати, могилу Чингисхана так и не нашли, – перебивая, сказал Иван Силантьевич.

– А жаль, – вздохнул Олег Кузьмич, – его башка здесь была бы более уместна.

– Не скажи, не скажи, Кузьмич, это как посмотреть. От монголов мы и пользы немало получили.

– Разве что твою фамилию, хе-хе... Да ладно, не обижайся, – похлопал по плечу Калмыкова Олег Кузьмич. – Давайте лучше выпьем.

– Не-не, – поднял руки Иван Силантьевич. – На коньяк – водку, а теперь еще вино с пивом – хуже ерша, гремучая смесь.

– Да ладно, садись, Силантьич, тряхнем стариной... И ты садись, – это мне.

По музею разлился аромат душистого вина.

– Мне домой надо, жена больная, – уныл голос Калмыкова.

– Вот и выпьем за здоровье дам!.. Стоя! До дна! – командовал Олег Кузьмич.

Мне вино понравилось, а может, жажда мучила. Словом, я еще раз наполнил свой стакан.

– Это правильно, – постановил Олег Кузьмич. – А вот то, что только себе налил – нехорошо... Вот так!.. Ну, что ж, мы ведь не пьяницы, и без тостов не пьем. Силантьич, скажешь пару слов?

– Надо все закрыть, убрать, – Калмыков озабоченно посмотрел на часы. – Поздно. Жена больная.

– Тц, – выдал губами Олег Кузьмич, небрежно махнул рукой, – у тебя всегда жена, – он ткнул меня. – Даже в молодости, в экспедицию поедem, он через день нюни распускает – жена, жена! А как истинно сказал Пророк (мир ему и благословение!): «Все в мире просто, кроме женщин и разговоров о них!». Правильно я говорю, кавказец? – он снова ткнул меня.

– У-гу, – промычал я. На большее не был способен, в отличие от Калмыкова уже и циферблат не различал.

– А я считаю – неправильно, – вновь прорезался голос Ивана Силантьевича. – Ты искажаешь смысл святого писания. Женщина – это величайшее творение Бога! И я...

– Да, начни с Евы, – перебил его Олег Кузьмич.

Как и по другим темам, они и здесь засели надолго дискутировать, часто обращаясь ко мне. Я нить разговора уже потерял, что-то мямлил невпопад. Я устал, был пьян. Действительно, разговор о женщинах был не простой, аж жажда подступила. Меня потянуло к пиву, после которого окончательно развезло, и я уже ничего не слышал. Лишь когда они вновь стали упоминать имя Тимура, слегка очнулся, что-то спросил.

– А что, ты этого разве не знаешь? – не как ранее, а локтем, сильнее ткнул меня Олег Кузьмич, так что я чуть не упал со стула. И это, наверное, привело меня в какое-то чувство.

– Что не знаю? – словно спросонья стал озираться я.

– Вот Тимур, не то что мы, – громко пояснял Олег Кузьмич. – Настоящий мужик! Почти что семьдесят...

– Шестьдесят девять, – уточнил Калмыков.

– В любом случае, старше нас с тобой был. А каждую ночь ему поставляли ровно десять совсем юных девочек.

– И мальчиков, – вновь Калмыков.

– А зачем десять? – это я.

На это вначале среагировали молчанием, тоже глотнули пивка.

– Ну, значит был такой мужчина, настоящий хан. Ты посмотри на него, – мы все вновь уставились на бюст.

И мне показалось, что Тимур моргнул, мол, вот такой я был молодец! Что, завидуете? Но я об этом видении умолчал, – значит, кое-как соображал.

– Вот гигант! Вот мужчина! – воскликнул Олег Кузьмич.

– Надо и ему налить пивка!

– Конечно надо! – расщедрился и я.

Вот тут я уже не помню, угостили ли мы его или нет. Помню, что Калмыков нас осаждал, а потом сделал пояснение.

– Вы-то говорите об одной стороне. А что он делал наутро?

– И утром? – это тоже я.

– Утром, – стал говорить Калмыков, – если ночь его прошла хорошо, то одаривал он юнцов подарками. Но если настроение бывало плохим, иль сон под утро привидится плохой,

а это к старости у него было чаще, то делал так знак, – он наискось махнул рукой, – и детей умерщвляли.

– Вот изверг! – это я, и следующее предложение. – Кильку ему в рот и пирожным по харе.

– Ну-ну, это ведь экспонат, музей, – успокаивал меня Калмыков, – академическое достояние, историческая ценность.

– Какая ценность?! – возмутился я и уже чувствовал, как стали действовать бессонная накануне ночь, алкоголь, гнев, провалы в памяти, пьяный бесконтроль.

– Да это что, его отпрыски и приспешники были еще наглее, – за столом продолжался разговор. – Вот Силантыч утверждает, что Тимуру под Москвой приснился вещий сон, и он ушел на Кавказ. А на самом деле, внук Тимура, оставленный наместником в Магасе, увидел свадьбу и потребовал к себе невесту-красавицу, будто мало ему было наложниц-рабынь. А у кавказцев вопрос с женщинами сугубо щепетильный, вот и посадили наместника на кол, и всех тюркитов истребили. Вот тогда-то и вернулся Тимур на Кавказ, все сровнял с землей, почти всех истребил, в рабство загнал, лишь немногие в недоступных горах укрылись.

– Вот гад! – зарычал я. – И вы его за это на постамент, бюст из мрамора, шлем с рубинами и на самый пик Москвы, выше лишь «лабиринт» ваш золотой из надуманной истории.

Скорее всего, я еще какою-то несуразицу плел, может, и лично в адрес коллег. Если честно, не помню или не хочу вспоминать. Вот только четко помню, что как-то умудрился я раскрыть окно, вьюга в музее, а я кричу:

– В землю его, растоптать!.. А лучше – в Москву-реку, пусть килька сожрет!..

...Очнулся я на диване, в гостинице, в одежде, даже обувь не снял. Я еще сквозь острую головную боль подумал, может, мне все это приснилось, и, лишь увидев мой пробитый сапог, я, что мог, вспомнил. Стало стыдно, позорно, и главное, я многое вовсе не помню, даже как попал в гостиницу.

Все ныло, жалкие остатки совести съедали нутро. Дабы забыться, вновь уткнулся в спинку дивана и, видимо, уснул. Проснулся от кошмарного сна: по-моему, и мою голову пытались оторвать, в милицию сдать, болит. Жажда заставила доползти до холодильника.

В следующий раз я пробудился от длинных телефонных звонков.

– Пришел в себя? Хе-хе, ну ты даешь, – голос Калмыкова совсем без уныния. – Все замяли... Ну, ты хоть завтра с утра объявись: сборник сдать надо. А Кузьмичу мы поделом наваяли, меньше трепаться будет. Ха-ха, он рядом, тебе привет передает... Пивко хоть есть у тебя?

Не знаю, как Тимур, а я позвонил родственнику, попросил денег и бежал от Москвы гораздо быстрее. Почти все сорок часов до Грозного я, мучаясь, пролежал на верхней полке, боясь кому-либо в глаза посмотреть. А когда ненадолго под стук колес засыпал, все снилась мне голова Тамерлана, и кажется мне порой, что он смеется, зло твердит: «Смог бы, и ты так же пожить захотел бы. А то живешь, как букашка-гаракашка, так и сдохнешь, как тварь, без памяти». А то вижу совсем иное: плачет он, просит простить, захоронить, а еще лучше в Москву-реку, и вправду, бросить.

К психиатру я, конечно же, не обращался, да немало времени провел в каком-то кошмаре: ночью те же сны, не дай Бог, вещие, а днем – непреходящее чувство вины. И это длилось до тех пор, пока случайно, среди записок нагрудного кармана, не обнаружил визитку: Новопалов Олег Кузьмич, академик, доктор исторических наук, и телефоны, в том числе и от руки написанные, – мобильный и домашний.

Еще пару дней я не решался позвонить, а когда услышал этот знакомый неунывающий голос, словно гора с плеч, вновь ожил.

– Ты что пропал?! – как всегда громко и непрерывно говорил Олег Кузьмич, так что и извиниться не дал, и сразу видно – исследователь, во всем причинно-следственную связь

ищет. – Я той встрече очень рад. Если не в Бога, то в судьбу точно верить стал. Ты видел, как башка Тимура слезу пустила? Никто не верит. А он хитрый и коварный: нас, старых, хладнокровных северян чувствами не возьмешь, а перед тобой, наивным горцем, расчувствовался: милосердие или гнев хотел вызвать, добился своего – чуть не захоронили. Хорошо, сигнализация сработала, охрана примчалась... Да Бог с ним, с этим шлемом, я думаю, сама же охрана и украла, а там все стекло – подделка. Мы новый напялили – еще краше стал.

Я хотел было что-то спросить, но голос совсем пропал, а Олег Кузьмич продолжал:

– Ты-то ладно, молодой. А мы, два старых олуха, пошли тебя в гостиницу провожать, а ты нас в ресторан. Хорошо, что в наш, академический. Все спустили, даже часы. Я лет двадцать так не гулял. А ты – джигит, до утра – лезгинка! Ну, давай, я тороплюсь. Не пропадай, звони.

Еще через пару дней я не стерпел и позвонил вновь на мобильный.

– Что у тебя? – видно, что Олег Кузьмич занят. – Погоди, – слышен стук шагов. – Говори.

– Я хочу писать, ... о Тимуре.

– Гм... Тебе нужны материалы? – его голос был очень серьезен. – Приезжай... Еще раз взглядишь в лицо Тимура, может, напоследок. Я теперь думаю, надо Москву избавить от духов ига ордынского и коммунистического – Тимура и Ленина... А тебе я помогу: дело ученое – искать, писателя – писать, а читателя, если хочет – читать, дабы знать историю, чтобы жить...

Если чего-либо не знаешь, либо позабыл, пройдишь по следу Пера, ведь роспись – дар Божий.

(древнее изречение)

Часть I

Не века, а целые тысячелетия на бескрайних просторах срединной Азии каким-то невероятным образом плодились несметные орды степных кочевников, которые вначале перемещались на запад, вслед за своими стадами в поисках все новых и новых пастбищ. А потом, вплотную столкнувшись и познакомившись с плодами древних цивилизаций Передней Азии и Европы, сквозь узкий прищур глаз, приревновав роскошь и благополучие огромных городов, собирались в бесчисленные полчища полудиких, презирающих оседлость, дом, очаг и сад; выносливых, неприхотливых, безжалостных людей, которые не раз, а почти каждые полвека, с глубокой древности, вплоть до 1683 года, осады Вены, где явно обозначился технический прогресс и превосходство стрелкового оружия, а не личное мужество в контактном бою, – эти варвары, как их извечно называли европейцы, с неукротимой яростью захватывали почти весь евроазиатский континент – от Тихого до Атлантического океана, обездоливая целые страны, уничтожая цивилизации.

Как утверждают историки, кочевое рабовладельческое хозяйство срединной Азии, питающее войну и питающееся войной, одетое в сверкающую металлом военную оболочку, – главный тонус той эпохи. И та эпоха, эпоха средневековой таинственности, загадочности и жестокости, породила не одного покорителя и владыку мира. И среди них, конечно же, самый великий – Чингисхан. Но не менее одаренной и грандиозной была и личность Тимура, или, как его называли европейцы, Тамерлана.

Разумеется, как удачливый разбойник-авантюрист с большой дороги, Тамерлан в начале своего жизненного пути умело воспользовался плодами своего величайшего предшественника, своего пожизненного кумира. Однако, если оценивать Тамерлана в зрелом возрасте уже как полководца, правителя, политика, администратора и лидера народа и семьи, то равных ему мало. Быть может, таких, кто превосходил бы его, не существует вообще. Он из когорты Македонских, Дариев, Цезарей, Чингисханов и Бонапартов. Этот прирожденный кочевник из мальчишки-пастуха вырос до одной из величайших фигур прошлого, благодаря которому круто изменилась история не одного народа, а, может, целого континента...

* * *

Чингисхан, о славе которого Тимур еще с детства мечтал, до этого даже не додумался. И как был кочевником-степняком, так им и остался, и город свой не возвел, и мавзолей после себя не оставил, лишь память, для кого – зверства, для кого – идола. А вот Тимур, вроде потомок Чингисхана, уже по-новому смотрел на мир, да это не в военном деле, где он по жестокости ничуть не уступал чингисидам. Дело в ином: он не только думал о будущем, он его неустанно возводил. И захватывая любой город, любую страну, он заранее выяснял, кто там умелый ремесленник, ученый, врач, поэт, музыкант, строитель, архитектор и кого оставлял при себе, а кого лаской, посулом или угрозой отправлял в свою столицу Самарканд. Так он построил один из прекраснейших городов мира, разрушая такие же города.

Для Тимура – кочевника-завоевателя, как и для его воинства, снести голову, поджечь и сровнять с землей город, изнасиловать женщину и по прихоти, может, ребенка – удаль, и зачастую дело обыденное. Ведь главная цель – грабеж. Но, вместе с тем, к своей семье, особенно к сестрам, детям и внукам Тимур относился с сердечной любовью, с непонятной для этого тирана трепетностью и вниманием.

В молодости этого не было. Молодой Тимур любил преодолевать трудности и препятствия даже зимой, обескураживая противников, стремительно пересекая бескрайние

пустыни и высокогорные перевалы. А с возрастом, когда в руках оказалась огромная власть, империя, несметные богатства и судьбы целых народов, он стал внимательней к своему личному здоровью и своей личной безопасности, к возвышению и увековечению своей персоны.

Чингисхан до этого не додумался. А Тимур – тоже житель бескрайних степей, пустынь и полупустынь – очень хорошо знал, что вода – это все, источник жизни, и ввел в структуру своего административного управления специальную должность – визирь воды.

Такое название малопонятно, даже смешно, а в те времена визирь воды – один из главных в свите Тимура. По сути, визирь воды отвечает не только за воду, а за здоровье и настроение джехангира⁴. А для этого по пути предполагаемого военного похода, а точнее, во все стороны света, направляется огромная армия разведчиков, как военных, так и дипломатов, а также под видом купцов и странствующих факиров⁵, дервишей⁶ и монахов.

Информация от разведки поступала самая разнообразная, но визирь воды выбирал ту, что необходима ему. Для властелина мира во время похода надо выбрать самое изумительное место стоянки. И если Тимур пожелает жить вне города (а кочевники в основном только так и хотят жить – на природе, в роскошной юрте), то заранее подыскивают место, и не одно, а и запасное, – недалече, чтобы вид был сказочный, источник воды – целебный, поселений – нет (если есть, сносят), климат – благоприятный; и не было бы в обозримом прошлом эпидемий и всяких гадов: змей, крыс, комаров.

За свою жизнь, всю в военных походах, Тимур обошел и повидал немало земель – от Урала, Сибири, Поволжья до Индии, Персии и Месопотамии. И нигде он не задерживался: сражался, убивал, грабил и обратно в Среднюю Азию, в родной Самарканд. Но когда он дошел до Кавказа, то изумился красоте, щедрости и благодатности этого края.

– Да, действительно, это божественный уголок Земли! – восхищался Повелитель.

– По преданию, здесь находился райский сад Эдем, и здесь, в этих араратских горах, некогда жили Адам и Ева, – на ходу объясняли Тимуру известные богословы историю сотворения мира.

– Именно здесь и будет располагаться мой стан, – отдал Тимур распоряжение визирю воды.

Кавказ так понравился завоевателю, что он подолгу бывал здесь. И все было бы хорошо, но одно не давало ему покоя – люди Кавказа очень стройны, грациозны, отважны в бою, да уж слишком горды, и даже строптивы, непокорны и своенравны.

– На Кавказе проживают многие народы, – прежде чем пойти туда с войной, Тимур выслушивает подробные доклады о положении предполагаемого противника. – Каждый народ говорит на своем языке, у каждого народа свой князь. Постоянны междоусобицы. Но когда появляется внешний враг, кавказские народы объединяются, помогают друг другу.

– Так, это интересно, . . . а мы пойдем вот так, – двинул вперед фигуру и перешел на другую сторону шахматной доски. В эту игру он играл постоянно, ею буквально болел.

Они стояли на живописном холме, который с трех сторон омывали говорливые воды Куры. Осень была в самом разгаре, все пестрело, горело, увядало. В небольшом подлеске, прижатом скалой к самому плесу, щебетали встревоженные щеглы. Оттуда же веяло густым томительным ароматом отцветшей тины, слышались всплеск рыб и жалобный лай засыпающей лягушки.

– А мы ответим вот так, вот так тебе, вот так, – и он одной фигурой грубо сбил другую так, что она упала не только с перла шахматной доски, но, сделав на золотой, отполированной поверхности стола резкий полукруг, плюхнулась наземь, подмятая своей тяжестью

---

⁴ Джехангир (тюркс.) – властелин мира.

⁵ Факир (арабск.) – бедняк, в более широком смысле – побирушка, аскет и служитель культа.

⁶ Дервиш (персидск.) – мусульманский странствующий монах.

душистую траву, словно это не кусочек бивня, а, в действительности, слон. – Продолжайте, продолжайте, – отдал Повелитель распоряжение, а сам, будто вокруг никого нет, и он никого не слушает, вновь склонился над доской.

– При внешней угрозе народы Кавказа объединяются и...

– Это я уже слышал, – грубо перебил Тимур, – и вы уже должны знать, как надо действовать в таких ситуациях, – он оглядел свою свиту, остановил взгляд на сыновьях.

– На кол всех посадить, – резко бросил сын Мираншах. Только он смел и ему позволялось так грубо говорить при Великом эмире.

Лицо Тимура исказилось в недовольной гримасе, и он перевел взгляд на рослого молодца, свою надежду и любовь – внука Мухаммед-Султана, сына уже покойного первенца Джехангира.

– Вначале надо всех ублажить подарками, – как на уроке, потупив взгляд, неуверенно произнес внук.

– Правильно, умница! – посветлев лицом, хлопнул в ладоши дед. – А еще что?

– Наладить контакт с духовенством и со знатными местными богатеями, – увереннее стал голос внука.

– Молодец! – Тимур похлопал по плечу своего любимца и, ткнув пальцем в свой рубиновый шлем. – Башка дана человеку, чтобы думать, а если она не способна думать, то ты, Мираншах, прав – сядет на кол.

Тимур вновь вернулся к шахматам, поглаживая бородку, задумался и вновь глянул на свое потомство:

– Кстати, я ведь получил сегодня письмо от своего духовного наставника Саида Бараки⁷, дай Аллах ему здоровья и долголетия. Читай, – щелкнул он пальцами в сторону визиря воды.

Визирь воды, друг Тимура с самого детства, стоял, как изваяние, в угодливой позе. В той же позе он, засуетившись, ненадолго отошел, тут же вернулся и, слегка кашлянув, поправляя голос:

– В управлении своим государством ты, Абул-Мансур-Тимур, должен использовать четыре основных принципа: обдуманый расчет, разумную решительность, выдержанную стойкость и постоянную осмотрительность. Государь, не имеющий ни четкого замысла, ни рассудительности, похож на безумца, все слова и действия которого суть только заблуждение и беспорядочность, они порождают лишь стыд и угрызения совести... Знай, что искусство управлять состоит, частью, из терпеливости и твердости, частью, из притворной небрежности, что оно в умении казаться не знающим того, что знаешь...

– Вот! – перебил визиря Тимур. – Дальше не читай, – он опять склонился над шахматами и, привычно потирая рыжеватую с проседью бородку. – Так, куда пойдём?

Свита молчала, не зная, то ли он говорит о шахматах, то ли о военном походе. Первым заговорил Мираншах.

– Надо идти на запад – разбить Баязида⁸ и мамлюков⁹ Сирии и Египта, а потом Константинополь.

– Ты хочешь расквитаться? – ехидность в голосе Тимура; его сын, оставленный управляющим в покоренном Багдаде, так загулял, что, будучи пьяным, чуть не попал в плен к мамлюкам, которые отвоевали город. Уходя от преследования, Мираншах дважды вступал в бой, потерял много людей и обоз с добром, пока вновь не вернулся под крыло всемогущего отца.

---

⁷ Саид Бараки – европейская транскрипция; Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайаби – математик, астроном, историк.

⁸ Баязид I (прим. 1338—1402), правил с 1389 г., султан Османской империи, правнук основателя империи Османа.

⁹ Мамлюки (арабск.) – невольники, воины-рабы, составляющие гвардию династии Айюбидов. В 1250 г. мамлюки свергли Айюбидов, захватили власть в Сирии и Египте и правили до 1517 г., пока не были свергнуты турками-османами. В 1711 г. мамлюки вновь захватили власть и были ликвидированы лишь в 1811 г. Мухаммедом Али.

– А ты что думаешь? – обратился он к одному из своих военачальников Шейх-Нур-ад-дину Сабуку.

Сабук – тоже друг детства, ровесник Тимура, богатырь, участник всех походов и столько на нем ран, в том числе и на лице, что один его вид страшит.

– А я считаю, надо идти на север, на Золотую Орду, – голос Сабука груб, с хрипотцой, будто песок пустынь в горле осел, – в тот раз мы Тохтамыш¹⁰ не добились, пожалели, а он, наш милый зятек, вновь, говорят, окреп, на наши завоевания зарится.

– Надо идти на Сирию, – бесцеремонно вмешался Мираншах, – там богаче города.

– Что значит крохотная Сирия? – чуть ли не рыча, возразил Сабук, – Золотая орда – это целый мир, добра оттуда не вывести, а девушки – не то что черномазые сарацинки, а бело-снежные гурии.

– О-о! Ха-ха-ха! – воскликнул Тимур, однако его вечно суровое, обветренное лицо, казалось, не умело улыбаться. – Вот видишь, мой друг, молодежь еще жизни не знает.

– Конечно, не знает, – хрипел Сабук, – это они думают, что вся жизнь впереди. А нам, старикам, юная кровь нужна.

– Объясни молодым, – глаза Тимура совсем сощурились и не понятно, то ли он смеется, то ли скалится.

– У-у-у! – будто уже в экстазе затрясся Сабук. – На ночь старое кавказское вино и новое нежное детское тело – утром в бой рвешься!

– Что за ересь несешь? – рявкнул Тимур. – Наша цель – распространение истинной веры и борьба с язычеством и неверными.

Все разом склонили головы, наступило молчание, лишь озабоченные по весне птицы в подлеске не вняли гласу Повелителя, а один ворон прямо разошелся, пролетел совсем низко над шахматным столом, еще издал звук гортанный «каррк-каррк». Пронзенный стрелой, резко спикировав, упал в заросли, где-то у берега.

Никто не обратил на это внимание – денно и ночью стан Повелителя охраняют двенадцать тысяч лично преданных воинов и в радиусе пяти километров никто не смеет ни ползать, ни ходить, тем более, летать. А сам Тимур вроде вновь поглощен шахматной игрой и вдруг вопрос:

– Так что там о Кавказе?

– На Кавказе проживают многие народы, но доминирующая нация – грузины. Грузины – древний народ, имеют высокоразвитую культуру, исповедуют христианство.

– Какое вероломство! – воскликнул Тимур. – Ведь их царь и вся знать на коленях вымолила у меня жизнь, и я пощадил их, когда они приняли мусульманство.

– Вероотступники – всех истребим! – приблизился к отцу Мираншах.

– В моих частях служат более пятнадцати тысяч кавказцев, в том числе и грузины, – вмешался в разговор командующий одной из армий, – и они – отважные воины и верные люди.

– Вот и надо доказать веру, – разошелся Мираншах, – натравим их на своих же, нехай истребят друг друга.

– Это не разумно, – вступил в разговор другой военачальник.

– Что значит разумно-неразумно? Главное – нам выгодно! – чванливо заявил Мираншах.

– Хватит! – прекратил их спор Тимур. – Продолжайте о Кавказе.

---

¹⁰ Тохтамыш (? -1406) – чингисид, потомок хана Джучи, хан Золотой Орды с 1380г. Пришел к власти при помощи Тимура.

И это было то, о чем писал ему его духовный наставник – умение казаться не знающим того, что прекрасно знаешь и лучше чем все, потому он и может именовать себя эмиром эмиров¹¹.

На этот прекрасный уголок земли – Кавказ – Тимур впервые пошел восемь лет назад, в 1386 году. Та первая кавказская кампания оказалась очень трудной, долгой, кровопролитной. Столица Грузии Тбилиси была взята после двухнедельного штурма. После этого Тимур стер с лица земли древнюю столицу Грузии Мцхету и крупный город Карс.

На Кавказе препятствием были не города, а горы, как сами по себе, так и прилепившиеся к ним хорошо укрепленные селения, откуда появлялись неуловимые горцы, нападавшие небольшими отрядами и наносившие удары оттуда, откуда их не ждали.

Самоотверженность кавказцев не спасла. Многочисленное Тимурово войско разгромило богатейший край, вытоптало виноградники, истребило столько народа, что от окоченных трупов невозможно было дышать, даже идти по дорогам Кавказа. Дабы получить мир и спасти себе жизнь, царь Грузии Георгий VII сам явился с поклоном к Тимуру и прикинулся сторонником ислама.

Тимур принял вассальную зависимость Грузии при условии, что впредь ежегодную дань будут платить не Золотой Орде, а ему, и еще большую, в виде золота, драгоценностей, чистокровных коней, девушек в гаремы. И это не все – грузинские отряды были включены в состав Тимуровых войск, одни – силою, другие – убеждениями.

Однако это не значило, что Грузия покорилась Тимуру, о своей капитуляции она по настоящему не заявляла никогда. Дабы вконец склонить грузин, Тимур на Грузию вновь послал своего сына Мираншаха, этого деспота, полусумасшедшего тирана. Да в это время случилось то, чего Тимур никак не ожидал. Великий эмир отдыхал в живописных местах северного Азербайджана, в районе Самурского хребта с прекрасными условиями для соколиной охоты, когда его уведомили о том, что хан Золотой Орды Тохтамыш внезапно преодолел Дербентский проход и движется с севера с огромным войском. Не имея сил держаться долго, неся потери, сдавая позиции, Тимур бежал в сторону Грузии, где местные проводники ценою своих жизней все-таки смогли хоть как-то отомстить тирану, завели Тимура в алазанские топи. И будь Тохтамыш немного решительней – конец бы Тимуру. Но пока Тохтамыш обдумывал, с какой стороны подступиться к реке Алазани, подоспел с войсками Мираншах. От первого же встречного удара хан Золотой Орды ретировался, буквально бросив часть своих ратников, убрался на Северный Кавказ.

Тимур тогда не только сохранил жизнь пленникам, но, снабдив их всем необходимым, отослал обратно в Золотую Орду, а вместе с ними направил грамоту хану, содержащую весьма сдержанные упреки, даже более ласковые, чем сердитые. Это была искусная дипломатия, тонкая игра. И, забегая вперед, отметим, что в жизни Великого эмира Тохтамышу была предназначена роль первого плана. И именно противостояние этих двух личностей оказало колоссальное влияние на ход истории, судьбы целых народов...

Мнения историков о Тохтамыше, впрочем, как и о других исторических личностях, весьма противоречивы. Одни называют его безрассудным, жестоким, беспринципным и даже трусливым, другие же, наоборот, отважным, умным, энергичным, справедливым и если не гениальным, то, по меньшей мере, талантливым. Так, в некоем списке великих полководцев мира он чуть ли не в первой десятке.

Тохтамыш был прямой потомок Чингисхана по линии Джучи, правнук Берке-хана. Таких потомков уже развелось немало, а «порулить» хотелось, свободных пространств не было и Тохтамыш стал плести козни против своего дяди Урус-хана, правителя Кок-Орды (Кипчакский улус – приблизительно территория современного Казахстана). Изгнанный Тох-

---

¹¹ Эмир (на класс. арабс. яз. – «амир») – правитель, военачальник.

тамыш в 1376 году объявился в стане врага, в Самарканде, где дальновидный Тимур встретил его с почестями, приличествовавшими истинному потомку Чингисхана.

Вслед за Тохтамышем в Самарканд прибыл один из предводителей Орды, тоже потомок Чингисхана, на белом коне в качестве посла.

– О Тамерлан¹²! – воскликнул посол. – Урус-хан, господин Востока и Запада, господин Сарай-Берке и Астрахани, повелитель Голубой и Белой Орды, а также ханов Сибири говорит так: «Тохтымыш убил моего сына и укрылся у тебя. Выдай мне его или я пойду на тебя войной, и мы сойдемся на поле битвы».

– Тохтамыш, – ответил Тимур, – доверился мне. И я буду защищать его от вас. Отправляйся к Урус-хану и скажи, что я выслушал его слова и готов к битве.

Привлечь на свою сторону кровного родственника Чингисхана – большая удача. Тимур оказал Тохтамышу щедрое гостеприимство, назвал его своим сыном, с царской щедростью дал оружие, золото, обмундирование, верблюдов, шатры, барабаны и стяги. И это не все. Ладный, высокий, прямой хранитель Ясов¹³, Тохтамыш, так пришелся ко двору, так покорила Великого эмира своею образованной персоною, что в дружеских чувствах Тимур вручил ему в помощь своих воинов и даже родную сестру в жены. Правда, сестра была значительно старше Тохтамыша, а один из Ясов Чингисхана гласит: «Не имей дело с женщиной, которая еще не может родить, и той, которая уже не может родить».

– Это не беда, нет правил без исключений, – подбадривает молодожена Тимур, – ведь другой Яс гласит: «Победителей не судят, ... даже в истории». Так что, вперед, разгрома дядю.

Плести интриги Тохтамыш уже умел, а вот воевать еще не научился: в первом же столкновении он потерпел неудачу, вновь вернулся под крыло Тимура в Самарканд. Тимур снова послал зятя в поход на Сабран¹⁴, но того опять прогнали. Тогда Великий эмир отправился в поход сам. Стояла зима 1376—1377 года. Схватки были жестокими. В конечном итоге Уруса разбили, он бежал в степи, где и умер в том же году.

И тогда Тохтамыш не смог удержаться на троне. Сыновья Уруса – Йохта-Кия и Тимур-Мелик продолжили борьбу, изрядно потеснили Тохтамыша. Однако Тимур прислал ему подкрепление, и Тохтамыш разгромил двоюродных братьев, занял их место в Кок-Орде, а затем так поднаторел в военном деле, что в течение последующих трех лет стал владыкой Кипчакского улуса, сумев вновь объединить удел Джучи, став ханом Золотой Орды.

Справедливости ради следует отметить, что с 1361 года пребывавшей в упадке Золотой Ордой правил некто Мамай – человек деспотичный, склонный к праздной жизни и разгулу. Пользуясь его слабостью, русские князья перестали ходить на поклон в Сарай¹⁵ и платить дань. В 1373 году Дмитрий Донской, отбившись от одной из карательных экспедиций, посчитал свои силы достаточными, чтобы дерзнуть на поход против Булгара (1376). В августе 1378 года он разгромил Мамайа на Волге, а в сентябре 1380 года – на Куликовом поле, в месте слияния Дона и Непрядвы.

Именно тогда на территории Европы появился Тохтамыш. Слишком слабый, чтобы ему сопротивляться, Мамай отступал и в Приазовье потерпел поражение. Ища спасения, Мамай бежал в Крым к своим друзьям, генуэзским купцам, которые, присвоив его казну, подло его умертвили.

¹² Тамерлан (от персидского «Тимур-ленг» – хромой Тимур) – так называли его за пределами его державы. Только два правителя могли обращаться к Тимуру таким образом – Урус-хан и император Китая.

¹³ Ясы (монг.) – свод законов монголов, составленный Чингисханом.

¹⁴ Сабран – город на реке Сырдарья, в районе современного Туркестана.

¹⁵ Сарай-Берке (Новый Сарай) – столица Золотой Орды (1260—1395). Разрушена нашествием Тимура. Ныне городище у с. Царев Волгоградской области... Сарай-Бату (Старый Сарай) – первая столица Золотой Орды. Основана Ханом Батыем (1254—1480). Ныне городище у с. Селитренное Астраханской области.

Воцарившись в покоях ханской резиденции Сарай-Берке на Волге, Тохтамыш должен был показать, на что он способен. Оказалось, на многое. Под его предводительством полуживая Орда воспрянула. Всего за несколько месяцев он сумел восстановить в своем улусе жесткий порядок и как окреп, первым делом направил посольство в Москву, к Дмитрию Донскому, с уведомлением об уничтожении их общего врага Мамаю, а также о своем воцарении. Князь Донской никак не отреагировал. Тогда Тохтамыш двинул войска на Москву. К нему присоединились князья Рязанский и Нижегородский. Москва подверглась осаде. Как утверждают летописи, у защищавшихся было диковинное для кочевников оружие – арбалеты и пушки. Но и это не помогло: хан Золотой Орды уже изучил кое-какие военные хитрости своего сюзерена Тимура; Москва пала 26 августа 1382 года, была разграблена и сожжена, а многие жители казнены.

После этого в Сарай-Берке к Тохтамышу прибыли в качестве аманатства¹⁶ сыновья русских, северокавказских, грузинских и азербайджанских князей, а также послы и сановники из Венеции, Генуи, Константинополя, Египта, Китая и других стран. Лишь Тимур не воздал ему хвалу как Великому государю. Более того, старший сын Тимура Омар-шейх захватил Ургенч, все каракалпакские степи, вплоть до Аральского моря. А сам Тимур отобрал другой лакомый кусочек – все Закавказье. Самолюбию хана Золотой Орды была нанесена серьезная рана. Проявлять снисходительности на Востоке не принято, тем более в такой ситуации, и, значительно окрепнув, используя удобный момент, Тохтамыш в конце 1387 года внезапно напал на Трансоксиану¹⁷, родину Тимура, когда сам Великий эмир отдыхал на Кавказе.

Гонец, принесший весть о нападении Тохтамыша, проявил удивительную расторопность, преодолев более двух с половиной тысяч километров за семнадцать дней. И это благодаря созданной Тимуром системе дорог, караван-сараяв¹⁸, анчосов¹⁹.

Положение сложилось опасное. Тохтамыш разбил войска Омар-шейха, занял Хорезм, Бухару, Карши, и уже Самарканд был в окружении, когда после стремительного марша, загубив немало воинов и лошадей, у родной столицы появился сам Тимур. Тохтамыш даже в бой не вступил. Как лиса прячется в нору, так и он удалился быстро в свои степи.

После этого, казалось бы, Тохтамыш должен был угомониться, однако все случилось наоборот: суровой зимой 1388—1389 годов он вновь объявился. И не думая о внезапности, использовании случая, он готовился к войне серьезной, хорошо спланированной, и, как надеялся, решительной и окончательной. Тохтамыш собрал огромное войско, где бок о бок с тюрками и монголами должны были биться его вассалы: русские, кавказцы, болгары и литовцы.

Через прекрасно налаженную разведку, в том числе и в самой ставке Тохтамыша, Тимур знал обо всех передвижениях своего врага. Послав сына, Омар-шейха, в обход, сам Великий эмир выступил навстречу Тохтамышу.

Сшибка, произошедшая в окрестностях Ходжента в январе 1389 года, носила характер неустойчивый и жестокий. Тохтамышевы рати были гораздо многочисленнее, но недостаточно сплоченные. И тем не менее, он заметно наступал, как вдруг появившийся у него в тылу Омар-шейх смел его линии, что быстро привело к панике и обычному в таких обстоятельствах беспорядочному бегству. Объединенные силы золотоордынцев переправились через Сырдарью и затерялись в необъятных степных просторах.

Эти повторяющиеся набеги убедили Тимура в том, что Тохтамыш был очень опасен, а Тимур в жизни следовал всегда трем основным принципам: никогда не превращать свою

¹⁶ Аманат (арабск.) – заложник.

¹⁷ Трансоксиана – область, находящаяся северо-восточнее Окса (Амударьи), на севере она ограничена Сейхуном (Сырдарья). Географически этот регион является древним Хорезмом. Это восточный край Ирана, до нашествия монголов населенный, в основном ираноязычными народами.

¹⁸ Караван-сарай (персидск.) – постоянный двор.

¹⁹ Анчосы (тюркск.) – служащий, содержащий лошадей для нужд армии и государства.

страну в арену сражений, не уходить в оборону, всегда атаковать так стремительно, как позволяет состояние коней. Приказ о боевом походе был отдан. Военачальники стали роптать, мол, армия измотана, надо бы передохнуть. Тимур все понимал – у воинов нет стимула. В предыдущих походах всем досталась огромная добыча: скот, рабы, наложницы. И теперь хочется всем этим насладиться, расслабиться. Но так можно растерять армию, утратить боевой дух, дисциплину, дикость кочевника, а приобрести мягкий нрав оседлого человека.

Осенью 1390 года Тимур созвал Курултай²⁰ по поводу женитьбы своего сына Мираншаха. Тогда же им были отданы последние распоряжения о подготовке к выступлению в поход. Под Ташкентом он сделал смотр войскам, пополнил их вооружение и снаряжение, назначил командиров и выслал вперед эмиссаров, лазутчиков и передовые отряды с заданием подготовить пути следования, а также собрать сведения о позициях, занимаемых противником.

К северу от Сырдарьи раскинулись необъятные пространства Золотой Орды. Как только войска Тимура перешли реку, в лагерь Великого эмира явились послы Тохтамыша с подарками Тимур от имени хана: девять великолепных коней и сокола в бриллиантовом ожерелье, а также передали письмо вроде уважительное, по сути – то ли хитрое, то ли боязливое, в целом лукавое, просит дружбы навек.

– Я никогда не нуждался ни в чьей дружбе, ни в союзе с кем-либо, – сказал посланец Тимура. – Когда ваш повелитель был ранен и преследовался врагами, я, как известно, оказал ему помощь и назвал его сыном – тогда никому неизвестного человека, и в борьбе с Урусханом я потерял многих своих воинов... Взамен я от него ничего не просил... Он вспомнил обо мне для того, чтобы выразить свое презрение, поступить со мною, как с самозванцем, тогда как я построил свое благополучие собственными руками, не имея, в отличие от него, счастья быть рожденным на троне... Да будет он удушен своим желанием мира... Горе ему! Он разбудил богов войны, роковым оружием которых я являюсь!

Неизвестно, чем руководствовался Тохтамыш, но, несмотря на этот грозный ответ, он проявил упорство, и вновь прислал послов к Тимур, в том числе и родственника Тимура, что служил при дворе Тохтамыша.

– Хан слишком часто нарушал клятвы, – сурово отвечал Тимур. – Если он искренне желает мира, то пусть пришлет Али-бей на переговоры с моими военачальниками.

Али-бей – главный советник хана Золотой Орды, человек смелый, решительный и одаренный, когда-то в молодости вместе с Тимуром промышлял грабежом на караванных путях. Долго шли они по авантюрным тропам жизни плечом к плечу, не раз спасая друг друга. А когда добрались до власти, поняли, что она может быть лишь в одних руках. Притесненный Али-бей убрался на север, в Орду, проявил себя не только в ратных делах, но и в придворных хитросплетениях, во всяком случае, стал влиятельным сановником, к которому Тохтамыш прислушивался. Тимур, желая личной встречи со старым другом, надеялся, видимо, склонить его к себе или хотя бы нейтрализовать, однако Али-бей не приехал. Тогда Тимур заявил, что впредь не позволит пустым речам сбить себя с избранного пути! Он не будет знать покоя, пока «не угаснут Тохтамышевы очи от зренья моей мести!».

Пока шли эти переговоры, золотоордынская армия растворилась в бескрайних песках. Тимур думал, что Тохтамыш будет в районе Аральского моря, а разведка доложила, что Тохтамыш ушел прямо на север. Тимур бросился вслед и оказался в непроходимых песках Муюнкума. Три месяца они преодолевали пустыню. Люди голодали, мучались. Однако Тимур своим поведением всех воодушевлял: даже в пустыне он носил облачение из роскошного набивного шелка и самой лучшей парчи и всегда был среди воинов, решительно пресекая всякие проволочки и беспорядок. Отставшему насыпали в сапоги песок, привязывали

---

²⁰ Курултай – съезд, совещание монгольских вождей для принятия важного решения, которое обязательно для всех.

их к шее провинившегося и заставляли весь следующий переход двигаться босым. Если он снова отставал, то умерщвляли.

Говоря об этом невероятно трудном походе, историки отмечают два удивительных события. Первое – это то, что Тимур, как и Чингисхан, взошел на высокую гору Сюбюр-Тенгиз и, согласно языческому ритуалу, обратился к Небу со словами благодарности или просьбы. И пред спуском велел соорудить тур²¹ (по-монгольски «обо») и выбить на нем: «В стране семисот черных токмак, в год овцы, в средний весенний месяц (апрель 1391), султан Турана Тимурбек шел с двумястами тысячами войска имени своего ради, по кровь Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие! Если Богу будет угодно! Бог да окажет милосердие людям! Да вспомнит о нас с благословением».²²

Второе событие – это охота, наверное, величайшая охота в истории человечества... Дело в том, что запасы провизии полностью закончились. Лошади, благодаря обильным пастбищам, находились в относительно неплохом состоянии, однако ими нельзя было жертвовать ради утоления голода. Без лошади кочевнику трудно обходиться, тем более воевать, а потерять значительное число лошадей означало для армии катастрофу. С ухудшением ситуации воины стали роптать, кое-где выходить из подчинения. Они не знали, что их ждет впереди, бескрайняя, безлюдная, холодная даже по весне Сибирь их отпугивала, угнетала. Поворачивать назад тоже было опасно: ослабленные люди могли не выдержать нового перехода через пустыни. Без сомнения, ордынцы, которые истинно по-монгольски так далеко Тимура заманили, в этом случае перестали бы скрываться и постарались бы превратить отступление армии Тимура в кошмар.

Именно в такой тяжелой обстановке проявляется величие полководца: Тимур отдал странный приказ – охота, и не специальными отрядами, что и до этого велась, а всеобщая. В бескрайней степи развернулась флангами стотысячная армия в пятидесятикилометровую линию. В то время как центр линии оставался неподвижным, ее края двигались галопом, образуя полукруг, внутри которого оказалось значительное количество степной живности. Фланги продолжали двигаться навстречу друг другу, чтобы сомкнуться с северной стороны.

Круг замкнулся и стал стягиваться. Мимо полуголодных воинов не мог проскочить даже заяц. Почувствовав себя в западне, дикие животные затеяли безумную паническую гонку. В сужающемся пространстве круга бешено носились, спасаясь от охотников, вопреки, волки, медведи, олени и антилопы.

Некоторые особи животного мира, попавшие в западню, удивили воинов. В летописи упоминается особый вид оленя, размером больше буйвола, по видимому, лоси. Тимур, первым войдя внутрь круга, подстрелил из своего лука несколько оленей и антилоп. Его мастерство стрельбы восхищало всех. Большинство усталых воинов могли натянуть тетиву длинного лука лишь до ключицы, Тимур же мог отвести оперение стрелы до самого уха.

Эта грандиозная охота дала изобилие мяса. Состоялся пир. Тимур, однако, не дал армии предаваться празднеству. На следующий день его ординарцы объявили всеобщий смотр войск. Ровно в полдень среди войск появился сам Тимур с окружением. На нем золотой шлем, украшенный огромным сверкающим алмазом, на плечах – шуба из белого горностая. В руке эмир держал жезл из слоновой кости с набалдашником в виде золотой головы быка. Позади него штандарт с гербом самого Великого эмира – увенчанный солнечным диском золотой лев. При его появлении военачальники и эмиры спешили и стали на колени.

Эта зримая роскошь и великолепие несколько подняли дух армии, но ненадолго. Тохтамыш сознательно заманивал его все дальше на север, где даже в июне вдруг выпал снег.

---

²¹ Тур (тюрк.) – каменная башня.

²² Хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

А потом пошли леса, более частые и густые, рати вязли в болотах. Снова началась жизнь впроголодь. Грабить было нечего: на пути ни одного поселения, ни души. А Тохтамыш все уходил и уходил на север. И тут случилось то, что всю жизнь сопровождало Тимура и не раз помогало – это вещие сны. Так, когда Тохтамыш на него напал, снилось ему, что почему-то с севера осветил его яркий луч, маня к себе. Как только Тимур двинулся в ту сторону, свет исчез, и там застыла в вечном покое путеводная Полярная звезда.

Колдунов, шаманов, гадателей и предсказателей Тимур не любил и был приказ – таких, как и нищих и шутов, повсеместно истреблять. Однако при себе, как и любой средневековый правитель, Тимур держал несколько звездочетов, ученых мужей, и, якобы, ясновидящих, к мнению которых Великий эмир прислушивался, но вывод всегда делал свой.

Тот сон звездочеты объяснили: свет с севера – путь, который надо свершить, чтобы разгромить хана Золотой Орды. И как в небе одна неподвижная Полярная звезда, так и ты на Земле единый правитель. Это грядущее отвечало помыслам Тимура, ведь он должен стать Повелителем мира и посему выступил в поход, и никакие трудности и преграды не могли его остановить на этом пути.

За пять месяцев изнурительного похода армия Тимура так и не нагнала хана Золотой Орды: кони не могли преодолеть болота Тобола; мошки, комары и слепни атаковали людей и животных, все голодали, начались болезни и недовольство не только простых воинов, но и преданного окружения. И в этот самый тяжелый момент, видимо, от нервного и физического перенапряжения, дала о себе знать старая суставная болезнь Тимура. Он слег, его лихорадило. Пребывая постоянно в липком поту, он не мог ни думать, ни командовать, ни принимать решения. В упадке сил он понимал лишь одно, что пренебрег одним из Ясов Чингисхана: должно остерегаться преследовать войско, которое без видимой причины обращается в бегство или долго отстывает, в тылу может быть ловушка, либо сильное подкрепление. И то, и другое случилось: попал он в самое затруднительное положение. И в это время сон, что очень редко бывает, ведь ублаженный женщинами и вином он обычно крепко спит. Неужели вещей? Словно наяву!

Как он любит, весь при торжественном наряде охотится Тимур на медведя в этих топях. Идет след в след, вот-вот нагонит, а не может, не может идти, все вязнет и вязнет в болоте. И вот провалился, стало его засасывать. Кричит он о помощи и спасении, а трясина все больше засасывает его. Он уже задыхается, уже чувствует прелый вкус болотного мха во рту. И тут медведь сжалился, примчался с подмогою и, хватая за уши, молвит человеческим голосом:

– Не такие уж мы неблагодарные, – дернул он с силою – оторвалась голова, а мишка любит, – не забудем мы твоей услуги, в стольном граде водрузим башку твою на веки вечные, как символ избавления от Орды и Орды становления.

И как была голова в драгоценном шлеме, так водрузили ее на какой-то постамент, то ли из черепов, то ли еще из каких-то стонов. В общем, он уже не живой, но умереть не дают. Дух его витает, мечется, чего-то человеческого хочет, а он перед Всевышним Судом предстал, и после долгих-долгих лет заточения, после показаний всех свидетелей ему даже в аду места не нашлось. И вернули его на страшную землю, шлем-подделку напялили, бороду приклеили, в стеклянную клетку заточили, не всем подряд, а кое-кому демонстрируют...

– О-о-о!!! – зарычал, пробуждаясь от этого кошмарного сна, Тимур, обеими руками схватился за голову. – Всех звездочетов, предсказателей, мулл и шаманов ко мне, – приказал он.

Тотчас явились старцы, в смиренной позе пали пред ним на колени, ковер поцеловали:

– Что изволит наш Повелитель? – крайне услужлив их тон, покорен их взгляд, сострадание в их виде и жестах.

Пересказал Тимур им свой сон, даже от этого ему снова стало плохо. Мудрецы перегнулись, глубоко задумались, понутив головы. Но что-то сказать надо, и самый старший, самый мудрый держит слово:

– Только Владыке мира Бог мог послать такое великое знамение. И как бы мы ни были просвещены и Всевышним наделены умом, и нам нужно подумать, для того чтобы разгадать этот сон.

– Да-да, – поддержали остальные старцы, ибо кому-то надо на следующую ночь расположение звезд посмотреть, кому на бараньей лопатке погадать, кому петуха на рассвете послушать, кому и у костра попрыгать, а кому поплотнее поесть, послаще поспать, и ему во сне секрет раскроется.

Через сутки они вернулись. Но в этих диких местах и солнце вовсе не садится, и ночь не ночь – коротка, а звезд не видно. С бесконечным закатом туман над болотом стелется, а барашка – как блеет, позабыли, петуха давно уж сварили, словом, молились сутки за здравие Повелителя, но ответ, хоть и не прост, все же разгадан:

– Сколько троп знает медведь, столько хитростей ведомо охотнику, – тюркскую поговорку напомнили они, а дальше – столько хвалебных, витиеватых, по-восточному подобострастных, сладких речей, мол, Повелитель всегда на высоте, на постаменте, победитель.

Между тем, самого Тимура этот страшный сон встряхнул и придал новые силы. И не в таких переделках бывал, и немало на своем веку уже повидал – у самого борода убелена. И хоть эти старцы мудрецы, да и он не лыком шит, видит: кое-что они предчувствуют, угадывают – глаза прячут, но не от прежнего раболепия, и пока не от измены, скорее от сомнения – не на ту «лошадку» поставили? Кто же этот будущий Повелитель-победитель?

Хоть и во сне, а башку его уже оторвать грозятся и не обязательно это будет Тохтамыш или Али-бей, что во вражеском стане. Вокруг недругов немало: не только эмиры туменов²³, но родня и даже дети и внуки могут на поколебавшийся трон позариться, сам таким был по молодости, знает – верить никому нельзя. Вот потому денно и ночью двое самых верных стражников из числа преданных головорезов-убийц, для которых он царь и бог, охраняют его жизнь, его башку. Но это до тех пор, пока эта башка лучше других соображает.

– Думай, башка, думай, – силясь перебороть недуги, сам себя понукает Тимур. – Только победители долго живут и, вообще, живут!

И тут он вспомнил о своем главном лекарстве:

– Расставьте шахматы! – в этом походе у него даже не было возможности позабавиться игрой. А он по жизни игрок, но не в какие-то там кости, что выпадет «шеш-беш», а сызмальства игрок только в шахматы, где побеждает думающий... Да, ситуация у него очень тяжелая. Отступать некуда и невозможно, нужен бой, где предстоит либо победить, либо погибнуть. Надо рисковать всем, но в затеваемой партии нужно полагаться только на свой ум, метод, а не на случай, предавшись хандре сновидений, слушая мнения льстивых мудрецов.

Однако Тохтамыш на бой не идет, все отступает, в конец хочет измотать, действует наверняка, явно переигрывая, ждет, пока армия Тимура полностью деморализуется, потеряет боеспособность и веру в полководца.

Смута в войсках началась. Араз-лакшеры²⁴ и тайные соглядатаи уже приносят тревожные сведения, и рассадник крамольных настроений – лагерь духовенства и мудрецов. Вот к кому, согласно Ясу, Тимур всегда относился с доверием и благосклонностью. Но раз такое дело, нет правил без исключений. Коротки летние ночи в Сибири, видать, старцы крепко уснули: сгорели все их палатки, никто не спасся. А тут же, рядом с мудрецами, в отдельном порядке, живут всякого рода развлекатели войск: музыканты, акробаты, поэты и множество

---

²³ Тумен (монг.-тюркск.) – десять тысяч воинов, современная дивизия.

²⁴ Араз-лакшеры (тюрк.) – уполномоченный в войсках, военный комиссар или инспектор.

купцов, которые ради выгоды преодолевают те же тяготы, что и армия в походе. Зато после победы они по дешевке столько добра у воинов скупают, что наживают целые состояния, им война очень выгодна, но следовать они хотят лишь за армией-победительницей, чтоб не пасть в вихре поражения. И вот Тимуру докладывают, что купцы подались куда-то в сторону. Они люди свободные, да Тимур пока еще великий эмир, и многие из этих купцов своим состоянием ему обязаны. Вернули их силой и бросили пред Тимуром на колени.

– Что ж вы меня покидаете? – язвительен голос Повелителя.

– Не воины мы, стары, устали, болеем, домой хотим, – отвечают купцы.

– Так Самарканд в какой стороне, а вы куда путь держите?

– До Самарканда далеко, не дойдем. Гораздо ближе до Сарай-берке, там подкрепимся и тогда вернемся в Самарканд.

И тут Тимура осенило: «Как я раньше не додумался?! Зачем мне медведя по тропе выслеживать, надо в его берлогу залезть».

В тот же день по приказу Тимура затрубили фанфары сбор в поход, забили барабаны. Но прежде чем тронуться, Тимур вызвал в свой шатер сыновей и внуков.

– Момент грозный и решающий, – молвил им Тимур. – Готовы ли вы вместе со мной или победить в бою, или умереть?

– Готовы! – поклялись все, стали на колени и по очереди поцеловали шероховатые голенища шагреновых сапог. А любимые внуки, Мухаммед Султан и Пир-Мухаммед, при этом плакали.

Узнав об этом, у всех военачальников пробудилось мужество, они тоже явились в главный шатер командующего и, преклонив колени, тоже поклялись.

После этого Тимур развернул войска на юго-запад и двинулся прямо к Волге, в сторону столицы Золотой Орды. Путь был неблизкий и нелегкий. За десятидневный переход они преодолели реку Урал, Южно-Уральские горы, сделали еще несколько переходов и достигли бы Волги, но тут у самарской излучины, у небольшой реки Кундурча, прямо как из-под земли напротив стали Тохтамышевы рати.

В иное время Тимур сразу ринулся бы в атаку, так он всегда был уверен в себе. Но на сей раз дело совсем иное: его воины устали, голодны, и их значительно меньше, чем свежее войско Тохтамышша.

Обычно перед каждым значительным боем Тимур проводит совещания, где каждый командир получает конкретное задание-приказ, невыполнение которого грозит смертью. Однако на сей раз – никаких совещаний, Тимур уединен, вроде играет в шахматы, и лишь по ночам у него идут какие-то тайные встречи. А днем, уже не первый раз, армия Тохтамышша пытается вступить в бой. Тимур маневрирует на месте, уклоняется, и никто не знает, что он ведет другую игру.

Тимур понимает: на сей раз в открытом бою ему Тохтамышша не одолеть, надо что-то придумать. И он придумал.

Сражение началось 19 июня 1391 года. Тохтамыш, весьма достойный ученик Тимура, давно изучил его тактику ведения боя. Учítывая, что его воины бодрее и маневреннее, значительно преуспел, особенно на флангах, которые обычно были сильнее, чем центр и первыми вступали в бой. Чтобы не дать свежей коннице Тохтамышша свободного пространства, Тимур постоянно заставлял свои силы плотнее вступать в контакт. Два дня шла рукопашная сеча. Потери Тимура были значительными, но войска стояли насмерть.

На третий день случилось неожиданное. Утром, в самый разгар боя, тумен внука Абу-Бекра, что находился в самом центре, чуть ли не на передовой, строгим маршем покинул поле боя и в стороне, на пригорке, хорошо видимом издалика, раскинул шатры, зажег костры, якобы готовясь к пиру победителей.

В это же время другой любимый внук слушал приказ и наставление Тимура:

– Какая польза от жизни без славы?! Вперед!

Мухаммед-Султан повел по центру в атаку свои войска и тоже странность: впереди не лучники и копыеносцы, как положено, а пятьсот барабанщиков, и как забили они джирхг²⁵, словно гром обрушился. Воодушевились воины Тимура, закричали хором боевой клич:

– Дар и гар!²⁶ Ура-а-а!!!

Внезапно случилось еще более непредвиденное – золотоордынский знаменщик выпустил из рук древко туга о девяти конских хвостах... Известно, что большое знамя повелителя в Азии – это символ власти и победы. Во все времена его отступление или исчезновение определяет ход битвы. Знамя видно отовсюду и воины никогда не теряют его из виду. Когда знамя развевается, воины знают, что повелитель не покинул их, но лишь оно исчезнет или отступает, то это может стать причиной их бегства с поля боя.

Запаниковав, перепуганные золотоордынцы бросились наутек. Они, преследуемые противником, познали все ужасы уничтожения. Всеми покинутый Тохтамыш исчез в степи и так поспешно бежал на запад, что очутился в литовском княжестве.

Войско Тимура обосновалось лагерем на берегу Волги. Целый месяц пировали: пили, пели, ели, плясали, делили богатства Золотой Орды, заставляли себе прислуживать самых красивых в мире дев.

Во время затянувшейся пирушки, в хмельном бахвальстве Тимур выдал секрет своей победы.

Дело в том, что с обеих сторон, в основном, воевали монголо-тюркиты. По крайней мере, на ответственных должностях лишь они. И в то же время нередки случаи, когда близкие родственники, не говоря уже о старых соратниках, стояли друг против друга, разделенные фронтом. При соприкосновении таких огромных масс людей, а это более двухсот тысяч, неизбежны перебежки в стан врага, взаимное проникновение лазутчиков.

Тимур, который более чем на воинскую доблесть полагался на военную хитрость, через разведчиков узнал, что знаменосец Тохтамыша – его старый соратник, ибо когда-то Тохтамышево воинство – это часть армии Тимура, которую он сам с поддержкой передал. По заданию Тимура этому знаменосцу передали повеление Великого эмира.

– Я все равно выиграю, ибо Аллах на моей стороне, а Тохтамыш и Али-бей – неблагодарные трусы... Когда пойдут в атаку барабанщики, ты бросишь знамя. Сохранишь свою жизнь, получишь огромные деньги и твой сын будет назначен одним из ханов Золотой Орды... Не согласишься, весь твой род, что живет в Ургенче, на моей территории, будет истреблен, а юные и молодые – проданы в рабство... Другого – нет, решай!

Зажатый в тиски обстоятельств, знаменосец сказал, что скоро даст ответ. На следующий день он увидел, как войска Тимура, несмотря на измотанность, стойко сражаются, и дал ответ:

– Деньги вперед.

Нужна была еще одна ночь, чтобы доставить огромное состояние в лагерь противника; и на третий день боя дело было решено.

Тимур думал, что знаменосца, как предателя, свои тотчас убьют, а тот чудом спасся и даже объявился на Волге у шатра Повелителя мира с предложением и впредь верно служить.

– Ты теперь так богат и не молод, жил бы в свое удовольствие, – ласкает его Повелитель мира. – А слово свое, если хочешь, я сдержу, – где твой сын?

²⁵ Джирхг – барабан в человеческий рост, с помощью которого древние монголы передавали информацию на значительное расстояние в степи.

²⁶ Дар и гар (тюрк.-монг.) – Получай и умри!

Сын появился, в присутствии отца и свиты получил грамоту на ханство, и когда клялся в верности на коленях, Тимур ему шепнул:

– В семье хана предатель.

На следующее утро Тимур доложили: бывший знаменосец умерщвлен. Убить сына допустимо, ибо даже старший сын Чингисхана, Джучи, был найден в степи с переломанным хребтом и вряд ли это могло случиться без ведома отца. Но убить отца?!

Молодого хана доставили Тимур.

– Тот, кто отца отравил, кого угодно отравит, – с презрением процедил Тимур. Хоть и нет прямого обвинения, но новый хан стал что-то лепетать в оправдание.

– Вот видишь, – резко перебил Тимур, – нет, чтобы покаяться, ты чуть ли не меня винишь... Что еще можно было ожидать: сын предателя – собака.

Повелитель сделал едва заметный жест рукой. Охрана знала: срубить голову – не самое жестокое наказание, зато, хоть и малость, а ханом побыл.

...Покоренная Золотая Орда – необъятное государство, а Тимур многим военачальникам своей победой обязан. Вот и назначил он вместо одного хана троих. Почувствовав себя независимыми, ханы не смогли поделить территорию, власть, стали враждовать. И тут вновь объявился Тохтамыш, который при помощи великого князя Московского без особого труда вступил во владения своим царством.

Да, Тохтамыш был Тимуром побежден, но он проиграл не войну, а лишь сражение. Золотая Орда, где он вновь стал безраздельно властвовать, – огромная территория, щедрая людскими и природными ресурсами.

Быстро восстановив военную, а вместе с этим и экономическую мощь, Тохтамыш прошелся поборами и рекрутством по вассальным территориям. Грузию и Азербайджан, занятые было Тимуром, он вновь переподчинил себе. И готовясь к неизбежному реваншу, Тохтамыш стал налаживать международные отношения, направленные против Тимура. Прежде всего он вступил в переговоры с самой значительной силой того времени – султаном Египта. Эти отношения были обусловлены многими факторами: взаимовыгодным товарообменом, служащим источником обогащения, и, главное, правителями Египта, Сирии и всего Ближнего Востока, коими не годы, а века были султаны-мамлюки, сумевшие захватить там власть. Мамлюки – в основном выходцы с Кавказа, а так как их историческая родина являлась покоренной, но частью Золотой Орды, то они были крайне заинтересованы в контакте и влиянии на хана и его окружение. Теперь, в конце XIV века, эти в основном торговые отношения переросли в иную ипостась – военно-политический союз для отражения натиска Тимура, который яростным обоюдоострым клином вторгся меж их владений, немало потрепав обе державы.

О том, что между Золотой Ордой и Египтом идут интенсивные переговоры, и договоренность, в принципе, уже достигнута, Тимур из своих надежных источников доподлинно известно. Он знает, что если Тохтамыш с севера, а мамлюков с юга одновременно начнут наступление, то на два фронта воевать не сможет, ибо, как показали последние события, очень храбрый в бою сын его, Мираншах, был недавно мамлюками разбит и, спасаясь от плена, бежал под крыло отца.

Тимур надо было действовать быстро и решительно, но это не значит сломя голову, чего он никогда не допускал, ведь он игрок в шахматы, а в шахматах с наскока и авантюрой победы не достичь, все необходимо просчитать на несколько ходов вперед... Вот он и склонился над шахматной доской в живописном уголке Грузии, у излучины Куры. Свита Тимура даже дышать боится, никто не смеет нарушить его покой, но ведь с самим с собой играть малоинтересно, даже бессмысленно.

– Неужели на этом чертовом Кавказе никто в шахматы играть не умеет? – не поднимая головы, сурово процедил Тимур.

Великий эмир был не только выдающийся полководец, но и прекрасный шахматист. Мало кто ему мог противостоять и в этой мирной игре, но если кто его обыгрывал, то Тимур, прирожденный лидер и победитель, приходил в ярость, и судьба шахматного обидчика была плачевной. Эта молва о Тимуре, как и все остальные, распространилась по свету, и даже те, кто мог бы Великого эмира обыграть, не смели и помыслить об этом, а посему достойных противников не было.

– Так есть здесь шахматисты? – гневно повторил свой вопрос Тимур.

– Э-э, есть, – чуточку вперед подался визирь воды, и, видя, как Повелитель удивленно повел бровями, сразу же пояснил, – только он находится в тюрьме.

– Ты что, издеваться надо мной вздумал? – с годами нрав Тимура стал круче: он мог быть по-царски щедрым и милостивым и в то же время, не только за поступок, но и за нечаянно брошенное лишнее слово, обходился беспощадно даже с близкими. – Небось, какой-нибудь голодранец иль вор.

– Никак нет, мой Повелитель, – виновато склонился визирь²⁷ воды, будто действительно его давил непомерный груз, – это местный Молла²⁸ по имени Несарт.

– Хм, это за что же Моллу посадили? – как последователь Ясов, Тимур очень почтительно относился ко всем просветителям, тем более к религиозным деятелям любых вероисповеданий – это был один из залогов успеха завоевателя.

– Его дело весьма щекотливое, правда, давнее, он уже лет двадцать в заточении.

– Двадцать лет в тюрьме? – удивился Тимур. – Оф! Представляю, как он там провонял. А ты его ко мне, да еще в шахматы играть!?

Лицо Тимура всегда было сурово, и по тону нельзя было понять, что у него внутри, какая последует реакция. Да в это время незаметно появился маленький юркий племянник Повелителя, сын его любимой, уже покойной сестры Туркан-ага, звали которого Чанар. По родству Чанар на многое не претендует и, может, поэтому, а, может, из-за личных качеств он особо приближен: начальник тайного сыска в любое время имеет доступ к Тимуру. Его теперешнее появление всем понятно – прибыл гонец.

Это в былые времена Тимуру все при свите докладывалось, все сообща выслушивали и вместе принимали решения. Ныне все иначе. И не потому, что Эмир эмиров стал Повелителем мира, действительно, полмира завоевал. Нет, масштаб иной, борьба иная, методы иные, и сама жизнь иная. Если в свите почти что каждого государя есть люди, подкупленные Тимуром, то почему они не могут быть и рядом с ним?

Тимур и Чанар уединяются в отдельном шатре, куда нет доступа никому, кроме личной охраны. Почти что одновременно прибыли гонцы, оба из Самарканда. Первое послание было от Сарай-Ханум, главной жены Тимура, второе – от Ханзаде. Люди называли их Большой госпожой и Малой. Между этими влиятельными женщинами при дворе Тимура шла острая вражда, которая в немалой степени портила жизнь Повелителю и, казалось бы, что стоило такому беспощадному и всемогущему человеку, как Тимуру, всяческим способом урезонить этих женщин, навести покой и порядок в своем доме, дабы не мешали ему в грандиозных делах. Но не все так просто, даже в жизни Повелителя мира. И та, и другая женщины имеют сыновей, наследников и опору Тимура, вот и приходится даже такому государю разбираться в женских сплетнях и интригах своего двора. Кто бы знал, сколько здесь порока, хитросплетений, коварства и лжи? И как бы в тот момент ни было, а Тимур, рано потерявший мать, с любовью относился к своим женщинам, будь то сестры, жены, дочери и невестки. В честь многих из них он возвел известные архитектурные шедевры. Но это – история, а сейчас этих женщин надо уgomонить. А как это сделать? Очень просто – развести. И хотя госпожа

---

²⁷ Визирь (арабск.) – буквально: носильщик тяжестей, министр.

²⁸ Молла (мулла) – служитель религиозного культа. В то же время на Востоке так называли ученых мужей.

в походе – обуза, а Сарай-Ханум уже не молода, дальнюю дорогу не осилит, посему Тимур позволяет Хан-заде прибыть к нему, мол, по невестке соскучился, да и сама с сыновьями увидится, покоренным и прекрасным Кавказом полюбуется.

– С жиру бесятся, – итог Тимуровых раздумий о фаворитках своего двора.

И почему-то именно в этот момент он вспомнил о другой женщине, которую действительно любил. Тимур был молод (всего двадцать два года), а имя его уже наводило страх. Это личные летописцы выправили историю жизни Тимура. А был он в молодости разбойником с большой дороги, да, видать, разбойником не простым, ибо сам эмир Самарканда и областей, некто Казаган²⁹, уже наслышанный о дерзких проделках Тимура, пригласил его к себе. Но Тимур отказал в просьбе эмира не грабить проезжающие караваны купцов, а наоборот, сам сделал предложение – поставить себя во главе Казганова воинства.

– Не рано ли тебе? – спросил эмир Казаган, которому не понравилась выходка Тимура.

– Дай задание, время покажет, – самоуверенно настаивал Тимур.

– Хорошо, – согласился Казаган и дал Тимуру очень трудное задание, будучи уверенным, что зарвавшийся юнец там сложит свою буйную голову. А Тимур не только выполнил поручение, но даже переусердствовал: соседнего эмира взял в плен, трофеи в Самарканд доставил. Многие историки пишут, что в благодарность Казаган выдал за Тимура свою внучку. На самом деле это Тимур послал отца Тарагая со сватовством, и не кого-нибудь, а самую избранную девушку в округе – прекрасную, как молодой месяц, стройную и грациозную, как кипарис, пятнадцатилетнюю красавицу Алджай. Вот таким удалым молодцом был Тимур! Своими подвигами он сам создавал себя и свое имя. Это позже историки сложили генеалогию Тимура, якобы он прямой потомок Ноя и Чингисхана. Так такие генеалогии на Востоке у каждого султана или президента со временем появляются. А отец Тимура не был никаким вождем племени барласов³⁰, простой воин-кочевник, дожил до старости, за выслугу получил небольшой надел, немного коней и другой скотины, которую Тимур с самого детства пас. Именно тогда, в степи, перенося жару и стужу, голод и жажду, он закалил свою силу и выносливость, стал прекрасным наездником. А по вечерам, слушая бесчисленные легенды о Великом Чингисхане, Тимур мечтал стать таким же великим. Постоянно играя в военные игры в бескрайней степи, сам, как и многие его сверстники, с самого детства учился стрелять из лука, сидя в седле, бросать аркан, сражаться копьем и даже орудовать самодельным деревянным мечом.

На игры с мальчишками-сверстниками времени было мало. Но играть Тимур любил, был заводилой и даже в детстве не любил проигрывать. А однажды случилось то, что, наверное, определило дальнейшую его жизнь. Он с друзьями поспорил, кто быстрее добежит до стены обрыва, тот – хан. Случилось так, что Тимур споткнулся о камень, упал, и, видя, что его соперники вот-вот добегают до стены, догадался схватить тот самый злополучный камень и, яростно бросив в цель, заявил:

– Я опередил вас, пока вы руками хотели коснуться стены, у меня ум был уже там. Я – хан!

Дети стали спорить, кричать, ссориться. Проходивший мимо старик разнял детей и мудро разрешил их спор.

– Эх, молодцы! – выдохнул старик. – Этот мальчик, – указал он на Тимура, – действительно соображает, назначить его ханом будет умнее.

---

²⁹ Эмир Казаган – правитель Трансоксианы, незаконно присвоивший себе власть с помощью коварства и убийств.

³⁰ Барласы – отюреченное монгольское племя, прибывшее в Среднюю Азию вместе с нашествием Чингисхана и осевшее здесь.

Тимур проникся любопытством к этому странному старцу и, следя за ним, заметил, что старик, часто бывая в чайхане, никогда не играет в кости, как все остальные завсегда, а всегда за шахматами, зачастую играя сам с собой.

– А почему вы не играете в кости? – как-то, набравшись смелости, обратился к старику Тимур.

– Кости – это случай: повезет – не повезет. А создатель наделил человека разумом, чтобы думать и решительно действовать. Только так можно в шахматах, да и в жизни победить.

– Научите меня! – попросил юный Тимур, он хотел только побеждать и в шахматах, и в жизни.

– Вот царь, – поучал его старик, как будто внушал, – это ты. Запомни, царь – это ты. А у царя должна быть самая красивая царица...

Да, у Тимура была самая красивая царица – черноокая Алджай, которая родила ему семерых детей: пять мальчиков и двух девочек. Двое мальчиков умерли в детстве. Еще двое, в том числе первенец Джехангир, надежда Тимура, погибли молодыми, но Алджай уже тоже не было. Знахари и шаманы утверждали, что ее иссушил плохой сглаз. Один лишь Тимур знал – это ревность и любовь сгубили ее. Обремененная детьми Алджай оставалась в Самарканде, в то время как Тимур постоянно пропадал в военных походах, а там пленницы, рабыни, и передвижной гарем, и незаконнорожденные дети, и их матери. И мало, что таких сам Тимур не признавал, они умудрялись кое-что и кое-как у Великого эмира урвать, к себе привлечь; в общем, видела Алджай любимого мужа все реже и реже... А теперь Тимур вспоминает ее все чаще и чаще. Сколько Алджай вынесла с ним лишений, страданий, сколько пересекла горных троп и пустынь. Ведь тогда Тимур всеми преследовался, бегал ото всех по всей Средней Азии, и верная жена всегда с ним, даже в боях рядом. А чего стоили те два месяца, что они провели в заточении в пустыне Туркмении?! Невыносимый зной, иной раз сутками и капли воды не дают, тучи кровожадных насекомых терзают тело, и он еле жив. Но и тогда глаза любимой Алджай не выражали печали, потому что молодая жена не должна омрачать настроение мужа.

«Пусть Бог защитит тебя, о, мой суженый», – каждый день подбадривала его Алджай. И если бы не она, невыносимо было бы в неволе. До сих пор при воспоминании об этом его в дрожь бросает. А всего два месяца!

– Всевышний! – взмолился Тимур. – А только что говорили, какой-то Молла почти двадцать лет в тюрьме... Такое невозможно!

...Эти воспоминания испортили настроение Тимура, и дабы как-то отвлечься, он пожелал к вечеру устроить соколиную охоту прямо на берегу Куры. Вечер был тихий, теплый. Но и с охотой в тот день не повезло: то ли всю дичь распугали, то ли соколы сытые были. Гневом кипела душа Тимура, да на закате пришло доброе известие: его внук, младший брат Мухаммед-Султана, сын Ханзаде, Пир-Мухаммед ходил с боевой разведкой к окрестностям Тбилиси и Мцхеты, разбил отряд горцев, сжег несколько селений, возвращается с добычей.

Вот Тимур видит, как от дальней охраны скачут к нему галопом трое всадников. На значительном расстоянии Пир-Мухаммед лихо осадил своего коня, резво соскочил, на бегу снимая шлем, бросился на колени к стремени деда, поцеловал носок сапога:

– О, мой Повелитель! – тяжело дыша, горячо говорил внук. – Я доставил тебе райский подарок – старое грузинское вино и шестьдесят семь сказочных гурий.

– Хе-хе, – губы слегка скривились на вечно суровом, обветренном лице Тимура, – тебя что, Сабук надоумил?

Ужинал Тимур в кругу родных и близких, и это ныне не скудный стол кочевника, где в основном мясо, бульон и кумыс. Сто лучших поваров из Персии, Сирии, Византии, Индии и Китая создают ежедневно лакомый шедевр из изумительных яств, и все это на золоченых

блюдах подносит многочисленная прислуга из рабов. А дабы настроение поднять, звучит музыка, сегодня – это соло на кифаре.

Сам Тимур ужинает недолго, у него в этот вечер еще дела. Под покровом ночи в его уединенный шатер придут нужные люди, там пойдет не только сбор информации, но и некий торг – будущий передел мира. И если Тимура купить нельзя, то откупиться можно.

Только к полуночи Тимур смог освободиться от тайных посетителей. Он вышел из шатра, чтобы на чистом воздухе все обдумать и принять окончательное решение. Ночь была тихая-тихая, звездная, безлунная; с севера, с кавказских гор дул прохладный, свежий ветер, напоминая о приближении зимы.

– Думай, башка, думай, – сам себя, как обычно, подстегнул Тимур.

На запад, где находятся богатые европейские порты, он не пойдет: были послы, есть заверения в дружбе и верности, вновь очень щедрые подарки и услуги.

Идти на юг, Сирию и Египет, – очень далеко, да и делать там нечего: несколько лет назад была засуха, теперь голод и мор, а воюют мамлюки-кавказцы отчаянно, из привилегированного рабства обратно в настоящее рабство попасть не хотят. Остается север – Тохтамыш. Вот кого окончательно разгромить надо... А там, севернее кавказских гор, от Каспийского до Черного моря поля золотые, от хлеба живность жиром лоснится, а народ там воинственный, трудолюбивый, богатый. Вот почему Тохтамыш не уgomонится, подпитка у него щедрая. И чтобы Золотая Орда и Египет не договорились, надо рассорить их и поодиночке истребить... Решено: он идет на север. Но на пути непокорные, строптивые грузины. Их в тылу оставлять нельзя...

Вот теперь Тимур заслужил ночной покой. Как обитателю пустыни, ему присуща любовь к растительности и проточной воде. Вот такой сказочный миниатюрный садовый рай с родничком устроен в его отдельном спальном шатре. Здесь запах курящего сандала и амбры смешан с испарениями соков афганской конопли и ферганского мака. Его слух будет ублажать мелодия армянского дудука, а потом раб-индус незаметно введет полуобнаженных танцовщиц, и на подъеме блаженства появится евнух-перс и его жрицы любви – вот кто знает все премудрости сладострастия, кайфа³¹ и разврата.

Однако Тимур приелись эти еженощные отлаженные представления. Старый воин-друг Сабук тысячу раз прав, и внук ему сделал подарок – выдержанное красное вино и на выбор белоснежное, бархатное, совсем юное хрупкое тело, которое от одного прикосновения грубой, черной руки уже дрожит. Сквозь неукротимый плач юная пленница силится сторониться его ласк, а он хочет, уже и без дудука, испить этот свежий нектар, этот румянец с щек, но она и кричать не смеет, лишь еле слышное в свой предсмертный час:

– Мать, отец, спасите, помогите!

Но Тимур кавказского наречия не знал, он считал, что осчастливил и благословил ее...

* * *

До рассвета еще далеко, но на востоке небосвод уже посветлел. Там легкой стайкой вытянулись с севера на юг перисто-волнистые бледно-фиолетовые облака. Над Курой встал густой пар, так что снежных кавказских гор совсем не видно. Звезд тоже нет, лишь тоненькая юная обескровленная луна, небо переливчатое низкое, давящее, пустое. Вот только на западе ярко одиноко горит богиня Иштар³², она еще властвует над землей, – ночь не прошла, нет красок дня, все вокруг во тьме. Природа еще спит, да почему-то люди не спят, вокруг шатра

---

³¹ Кайф (арабск.) – блаженство.

³² Иштар – прототип Венеры в шумеро-аккадской мифологии; и на Кавказе богиня плодородия и плотской любви, богиня войн и распри.

Тимура горят огни, оживление. Сам Повелитель буквально вывалился на воздух, за голову обеими руками схватился, будто она болит, или кто ее оторвать грозит. Ему вновь приснился дурной сон: голова его на севере в снегах стоит, на постаменте.

Мудрецов-звездочетов до зари разбудили, привели к Тимуру. Выслушали они владыку, меж собой пошептались, вынесли вердикт:

– О благословенный Богом, о Великий эмир! Белый снег – это мир и согласие, которое ты принесешь всем народам на своем пути; ты восстановишь справедливость меж правителей и визирей, неподкупность кадиев³³; будет много благодеяний для человечества: обилие дождей, плодов, хлеба, льна, меда, винограда и рыбы.

– О Посланник Аллаха! – поддержал разговор другой старец. – Это поистине вещей сон. Ты считаешь нас, служителей истинной веры и поэтому Всевышний так благосклонен к тебе. А мы будем зазывать народ молиться каждый раз за такого правителя как ты.

– О-о! – еще страстней схватился за голову Тимур. Конечно же, этим подлым льстецам языки надо бы повырывать. Однако, согласно Ясам, богослужителей необходимо почитать. Вот он под их льстивые речи вместе с ними через силу позавтракал, одарил дорогими шелковыми халатами, проводил с внешним почтением, да голова у него все равно болит. Правда, есть у него ото всех хворей лекарство – отдал приказ шахматы расставить, но и тут беда – соперников нет, ныне сам с собой играть не может, жаждет он кипучей жизни, значит, борьбы, и если не на поле боя, то хотя бы шахматные фигуры сметать.

Конечно же, к тому времени судьба так часто благоволила Тимуру, что он уже ощущал свое великое предназначение, и, понимая, что он беспрекословный лидер и должен быть вопреки всему действительно сильной личностью, пытался всегда владеть собой и держать чувства в узде. Но в это утро ему не по себе.

– Найди мне достойного соперника, – кричит он на визиря воды, – только не этого вора, что двадцать лет гнил в тюрьме, у нас таких и своих хватает.

– Мой Повелитель! – робкий шепот визиря. – Говорят, этот Молла астролог.

Как человек, стремящийся к великим целям, Тимур всю свою жизнь учился, все время совершенствовал область своих познаний, и с этой целью окружал себя выдающимися личностями, лучшими умами своего времени, каковым, как понял из доклада визиря, несомненно, был некий Молла Несарт.

Молла Несарт – ученик и последователь великого ученого, математика, философа и астронома Ширвани³⁴, который основал знаменитую Марагскую обсерваторию, и одним из первых выдвинул гипотезу, что Земля вращается вокруг Солнца, а Луна – вокруг Земли. За это уже престарелый Ширвани был предан анафеме и умерщвлен, обсерватория разрушена, а его ученику Несарту по молодости лет жизнь сохранили, правда, в тюрьме. Тюрьма того времени на Среднем Востоке – это, в основном, огороженная территория, которую охраняют государевы воины. Иной заботы у государства об узниках нет. Одежда и пропитание – это только то, что как подаяние приносят к воротам тюрьмы местные жители. Большинство заключенных содержатся в зинданах³⁵. Там, в невыносимых условиях, особенно зимой, они находят свой мучительный конец. Однако и здесь есть исключения: для редких привилегированных особ есть некие наземные помещения. Этой чести, как незаурядный, просвещенный человек, удостоен и Молла Несарт. Для него созданы более-менее сносные условия труда, а это философские труды, труды по математике, он основатель тригонометрии, и, конечно же, это возможность в свой замысловатый прибор-астролябию наблюдать за ноч-

---

³³ Кадий (арабск.) – судья.

³⁴ Фарид-ад-дин Ширвани (? -1375) – составил звездные таблицы, карту звездного неба, доказал, что Земля вращается вокруг Солнца, а Луна – вокруг Земли.

³⁵ Зиндан – земляная тюрьма (т.е. глубокая яма).

ным звездным небом, чтобы создать таинственные астрономические таблицы, на базе которых он составил достоверный восточный календарь, и, к удивлению всех, с поразительной точностью предсказал затмение солнца. Понятно, Молла Несарт не зря заточен в тюрьму – связан он с нечистой силой. Но в мире много людей с нечистыми мыслями, а они, как часто это бывает, люди у власти и при деньгах. Вот и тянет их к этому нечестивцу, и это не только мужчины, а порой, нет-нет, да и женщины под тяжелой паранджой – у всех тяготы от богатств. Вот и просят, кому судьбу предсказать, кому сон отгадать, кого влюбить, а на кого и вовсе порчу навести. Конечно же, в тюрьму ходить не совсем сподручно, зато как рискованно, загадочно и романтично, к тому же дешево, да блажь: вдруг этот знахарь не то сболтнет, можно посрамить, а то и вовсе подсрачник дать, только не сильно – Молла костляв, так не только судьбу, но и ногу можно повредить.

Разумеется, Тимур не ровня этой объевшейся мелюзге, один его жест и кого угодно к ногам его бросят. Да захотелось и ему таинство постичь на месте и на деле звездочета проверить. Но у величия тоже есть свои изъяны – вместе с охраной молва, что Тимур едет, разнеслась по округе. Испуганные тюремщики выстроили в ряд заключенных, стали наводить порядок, чтоб не сильно воняли. Да Тимур оттого и Повелитель, что в делах скор, разнаряженный и важный появился он в тюрьме, и как ни силится хладнокровным быть, а нос все морщит, шелковый платок с позолотой и благовониями у лица держит, нет, не хочет он вспоминать позабытый смрад человеческого испражнения.

Все заключенные и тюремщики пали ниц, едва появился Тимур, и лишь один бородастый в лохмотьях стоял скромно, почтительно склонив голову. В иное время и в ином месте за такую дерзость охрана давно бы сняла голову. Но сейчас есть приказ Тимура, он сам идет во главе и интересуется, кто за что сидит. И вот дошел он до стоящего.

– Ну, а ты, – Тимур сразу понял, что это и есть Молла Несарт, – ты тоже безвинно страдаешь?

– Нет, Великий Эмир, я несу заслуженное наказание, ибо мой строптивый язык несет всякую ересь.

– Гм, – ухмыльнулся Тимур, – смелых людей он уважал, – эй, стража, немедленно освободите этого преступника, дабы он не совратил этих невинных.

В тот же день Моллу Несарта доставили в ставку Повелителя, вымыли, постригли, облаговонили, приодели, на голову надели овечью шапку (без головного убора к Тимуру нельзя) и объяснили, как следует себя вести:

– Двое охранников, держа за руки, проведут тебя в шатер Властелина Поднебесной, ты упадешь на колени, поцелуешь край ковра и будешь ждать повеления.

– Я – горец Кавказа, – возмутился было Молла, – и ни перед кем на коленях не стоял и стоять не буду.

– Тогда голова твоя на ковер полетит, – бесстрастен голос охранника. – Понял?

– Хе-хе, – прикидываясь дурачком, улыбнулся, – как такое не понять?!

Завели его в огромный шатер Тимура, от блеска и богатства которого слепит глаза. По краям дерева из золота с висящими изумрудами и алмазами, будто листва. Тут же клетки и в них диковинные певчие птицы, ласковую трель издают. Подпевают им небольшой оркестр в углу. На невиданном по красоте и мастерству исполнения большом персидском ковре полукругом сидят, по-турецки скрестив ноги, заморские послы, вассалы, визири и военачальники, а в завершение, у трона, родня. Сам трон высок – это шедевр мирового искусства, захвачен в Багдаде, ему более тысячи лет. И Тимур не первый день правитель, кто восседает на нем, и такого достойного, как утверждают теперь, на нем не сживало, и в одеждах он под стать – весь в шелках и бриллиантах.

От этого великолепия ноги у Моллы Несарта сами подкашиваются, да на колени он не стал, а его уже ткнули сзади, и выбора нет: башку точно снесут. И тут его осенило, бросился на колени, восклицая:

– Здравствуй, о Всемогущий Бог!

– Я не Бог, – сурово ответил Тимур. – Я...

Молла не дал ему договорить:

– Хвала тебе, Господи, я увидел Тебя! – вновь он с треском ударился лбом.

– Что ты мелешь?! – возмутился Повелитель. – Я – Тимур, слуга Аллаха.

– Я ошибся? – недоумевает Молла. – Раз ты не Бог, то слезай и садись, как человек, рядом с этими людьми. Почему же ты забрался так высоко, под самую крышу?

Острословие Тимур ценил, зато шутов ненавидел. Понимая, что какой-то проходимец, прикидываясь мудрецом, осмелился прилюдно посмеяться над ним, он в порыве гнева хотел просто махнуть страже рукой, чтобы наглеца обезглавили, но эта дерзость, а главное, желание сразиться с сильным шахматистом, взяли верх и, принимая навязанный тон, иначе – неловкость, Тимур тоже, как бы шутя:

– Как старый астролог ты ведь привык задирать голову, вот и пришлось мне взобраться наверх, – усмехнулся Тимур.

Эта шутка была встречена восторженно. А Молла Несарт сделал вид, что тоже оценил юмор, и, уже вставая с колен, сказал:

– О Повелитель мира, ты действительно велик, как Полярная звезда на небе!

– И сколько же звезд на небе? – настроение Тимура улучшилось.

– Столько, сколько волос на моей шапке.

– И сколько волос на твоей шапке?

– Миллиард. Если не веришь, прикажи своим визирям, пусть сосчитают.

– М-да, – и без того узкие глаза Тимура еще больше сузились, – и вправду твой язык без костей. Может, вырвать его, чтобы ты снова в тюрьму из-за него не попал.

– Воля твоя, – склонился Молла. – Однако надо ли мне доказывать, что ты действительно Великий Тимур?

– Откуда у тебя такая дерзость? – стал резок голос Повелителя.

– От моего незавидного положения, – ответил Молла.

– Глупец! Разве ты не счастлив сегодня? Я тебя вызволил из тюрьмы, где ты гнил двадцать лет. Тебя умыли, одели, и ты удостоен чести лицезреть меня.

– О Повелитель мира, ты, как всегда, прав, я сегодня по-своему счастлив, – ответил Несарт.

– Что значит «по-своему»? Разве счастье не для всех одно?

– Конечно же, нет, – смиренен голос Моллы Несарта, – мое счастье – свобода! А вот в Ясах Чингисхана, который, я думаю, является твоим духовным кумиром, счастье иначе трактуется.

– Это как же? – удивился Тимур.

– Счастье, как высшая радость для человека, заключается в том, чтобы победить своих врагов, гнать их перед собой, отняв у них то, чем они владели, видеть лица, которые им были дороги, в слезах, ездить на их конях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен.

– Ты с этим не согласен?

– О Повелитель! Ты, как и Чингисхан, велик, я ничтожен.

– Наконец ты изрек истину, – усмехнулся Тимур и вдруг, совсем неожиданно, – сразимся в шахматы?

Обросшее старческое лицо Моллы Несарта, может, от природы, а скорее из-за тюремных лишений, было совсем изможденное, землистого цвета, некрасивое, а теперь совсем исказилось в изумлении.

– Насколько я знаю, – развел руками Молла, – в шахматы играют ради удовольствия, а не сражаются за жизнь или смерть.

– Вот и прекрасно, – груб глас Повелителя. – Выиграешь – живи, проиграешь, – теперь Тимур в свою очередь развел руками.

– А твои сражения хороши: в любом случае ты ничего не теряешь.

– На все воля Всевышнего, – мрачен тон Тимура.

– Я играю, при одном условии...

– Условия ставлю только я!

Голова Моллы Несарта осталась склоненной, да вот костлявая спина несколько выправилась, появилась в ней стать.

– Я не раб! – тихо, но твердо возразил он и сразу же, словно извиняясь, – да и тебе, Великий Повелитель, недостойно сражаться со всяким отребьем.

Наступила гробовая тишина, которую мог нарушить только Тимур.

– Хорошо, – после долгой паузы гневно процедил он, – что ты хочешь в случае победы?

– Свободы!

– Согласен.

– Тогда мне лезть в поднебесную, или ты снизойдешь?

– Дерзишь? – крайне суров Тимур, его правая нога, впрочем, как и та же рука, не сгибается от ранений, и он, с трудом спускаясь, постарался улыбнуться, – будет твоя болтливая башка на шесте болтаться.

– Время покажет, – в тон ему ответил Молла.

Посредине роскошного ковра появился тяжелый, расписанный орнаментом золотой шахматный стол, на нем фигуры из слоновой кости – искусство лучших мастеров.

– Выбирай цвет, – добр Тимур.

– Ты, о Великий Повелитель, всегда нападаешь, – так же учтив Несарт. – Вот только просьба одна – любое сражение днем ограничено, давай на ход поставим песочные часы.

Тактика сражений Тимура всегда одна: вначале атакует правый фланг, потом левый, центр – в резерве. С Несартом это не прошло: Молла вклинил вперед свою пехоту, уступая в качестве, добился простора для своих тяжелых фигур в центре, и как долго ни думал Тимур, а песок быстро течет. Почернел Повелитель от злости: проигрывать он не привык – вокруг масса людей, и он все чаще и чаще глядит не на малое количество своих фигур, а лютой злостью исподлобным прищуром на то, как его соперник все время машинально поглаживает свою убеленную, кое-как постриженную бородку.

– Хватит вшей в бороде щекотать! – наконец не сдержался Великий Повелитель.

– Простите, привычка.

– От дурной привычки я быстро избавлю тебя, – разъярен Тимур. – Прикажу – руки отрубят.

Это ранее Молла Несарт в покорности перед Тимуром стоял, а теперь он сражается и хоть сгорблен судьбой, да держится прямо, в упор в глаза противника глядит и не без вызова отвечает:

– В шахматах и без рук обойтись можно, лишь бы башка на месте была, – он двинул вперед фигуру, – а умная башка и руки сохранит... Твой ход, Повелитель, – и пока пораженный Тимур смотрел в гнев на доску, Несарт перешел на персидский язык. – А Повелитель сдох³⁶, – и в тот же момент картинно воздел руки. – Так это только в шахматах. А тебе, о Великий Тимур, будет вечная жизнь и здоровье! – тут он тоже, как при молитве, низко склонился и, находясь в такой позе, спросил, – о справедливый из справедливейших, как наш уговор?

---

³⁶ От персидского выражения «шах-мат» – Государь умер.

Изо всех сил Тимур постарался выдавить улыбку:

– Я тебя вытащил из тюрьмы, хе-хе, какой свободы ты еще хочешь?

После этих слов даже птички, поющие в углу, почему-то разом умолкли, никто не шелохнулся, лишь затрещали изношенные кости – это Молла Несарт вновь выпрямился:

– О Великий Правитель, – теперь он понял, что шахматная баталия закончилась и он вновь буквально под пятой. – Ты, действительно, милосерден и справедлив! Смогу ли я, столь жалкий человек, когда-либо с тобой расплатиться?

– Сможешь, – жесток взгляд Тимура. – Мы еще раз сойдемся, но не в эти шахматы, которые ты за двадцать лет тюрьмы выучил наизусть. Мы сразимся в мои шахматы, – он лишь повел рукой, и это поле боя моментально убрали, и не два раба, а чуть ли не с десятков поставили посреди ковра невероятно массивный, большой стол. Он, видно, тоже из литого золота, инкрустирован перламутром, изумрудами и алмазами.

– Здесь в два раза больше клеток, – поясняет свое изобретение Тимур, – и, соответственно, в два раза больше фигур.

– У Великого человека – все в величии! – склонил голову Молла Несарт и с явной жалобой, – мы будем сражаться или...

– За свою башку сражайся, – рявкнул Тимур.

– А если выиграю? – тих, но тверд голос Несарта и, видя, что ответа нет, уже громче: – Слово сдержишь?

– Что ты мелешь? Я всегда свое слово держу!

– Это общеизвестно, о Великий Тимур!.. Только одно, позволь мне заметить – не всегда лишь моя башка на кону будет.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Ко мне в тюрьму твои визири приходили, просили твой сон разгадать. Однако, я не гадатель... Правда, сны ты, говорят, вещие видишь, – тут Молла Несарт резко оборвал речь.

– Продолжай, – процедил Тимур.

– Продолжение сна только ты сможешь видеть... А мне, раз такая выпала честь, за свою башку или свободу до конца позволь сразиться.

Словно изучающе долго, тяжело всматривался Тимур в лицо Моллы Несарта:

– Я думал, ты шут, а ты – смелый человек... Смелость я уважаю. Ходи, ныне твой первый ход.

Эта схватка длилась очень долго. Вначале явный перевес был на стороне Тимура. Но потом, видимо, Молла Несарт приноровился к этому масштабу поединка, и когда фигур стало меньше, он и вовсе перехватил инициативу, однако дожать не смог.

– Ничья, – вслух объявил Тимур, – может, полголовы снесем?

Раздался всеобщий хохот.

А Молла молчит, склонил голову, ждет.

– Ладно, я милосерден, – доволен Тимур, – даю тебе еще один шанс, но теперь первый ход мой.

– О Повелитель, – взмолился Молла Несарт, – ноги устали, не держат.

По природе Тимур был неулыбчив, смеяться вовсе не умел, а тут залился хрипотцой:

– Кх-кха-кха! Может, плечи твои устали от болтливой твоей башки? Так осталось недолго им страдать. Кхе-кхе-кхе.

– Давай оба сядем, – не до смеха Молле.

– Где это видано, чтобы на стульях сражались?! Я не моложе тебя, так что борись на равных. Правда, если хочешь, можешь на колени стать... Не хочешь? Вот мой первый ход, – и Повелитель, как всегда, повел в атаку правый фланг.

К середине партии, а это действие долгое, время к полуночи, когда фигур на столе значительно поубавилось, преимущество Тимура, как и его приподнятое настроение, были на высоте. Совсем по иному выглядел его соперник. Молла Несарт явно устал, совсем сник: опираясь обеими руками о массивный стол, он, наверное, больше силился устоять на своих больных ногах, нежели думать о шахматных страстях.

– Давай отдохнем, – наконец не выдержал Несарт.

– Что значит «отдохнем»? – более чем язвительен тон Тимура. – Кто отдыхает в разгар боя? Иль ты хочешь сдать? Башку потерять? – обыденно вопрошает Властелин.

От этих ядовитых замечаний и угроз Молла Несарт еще какое-то время держался, да хватило его ненадолго:

– Можно попросить воды?

– Ну, – щедро развел руками Повелитель, – ты кавказец, мы находимся на Кавказе. И, как мне известно, здесь гостей не принято простой водой потчевать, – он сделал жест прислуге, – сейчас тебе подадут прекрасное грузинское вино из погребов монастырей древней Мцхеты... Каков букет? А аромат? – видя, как Молла с жадностью припал к бокалу, – Внук подарил... Так ты ходи, ходи. Вот мой ответ... Что ж так взгрустнул, иль опьянел? Ходи быстрее, конец уж близок.

Молла Несарт хотел двинуть коня, как-то неловко это получилось, и тяжелая фигура упала.

– О-о! Ты совсем ослаб, – заботлив Повелитель. – Кстати, а я знаю превосходный рецепт для прилива сил и буквального омоложения, – он несколько склонился над столом, поближе к Молле, по-приятельски потрепав костлявое плечо. – К этому вину – юную красавицу, и ты – словно вновь родился.

После этих слов он грубым жестом поманил визиря, что-то шепнул ему на ухо. Очень скоро в роскошном шатре почувствовалось некое возбуждение, веяние, стало еще светлей, веселей и громче полилась музыка, потекли по воздуху пьянящие благовония, как из-под земли неожиданно появились совсем юные танцовщицы и так же незаметно исчезли. А пред столом, в сопровождении евнухов, выставили сказочную особу. Она – высокая, тонкая кость, стройна, кожа белоснежная и гладкая, на губе, искусно загримирована свежая, глубокая рана. Она еще очень юна, но в больших и бездонных темно-голубых глазах нечеловеческая испепеляющая тоска. На ней лишь полупрозрачная воздушная вуаль, открывающая всю прелесть девичьей красоты, а с плеч до самого пояса спадают пышные смоляные волосы. Евнухи пытаются ее склонить, она, кусая раненую губу, изо всех сил противится.

– Оставьте ее, – приказал Тимур, еще раз оценивая взглядом ее природную стать. – Ты не хочешь преклониться передо мной?

– Она не знает наших языков, – подсказал визирь воды.

Сам Тимур владел тюркским, персидским, уйгуро-монгольским и чуть-чуть латынью Востока – арабским.

– Кто переведет? – недоволен он.

– Вот, Молла Несарт, местный – вновь подсказывает визирь.

– Переведи, – приказал Тимур.

Сам Молла, с появлением этой девушки как-то ожил, воспрянул духом; что-то родное, знакомое, близкое было в ней. Он стал с ней говорить на непонятном для всех языке.

– Молчи! – рявкнул Тимур. – Переводи лишь мои вопросы и ее ответы... Она не хочет склониться передо мной?

– Кавказские девушки ни перед кем не склоняются, так их воспитывают, – слово в слово перевел Молла.

– Она не знает, кто я? – прошипел Тимур, он вновь властным жестом поманил к себе визиря; в его руках появилась крупная золотая монета с его выпуклым профилем, на сторо-

нах которой на арабском и греческом выгравировано «Великий Тимур – Повелитель мира». – На, дарю, чтоб запомнила, кто я, – поднес он ей монету.

Девушка, небрежно рассматривая золотой кусок и явно усмехаясь, сказала что-то Несарту, но тот не стал переводить.

– Говори! – приказал Тимур.

– Она не верит, что ты Повелитель.

– Почему же?

– Говорит, если ты действительно Повелитель мира, то недостойно дарить девушке всего одну монету.

Все замерли, и вдруг девушка с нескрываемой снисходительностью на лице обратилась к Тимуру:

– Ты арабским владеешь? Так вот, много денег я тоже не возьму – не нуждаюсь в подачках.

По-орлиному вздернулась бровь Тимура:

– Откуда у вас, кавказцев, такая спесь?

– Это не спесь – горделиво вздернула она подбородок, – это природная данность!

– О! – перебил ее Повелитель, – слышал, слышал – «арийцы» с Кавказа. Может, и в тебе течет голубая кровь?

– Во мне течет кровь моего отца – азнаура³⁷ Атчароя.

– Ты дочь Атчароя? – воскликнул изумленный Молла Несарт

– Да, я Шадома, дочь Атчароя.

– А где мой друг детства, твой отец?

– Эти варвары, как туча саранчи, на нас внезапно напали, отец погиб, на моих глаза обезглавили, – тут она впервые уронила голову на грудь, пытаясь скрыть уже привычные слезы, вся задрожала.

– О Великий Повелитель! – как и у визирей покорно-слащавым стали голос и поза Моллы Несарта. – Ты во всем велик, щедр и прав; к этому вину, действительно, нужна такая красавица. Уступи мне ее.

– Хе-хе, хитер, хитер, – еще более сощурились глаза Тимура. – Выиграешь эту партию – твоя. Проиграешь, как условились, твоя башка за дерзость слетит тотчас. Ну а ее, прекрасную, – он провел пальцами по ее шелковистым волосам, – не ублажит меня – поутру... Так что, ходи.

Некрасивое, изможденное, лицо Несарта все испещрено морщинами, а теперь он так внутренне напрягся, что посерел, и на лбу меж глаз какой-то сгусток кожи возник. Он тяжело стоял, опираясь руками о стол, переминаясь с ноги на ногу, и все же не выстоял. Когда фигур на столе оставалось совсем мало, он пал на колени. Однако на это почти никто не обратил внимания, потому что его колюче-буравящий, неотступный взор витал над доской, все более и более прижимая противника...

Было далеко за полночь, совсем темно, под порывами холодного, резкого ветра со стороны Каспийского моря накрапывал мелкий осенний дождь, когда по едва различимой разжиженной дороге, петлявшей вдоль реки, удалялись от лагеря Тимура две торопливые тени.

– Быстрее, быстрее, – дергал Молла Несарт руку девушки, если дорога шла по наклонной. На подъеме они менялись ролями.

– Не могу, не могу, – задыхался старик, – ноги ватные, будто не мои, я ведь двадцать лет в каморке ютился.

Так, порой скуля, порой подбадривая и поддерживая друг друга, они преодолели какой-то путь, да далеко не ушли, и на очередном подъеме старик упал и сил у него уже не было.

---

³⁷ Азнаур (груз.) – витязь.

– Вставай, вставай, – причитает над ним девушка.
– Не могу, – как у выброшенной на берег рыбы широко раскрыт его беззубый рот. – Может, одна убежишь?

– Боюсь, – она вся дрожит.

– Да-да, – словно способен ее защитить, все еще не выпускает он ее руки. – Мне кажется, за нами следят... Сейчас, чуть отдохну и тронемся. Преодолев еще один подъем, они резко свернули с дороги; пробираясь сквозь небольшой лес и колючий, густой прибрежный кустарник, вышли к каменистому берегу реки.

– Насколько я помню, где-то должен быть брод... Подожди здесь, – Молла Несарт немного отошел вниз по течению. Река по осени немногосводная, да все же кавказская, говорливая, на перекатах ворчит, и, то ли показалось ему, то ли так оно и было – девичий визг. Бросился обратно.

– Шадома! Шадома! – изо всех сил завопил он; в ответ – лязг копыт по камням. – Сволочи! Гады! Изверги! – его ноги подкосились.

* * *

Как и все великие люди, Тимур мало спал. Пробудившись на заре в приподнятом настроении, он не без усмешки вспомнил изречение друга детства: «Старое вино – юная девушка». И, действительно, чувствуя прилив сил, он решил развеяться на природе – приказал спешно организовать охоту. Ему доложили, что недалеко, в живописном займище реки, дичь по осени разжирела: утки – стаями, косули – табунами, а вепри совсем людей не видели, даже не боятся.

Поутру дождь перестал, и хоть солнца из-за туч не видно, все равно светло и красочно. Для Тимура, кочевника пустыни, краски осеннего Кавказа – как благодатная кисть Бога! Нравится ему Кавказ, хорошее у него настроение, торопится он к охоте, впереди свиты скачет, и тут неожиданно из кустов выскочил какой-то старик, размахивая руками и крича: «Ты обманул ме...», он уже чуть было не ухватился за узды коня самого Тимура, как несколько плетей с разных сторон сшибли его с ног, а копьё пригвоздило к земле.

– Это ты? – Повелитель узнал Моллу Несарта. – Что, свобода уже надоела? – По его жесту орудие от старика отвели, но он еще лежал в грязи, и, видимо, вновь осознав сложившееся положение, повторил то, что хотел изначально сказать, правда, совсем в ином виде:

– Повелитель, девочку мою ночью отобрали.

– Был бы мужчина, не отобрали бы, – Тимур дернул поводья, через пару шагов коня остановил, презрительно глянув на старика. – Раз с утра повстречался этот урод, охота будет неудачной. Бросьте обратно в тюрьму.

Однако в этот день охота удалась на славу: сам Повелитель поразил не одну дичь и, вернувшись в лагерь в очень хорошем расположении духа, он захотел сыграть в шахматы и, вспомнив Несарта, потребовал доставить его; он не только жаждет реванша, ему нужен достойный соперник.

– Молла, – милостив тон Тимура. – Я думал, что если я, выезжая на охоту, встречу человека с таким лицом, то удачи мне не видать. А вышло все наоборот. Поэтому я помиловал тебя и освободил.

– Благодарю, Повелитель, – склонился Несарт. – Позволь мне задать один вопрос, – и, увидев снисходительный кивок, – утром, посчитав меня зловредным человеком, ты бросил меня в тюрьму, хотя, как оказалось, охота была очень удачной. А я встретил тебя и мне не повезло – вновь тюрьма, голод, холод. Теперь скажи по совести, кто же из нас приносит несчастье?

– Ха-ха-ха! – хлопнул ладонями Тимур. – Сам подумай, я только раз тебя посадил, зато дважды из тюрьмы вызволил. Так что, смотри, будешь еще дерзить – счет уравнию, ... справедливости ради.

– Ты всегда справедлив, Повелитель, – за эти неполные сутки, что Молла добился свободы, он усвоил одно – как положено преклоняться.

– Ну что, сыграем в шахматы? – спросил Тимур.

– А вчера, Повелитель, ты предложил сразиться.

– Да, и ты заслужил свободу, – констатировал Тимур. – Разве ты не пресытился ею?

– Есть вещи, которыми не пресыщаются.

– Назови же их.

– Глаза – взглядом, ухо – новостями, женщина – мужчиной, пламя – дровами, ученый – знаниями, сама жизнь – свободой.

– Мудро, – оценил Тимур. – Но хватит болтать, давай играть.

Они довольно быстро провели две партии на большой доске, и в обеих победил Тимур.

– Может ты поддаешься? – спросил он.

– Играю, как могу, – ответил Молла, – просто нет стимула.

– О каком стимуле ты говоришь? – суров стал голос Тимура. – Быть рядом со мной – для любого человека счастье и честь!

– Это так, Повелитель.

– Отныне ты при моем дворе, – постановил Тимур и бросил взгляд в сторону визиря воды. Тот, поняв приказ, склонил голову. – Любое твоё пожелание будет исполнено. Только смотри, начнешь в шахматах поддаваться, пеняй на себя, башку снесу.

Под этот заклад они начали третью партию, игра была равной, напряженной, вряд ли кто посмел бы Тимура побеспокоить, если бы не сверхважное донесение – над ухом Повелителя склонился начальник тайного сыска.

– Да ты что? – удивленно воскликнул Тимур. – Немедленно ко мне.

Из зала всех, даже визиря воды, удалили. Начальник сыска вопросительно посмотрел в сторону Моллы Несарта.

– Его оставь, – повелел Тимур, – мы доиграем. Он все равно ничего не поймет.

Вскоре двое охранников, держа за руки, доставали крепкого, очень смуглого мужчину зрелого возраста, с ясно выраженными монголоидными чертами лица, который с готовностью стал на колени, поцеловал край ковра.

– Ну, иди ко мне, иди ко мне, дорогой Едигей, – очень доброжелателен Тимур.

– О Властелин! – бросился к нему гость. – Как я счастлив лицезреть твоё Величие! Ты мне заменил отца! – теперь он припал к ногам Повелителя, целуя его красные кожаные башмаки, отделанные шелком, в который вкраплены золотые нити.

– Едигей, ты мне тоже дорог как сын, – под поцелуи и объятия полилась заливная восточная лезть. Но это длилось не бесконечно; с тюркского, который Молла Несарт прекрасно понимал, они перешли на монгольский, и моментально любезность с их лиц исчезла, и языка знать не надо, идет торг, сделка, предательство и вероломство, называются страны, города и исторические личности, против которых будет направлен их сговор, их армия, где они овладеют несметными богатствами, – это Северный Кавказ, вроде провинция Золотой Орды.

– Там, от Каспийского до Черного моря, – описывает цель Едигей, – земли жирные, черные, на них хлеба колышутся, словно золото. А стада там тучные, кони стройные, сивогривые. А люди богатые, свободолюбивые, красивые, мяса мало едят, больше мед, зелень, икру. В рабство продать – в двадцать раз дороже персов или негров стоят. А какие там города – в роскоши и зелени утопают!

– А твой брат, Иса-бек, как он?

– Повелитель мира, Иса-бек – мой старший брат, и ты знаешь о нашей сплоченности. Без его согласия я не явился бы к тебе.

– Да, – согласился Тимур.

Делая вид, что вновь увлечен игрой, он подошел к шахматному столу, надолго задумался, а думать о чем было, ему предстояло принять очень важное решение и при этом опираться на такого коварного, далеко не глупого и очень влиятельного человека, как Едигей, и его братьев.

Конечно, Тимур понимал – сегодня (да и вчера) Едигей боится его, раболепствует, вроде верно служит. Но служит ли он ему одному? Ведь его брат Иса-бек – один из приближенных людей Тохтамыша, да и сам Едигей только из Золотой Орды прибыл. Не хотят ли они его заманить в ловушку и там истребить?

А с другой стороны, оттолкнуть Едигея, просто уничтожить тоже нельзя. Как семья Тимура была во главе отюреченного монгольского племени барласов, так и семья Едигея стоит во главе такого же промонгольского племени мангыт. И хотя это племя не является прямым потомком Чингисхана, да оно еще древнее, могущественнее, а в данный момент мангытский юрт стал столь многочисленным и сильным, что к нему примкнули многие монгольские племена, такие как уйсуну, канглы, кипчак, найман и, наконец, великие керейты. И не только Тимур, но и Тохтамыш понимают, что Едигей – хитрая лиса и ведет свою игру, пытаясь не в первый раз столкнуть лбами двух правителей и надеясь обоих обессилить, чтобы самому захватить власть в Чингисхановом улусе³⁸. Однако поделаться с этим, по крайней мере, пока, ничего невозможно. Дело в том, что в армии и Тохтамыша, и Тимура служат и с той, и с другой стороны по тридцать-сорок тысяч соплеменников Едигея, меж которыми традиционное кочевническое родство, которые, в случае чего, могут ударить в спину Тохтамышу, и тем более Тимуру, ибо он, в отличие от первого, не является потомком Чингисхана. И эти головорезы и смутьяны бескрайних пустынь верно служат Тимуру лишь потому, что его полководческий гений пока что постоянно утоляет их алчную жажду к добыче, схватке, насилию, разгулу и разврату. Вот и приходится даже такому великому завоевателю, как Тимур, изворачиваться, вести тонкую дипломатию, порой льстить.

Он двинул вперед шахматную фигуру, обратился к Молле Несарту:

– Не сдаешься? – и, пытаясь скрыть хромоту, как можно мягче приблизился к гостю, чуть ли не по-кошачьи, тепло обнимая, – Идико, – так он его ласкает, – ты ведь ровесник и друг моего покойного первенца Джехангира, ты мне как сын родной, и я верю тебе, как сыну... Но мне нужны письменные заверения в верности от тебя и от старшего брата.

– О Великий Эмир! Ты нам заменил отца, – так же улыбается Едигей, и без того узкие глаза совсем сощурились, их истинного чувства никому не понять. – Ведь я дал клятву верности тебе на своем колчане стрел.

– О мой сын Идико, с тех пор ни ты, ни я колчаны не носим, разве что на охоте. Ныне все грамотны, порядок таков.

– Повелитель, зачем на китайской бумажке монголу след пером оставлять? Вспомни, на Волге, четыре года назад я без грамот с знаменосцем Тохтамыша тебя свел, и благодаря этому ты победил.

– Победил я, – жестко оборвал его Тимур, – благодаря в первую очередь благословению Аллаха, а, во-вторых, благодаря своей силе и умению. Понял?

– Властелин мира! Истинно так, – виновато склонился Едигей. – Однако...

– Никаких «однако», – заскрежетал изъеденными зубами Тимур. – Я свое слово сдержал, Сарай вам оставил и не виноват, что Тохтамыш вернулся и вас на место поставил.

---

³⁸ Улус – область, страна.

– Повелитель, ты всегда и во всем прав! И ты мне заменил отца, это весь наш род знает и чтит. Однако позволь мне дельное слово сказать.

В это время Молла Несарт сделал ход, Тимур это заметил и, вновь занимая свое место за шахматным столом:

– Говори, раз дельное.

– Тохтамыш с каждым днем крепнет, – Едигей, как заговорщик, тоже приблизился к столу и горячо зашептал на ухо Повелителю, – грозит тебе отомстить. Для этого с мамлюками Египта, Сирии уже спелся. Если те ударят с юга, а Тохтамыш с севера, то худо будет.

– Это и есть твое дельное слово?

– Да, можно их союз рассорить.

Тимур даже не спросил как, зная нрав падальщика-стервятника Едигея, он исподлобным испытующим взглядом впился в своего вассала, с нетерпением ожидая изощренного коварства.

– Сын султана мамлюков Захира Баркука, молодой Ахмелик Алнассар – Фарадж – прибыл из Египта на Северный Кавказ, чтобы познакомиться с исторической родиной, и, может, жениться на землячке. И все это под личное поручительство и приглашение Тохтамыша, который сам прибыл его встречать и находится теперь в Пятигорье³⁹.

– Я ничего не понял, – прикидывается Тимур.

– Сыночка надо похитить и пустить слух – Тохтамыш сдал.

– А поверят?

– Хм, поверят – не поверят, в любом случае Тохтамыш виноват, не обезопасил гостя-принца. Какой он тогда хан?

– Как это сделать?

– Сын султана любит ездить по родовым местам. После барханов Египта горы Кавказа – настоящий рай.

– Это точно, – согласился Тимур.

– Так вот, черкесы Кавказа – только в Египте сила и монолит, а у себя на родине мелкие местные князьки на деньги падки, меж собой вечно грызутся. Надо кого-либо послать, чтобы кинул золотую кость пожирней.

– Ну, Идикю, просто кладезь идей! – похлопал его по плечу Тимур. – Вот только ярлык⁴⁰ подпиши, и коль не хочешь китайскую бумажку марать, то рытый бархат есть, а по нему сухим, красным золотом пройдишь, оставь след верности в истории.

– О Повелитель, а ты дашь грамоту, что вместо Тохтамыша в Золотой Орде меня посадишь?

– Идикю, ты забываешься! – ухмыльнулся Тимур. – Когда и кому я закладные давал... Хе-хе, не волнуйся, а впрочем, я ведь неграмотный, а слово всегда держу, и ты это знаешь, – он обнял Едигея. – А чтобы не сомневался, да и для надежности, впредь при мне будешь.

– Заложником?

– Да ты что?! Родной сын и в заложниках? Хе-хе, кем ты хочешь быть?

– Как старший брат Иса-бек, при Тохтамыше, хочу быть беклербеком⁴¹ при тебе.

После очень долгой паузы Тимур процедил сквозь зубы:

– Согласен, – и вновь подойдя к шахматному столу, – вот тебе первое задание: все, что надо, бери, на рассвете в путь, доставь сына мамлюкского султана к моим стопам.

– Повелитель! – взмолился Едигей. – Я неделю в седле был, через горные перевалы, по козлиным тропам к тебе тайком пробирался. Сжался, я очень устал!

---

³⁹ Современный Пятигорск.

⁴⁰ Ярлык (тюрк.) – жалованная грамота средневековых монгольских и тюркских правителей.

⁴¹ Беклербек (тюрк.) – главный военачальник.

– Хе-хе, в твои-то годы и устал? А говоришь, беклербек. Ну ладно, сжалюсь над тобой. Есть у меня рецепт вечной молодости, ...хе-хе, подарок внука, я давно такой не встречал, прямо от сердца отрываю, а к утру ты испьешь ее благородной голубой крови, насытишься ее юной плотью, и, даю слово, сам будешь в бой...

– Шадома, дочь князя Атчароя, по праву моя, – давая о себе зная, неожиданно, не очень громко, но твердо встрял Молла Несарт и, видя, как в гневе исказилось лицо Тимура, попытался исправить оплошность. – Повелитель, ведь таков был накануне уговор? – как мог ниже склонил он голову.

– Босьяк! – зарычал Тимур. – И куда ты собрался ее вести – ни кола, ни двора!?

– У нее фамильное село, княжеский дом, родня, – втянув от испуга голову, все же пытался возражать Молла.

– Нет у нее ничего, нет! – кричал Тимур. – Мы все стерли с лица земли, всех истребили, кроме красавиц! И так будет со всеми неверными, кто попадет на моем пути!

– Благослови Всевышний твой путь, – не без жеманства произнес Молла Несарт и как-то неподобающим для столь высоких слов образом вознес руки.

– Мне кажется, – недоволен Тимур, – ты сильно лукавишь.

– Ты как всегда прав, Повелитель, – ответил дерзко Молла Несарт, – ведь речь идет о справедливости твоего пути.

– Ах так! – сузились губы Тимура. – Ты не веришь в справедливость моих помыслов, – он хлопнул в ладоши. – Иди и забирай свою Шадому, если она теперь вновь захочет оборванкой стать.

По его хлопку появился визирь, следом главный евнух, который робко возразил Тимуру:

– Мужчине в гарем нельзя.

– Это уже не мужчина, – постановил Тимур, – изношенный хрыч.

Пепельно-бледное, изможденное, перекошенное судьбой лицо Несарта еще больше исказилось, от гнева потемнело:

– Я еще сражаюсь, – дрожащей рукой он взялся было за шахматную фигуру, хотел еще что-то сказать, как по молчаливому кивку Тимура его схватили за локти, чуть ли не оторвав от ковра, потащили куда-то, а присутствующий при этом Едигей не смог сдержаться:

– О Повелитель, что за наглец? Ему если не башку, то язык отрезать не помешало бы.

– Хе-хе, Идикю, я уже который раз Кавказ покоряю. Скажу прямо, народ здесь дикий, необузданный, даже старики, как необъезженные жеребцы, все норовят лягнуть... Вообще-то я шутов не держу, но этот старик мне полезен, – он склонился к уху Едигея и шепотом: – Иногда надобно правителю простое слово услышать, а то витиеватая придворная лесть душу уластит, так и жесткость потеряешь...

А в это время глаза Моллы Несарта крепко завязали грубой тканью. По прохладному веянию он понял, что его ведут по улице, потом вновь помещение, ноги просто утопают в толстых коврах, какая-то заунывная восточная мелодия – детский хор, пьянящий аромат благовоний. И даже с закрытыми глазами здесь ощущается сказочная, щедрая нега, а его все ведут. И он хочет туда идти и с наслаждением вдыхает аромат. Когда сняли с глаз повязку, он буквально обомлел от невиданного великолепия: весь зал в сизо-голубоватом свете, словно луной освещен, бассейн серебристый светится фосфором, в воде плавно качаются белоснежные кувшинки и золотистый водяной лютик. А далее, настоящий сад, гранат созрел, плодами горит, на виноградной лозе кисти сочные свисают, выющаяся китайская роза вся в алых цветах. Здесь заливаются райские птицы, и посреди этой усладной истомы огромный расписной диван⁴²⁴³

---

⁴² Диван (персидск.) – возвышенный пол, покрытый коврами.

– Шадома, ... Шадома, – негромко позвал Молла Несарт.
Она не среагировала.

– Шадома, – повторил он. Она медленно, лениво повернула прекрасную головку в его сторону. В ее огромных очах туман, ничего не понять, смотрит, словно в никуда.

– Шадома, дочь Атчароя, – уже без надежды печально произнес старик.

На миг в ее отрешенных глазах вспыхнула какая-то жизнь и сразу же погасла, оставив на юном румянце щеки короткий, влажный след. Но это была лишь искра, а потом вновь в глазах пустота, беззаботная дрема, блаженная сонная одурь, стойкая наркотическая пелена, бездушье.

* * *

Духовный наставник Тимура Саид Бараки прислал из Самарканда очередное послание-наставление. Кроме прочего, а это общее положение дел в столице и вокруг нее, завершается письмо следующим выводом: «Нет для Правителя ничего лучше, чем ум и знание. Ведь недаром сказано «Вещи украшаются людьми, а люди украшаются знаниями и возвышают их достоинство умом... Самый лучший Правитель – это тот, кто общается с учеными и поэтами».

Этот постулат Тимур давно усвоил, а посему смилостивился над несчастным Моллой Несартом, ибо этот бездомный ученый ничего не имел. Своим повелением Великий Государь оставил Моллу при дворе и якобы для пущей важности, да более для насмешки, назвал его святым старцем, просил прилюдно зачитать указ. Кто-то в стороне захихикал.

Молла Несарт осознавал, что его насильно удерживают при дворе, прежде для игры в шахматы, а теперь как посмешище. Ему ничего не оставалось, как принять это условие, и, по мере возможности, таким же способом противостоять.

– Всемогущий Аллах и ты, Великий Повелитель, – вознес Молла руки к небу, – провозгласили меня святым, предписав мне находиться при твоём дворе. И как святому визирь воды обязан мне выделить специальных слуг, кухню и жалованье – тысячу таньга.

– Дурак же ты, Молла! – усмехнулся Тимур.

– Правду изволишь говорить, мой Повелитель, – склонился в поклоне Несарт. – Не будь я дураком, разве стал бы святым при твоём дворе?

За такую выходку иной поплатился бы головой. Однако у Тимура свой расчет, да и шахматы играют в его жизни немалую роль, и ему просто необходим достойный соперник. А иначе как коротать время? Ведь не все ему празднество, разгул. Стоит он на Кавказе как на перепутье, меж многих враждебных сил, и если они разом на него пойдут – несдобровать. А действовать надо быстро и решительно. Он любит и привык воевать, его армия жаждет новой добычи. Да, сломя голову, никуда не сунешься, можно свою голову потерять. Вот и приходится ему все до мелочей рассчитывать, ведь многое теперь зависит не от него, а от успеха замысла Едигея.

Сам Едигей перед отправкой на столь сомнительное дело столько денег запросит, что порой приходит Тимуру мысль: «сколько еще человеку надо?». Убежит Едигей?.. А следом – Едигей, как и он, малым не насытится – все разом захочет, значит, претворив идеи, либо нет, но обязательно вернется, тому закладная грамота есть.

Знал Тимур, что это нереально, да неделю срока дал он Едигею на исполнение. Уже третья пошла – никаких вестей. Он волнуется. Чтобы забыться, все время в шахматы с Моллой Несартом играет, потешается над ним, но и тот в долгу не остается.

---

⁴³ Диадема (греч.) – женское драгоценное украшение в форме небольшой открытой короны.

Так и коротал Повелитель время, вроде бы в утехах и в спокойствии. Да на самом деле мысль его беспрестанно кипит, нет ему ни свободы, ни счастья, ни покоя. Он всегда должен быть начеку, знать все обо всем, даже о том, что происходит вдали от него, на то у него масса доносчиков, разведчиков и даже высокопоставленных подкупленных лиц. А тут, чего он никак не ожидал, тайный посол прибыл из Константинополя, от самого императора Византии Мануила II.

Здесь уместно сделать некоторое отступление для пояснения, и поэтому обратимся к помощи Пера, лишь оно оставило след истории... К тому времени как таковой великой Византийской империи, которая просуществовала более тысячи лет, уже не было. Конечно же, одна из главных причин распада империи – это внутренние противоречия и известные интриги византийского двора. Однако эти внутренние распри сопровождали Константинополь во все времена ее существования. Тем не менее, эта твердыня устояла перед полчищами персов и победоносного арабского халифата. А в 1204 году полумиллионный город, где воинский гарнизон численностью более 70 тысяч, буквально сдался сборной дружине западных наемников крестоносцев-латинян, которые спекулировали единовением. Войдя в Константинополь, они предали столицу православия огню, многих греков поубивали, все что могли, а это бесценные памятники мировой литературы и искусства, древние храмы и даже императорские усыпальницы, они разграбили, уничтожили, переплавили. Лишь кое-что было вывезено, и до сих пор эти памятники украшают некоторые города Европы...

А возвращаясь к причинам распада Византийской империи, следует отметить, что исторически судьба православной державы более была связана с Востоком, нежели с католическим Западом. Именно Восток питал Константинополь всеми ресурсами, а это и доходы, и военные люди, и даже традиции. Но когда турки-сельджуки, а потом монголы захватили восточные провинции Византии, империя стала обескровленной, обнищала и не смогла не только контролировать дальние территории, но и защищать саму себя. В итоге, по заговору крестоносцев греческая Византия распалась на несколько частей. Тем не менее сама столица – портовый город – имела такой потенциал и такое важное стратегическое положение, что Константинополь, не как прежде, но вновь ожил, приобрел некий вес и авторитет, пока в начале XIV века на просторах Малой Азии не появилась новая сила – турки-огузы под предводительством султана Османа, который и создал так называемую Османскую империю.

Потомки Османа исторически во многом преуспели, а в конце XIV века, во времена Тимура, в Малой Азии и на Балканах загремело имя нового полководца – Баязида. Это он в 1389 году принимал участие в знаменитом сражении на Косовом поле, что в долине реки Лаб, где сербы сошлись с турками в решающем сражении и после двух дней упорных боев, тесня противника, убили султана Мурада, а затем и старшего его сына Мустафу. Другой же сын султана, а именно, Баязид, не дал соплеменникам дрогнуть. Он взял бразды правления, сам ринулся в атаку и на исходе третьего дня, разгромив сербов, захватил в плен их князя Лазаря и взял в жены его дочь – красавицу Деснину, про которую позже слагали оды, и даже французским писателем был написан блистательный роман... Брат Деснины – Стефан Лазаревич – признал над собою верховную власть султана и вместе со своими подданными стал одним из главнокомандующих в войсках Османской империи.

Баязид был полководцем стремительных переходов, быстрых, продуманных атак. Его не зря прозвали Молниеносным. После Косовской битвы он ходил в Венгрию, жестоко расправляясь со всеми, кто пытался с ним воевать.

По возвращении Баязида на Балканы многие греческие города открывали перед ним ворота, а некоторые и сами приглашали. Так, в греческий город Салону призвали турок сами греки: и епископ, и владельница города Елена Кантокузина, вручившая султану род-

ную дочь для его гарема. И это был не единичный случай. Как утверждают некоторые историки, на Балканах потомков Османа ждали! Дело в том, что ни одна из сил, претендовавших на Балканы в XIV – XV веках, не была желаемой для простых жителей полуострова, которые натерпелись от притеснений византийских императоров, обленившихся и зажавшихся, от воинственных сербов, болгар, других народов, не способных договориться меж собой мирно, от западноевропейских правителей, истребивших христиан Балканского полуострова за почти трехвековую эпопею Крестовых походов... Никому из перечисленных правителей не было никакого дела до простого народа, а османы несли людям обыкновенным некую справедливость, вполне приемлемую для уставших людей...

Победы Баязида ошеломили всех, прежде всего византийский двор, беспомощно наблюдавший за грандиозными событиями. О непокорности новому султану нельзя было и думать. Император Византии оформил вассальные отношения с султаном, более того, перенес невиданное для империи унижение – сопровождал Баязида в поход против Никеи⁴⁴, единственного греческого города в Малой Азии, сохранившего независимость благодаря традиционной дружбе горожан с соседями сельджуками⁴⁵. Православным жителям города пришлось увидеть греческого императора в турецком стане. Сам император их уговаривал поддаться туркам и после их отказа бился вместе с сыном Мандилом в первых рядах султанских войск против греков, считавших себя его подданными. Город был взят приступом.

Вскоре после этого, в 1391 году император Византии Иоанн Палеолог умер. Этим воспользовался его племянник, тоже Иоанн, сын Андроника, который захватил столицу и провозгласил себя императором. В это самое время сын Иоанна Палеолога находился, как аманат, в султанской ставке, откуда он якобы тайно бежал в Константинополь, чтобы занять престол своего отца. Внутри городских стен между двоюродными братьями разразилась настоящая борьба. А султан Баязид, державший в осаде Константинополь (это будет продолжаться на протяжении семи лет), всякими способами помогал то одному, то другому брату-претенденту, в результате выманивая дань с обоих, что в целом еще более ослабляло их империю. После пятимесячного противостояния Иоанн отступил, бежал морем. И с тех пор откуда-то издалека он угрожает императору Константинополя дворцовым переворотом, что не внове при византийских порядках. Сам Мануил II разыскивает исчезнувшего брата с целью избавиться от него, как от соперника. В стане Тимура появляется его посол с уверениями, что Иоанн захвачен людьми Повелителя, и с просьбой помочь избавиться от самозванца. За эту услугу, мол, Мануил II в долгу перед Великим Государем не останется.

Сам Тимур ничего понять не может. Делая паузу, он, как ему свойственно, устраивает византийскому послу пышный прием, а сам думает: что же произошло? почему его разведка ничего не сообщает? В это время еще один посол – от самого султана Баязида, и речь о том же, об Иоанне. Только султану беглец нужен живым, он готов заплатить и тоже сулит дружбу и мир.

Теперь Тимур еще более озадачен: кто-то, прикрываясь его именем, свершил злодеяние. А зачем ему, искусному дипломату, лишние враги? И мелькнула у него мысль – Едигей, но он ее быстро отменил: Едигей на север ушел, а Константинополь и султан Баязид – за морем, гаремы на юге... А тут вновь посол, от хана Золотой Орды. В своем гневном письме Тохтамыш грозит расправиться с Тимуром, называет его коварным подлецом. И хотя в сопроводительном письме и имени Едигея нет (сумел же негодяй так провернуть дело), Тимур теперь кое-что стало понятно.

⁴⁴ Никея – современный Измит.

⁴⁵ Сельджуки – ветвь племени турок-огузов (X – XIV вв.), названа по имени их предводителя-основателя Сельджука. В период расцвета захватили большую часть Средней Азии, Иран, Ирак, Азербайджан, Армению, Грузию, Курдистан, Малую Азию вплоть до Палестины.

Оказывается, у Тохтамыша на Кавказе гостили царственные особы: Иоанн – претендент на византийский трон и, что гораздо важнее, сын султана Сирии и Египта – Фарадж. Для почетных гостей было все, но кто-то предложил необычайную экзотику – охоту на снежного барса в высокогорных местах... Сам Тохтамыш – степняк, по горам лазать не умеет, да и по-хански обрюзг. А отказать желанию таких гостей тоже негоже. Где-то в горной теснине попали горе-охотники в засаду, охрану перебили, господу исчезли. Среди нападавших тоже были потери, в них признали горных бадахшанцев⁴⁶ Тимура, они вывели на след. Правда, горы Кавказа – не азиатские степи: в них затеряться легко, а идти не просто. Зная это, Тохтамыш предпринял все меры, чтобы перекрыть конные переходы с северного Кавказа на южный. А их всего три: Дарьял, Дербент, Аргун. С двумя первыми проблем нет, а вот Аргунское ущелье – там горцы свободолюбивые и независимые. Но и в этих местах рыскали люди Тохтамыша: вроде перевал никто не проходил, а теперь, к поздней осени, все снегом замело, да следов нет. До последнего маялся Тохтамыш, все надежду питал, и, лишь уверовав, что поиски напрасны, отправил к Тимуру послов.

Сам Тимур вроде должен быть доволен, ведь он все это устроил и, казалось бы, все просчитал. Но вышло наоборот, потому что вслед за этим прибыли люди от египетского мамлюка Захира Баркука с требованием выдать его сына.

«Едигей – предатель!» – первая мысль Тимура. Вот теперь, действительно, Тимур в окружении врагов: он невольно укрепил союз Тохтамыша с мамлюками, к ним может присоединиться и Баязид, а прямо перед ним никак не покоряющиеся грузины и горцы. На несколько фронтов ему не разорваться.

Ему срочно необходимо что-то предпринять, и в первую очередь разыскать Едигея, а для этого запугать старшего брата Иса-бека, ведь у него подписная грамота. Этого делать не пришлось. Иса-бек опередил, сам вышел на связь, прислав тайного гонца, и не кого-нибудь, а собственного сына. Такому заложнику не верить нельзя, и он докладывает Тимуру, что все – от идеи высокогорной охоты до засады и маршрута побега – организовал Иса-бек.

Вроде все было продумано. Они миновали Терек, но по более оживленному Дарьялу не пошли. Едигей с заложниками шел ночами по ба-ник⁴⁷, на посту Искота⁴⁸ у Мештарой они договорились, может, откупились. Скорым маршем добрались до крепости-поселения Итон-Кхели, что стоит на самом берегу Аргуна. Два дня отдыхали у местного вождя. Переменив коней, тронулись вверх по Аргунскому ущелью и на рассвете дошли до поста Чагие⁴⁹. Здесь дорогу охраняли не местные горцы, а подразделения регулярных войск страны Симсим⁵⁰. Видимо, откупиться не смогли, и тогда воины Едигея перебили всех, кто был на посту.

После этого хорониться днями не было смысла и возможности: боялись погони. А впереди лишь голые альпийские горы и далее, вечный ледник – высокогорный перевал Нархихе-корт, который тоже миновали. Затем их видели около Парсмы⁵¹, и вроде у Джолоко (а это уже Тушетия – Алазания), и до стана Тимура – рукой подать. Но Едигей исчез.

Казалось бы, все у Тимура под носом: армия в двести тысяч, выстрой в ряд, пройдишь, и они не только людей Едигея, но и зайцу скрыться не дадут. Да все не так просто: это не бескрайние степи Сибири, где всей армией он охоту устраивал, это Кавказ! Здесь горы крутые, остроконечные, все заросшие девственными лесами, а меж гор быстрые реки, на вид мел-

⁴⁶ Горный Бадахшан – область на территории современного Афганистана.

⁴⁷ Ба-ник (Ба-някь – чеченский) – «войск дорога» – одно из звеньев целой сети стратегической дороги, охватывающей горную и равнинную части Северного Кавказа.

⁴⁸ Искота (Искотла – чеченск.) – «На девяти воротах», своеобразная круглосуточная таможня, которая проверяла путников: со злым или добрым умыслом идут они и куда.

⁴⁹ Чагие (Чаглие – чеченск.) – дословно: замок-укрепление.

⁵⁰ Симсим или страна Земзем – находилась в центральной части Северного Кавказа.

⁵¹ Парсма (чеченск.) – щит.

кие, но перейти просто так не дают. А дороги здесь узкие, меж ущелий-теснин серпантинном выются, и за каждым выступом, за каждым поворотом горец скрывается, свой очаг в обиду просто так не даст. Оттого Тимур уже который раз несчастную Грузию покоряет, никак покорить не может.

Конечно же, с его воинской армадой он рано или поздно одолеет непокорный Кавказ. Однако на это нужно время, а его у него нет: все цари могут вскоре против него ополчиться, а наобум на Тбилиси не пойдешь, хотя и знает он, что у грузин вся армия – тысяч тридцать, не больше. Зато, говорят, у них умный, дерзкий, смелый и молодой предводитель – азнаур Тамарзо, который уже не раз трепал его передовые войска, подтверждая известную истину: армия баранов под предводительством льва сильнее армии львов под предводительством барана.

«Разумный план приносит пользы больше, чем сто тысяч воинов, – думает Тимур. – Здесь надо ловчить и идти на невыгодные сделки». С этой целью он засылает в горы своих лазутчиков, которые все вынюхивают. Но Едигей как в воду канул. Тогда распространяется слух: кто выдаст – поборник Бога, достоин огромного вознаграждения и расположения самого Повелителя мира. Это во все времена действовало. Вскоре объявился доброхот. Его тщательно осмотрели, в том числе и на наличие заразных насекомых, обработали и срочно, несмотря на ночь, доставили к Тимур.

Пришелец, коренастый, кривоногий, смугло-скуластый молодой человек с готовностью бросился на колени и, поцеловав край ковра и встав более чем в уважительную позу, доложил о себе:

– Глава илема⁵² Аурах, сын правителя страны Симсим – Тума.

Тимур в это время всецело был поглощен своей страстью – игрой в шахматы, где Молла Несарт загнал его в тупик. Тяжело вздыхая, Повелитель искоса глянул на пришельца, пробежался с головы до пят – весь в пестрых шелках, как павлин.

– Одеждой ты – глава, – не без ехидства заметил Тимур. Он хоть и пользовался, да презирал доносчиков. – Вот только сам ты никак не похож на кавказца.

Пришелец замешкался, лебезя, что-то пролепетал.

– Ты прав, о Повелитель! – неожиданно подал голос Молла Несарт. – Я знаю владыку Симсима, достопочтеннейшего Гайраха. Этот ничем на него не похож.

– Меня знает весь Кавказ, и я... – возвысил голос пришелец, однако Тимур повелительным жестом его остановил:

– Этот плешивый старичок, – брезгливо указал он на Моллу, – двадцать лет дома не был, и потому не все у него дома... А тебе я верю! – он сделал несколько шагов навстречу, гостя обнял и наигранно-вкрадчивым тоном: – Ты знаешь, где мои люди? Тогда начнем с главного, то есть с конца – сколько ты стоишь?

– Ну, – забегали раскосые глаза пришельца, он явно мучился, не зная, какую плату назвать.

– Молла Несарт, – любил Тимур потешаться, хорошо зная людей: главу илема надо вначале низвести, затем вознести, чтоб сговорчивым стал, и сделать это лучше чужими руками. – Так как ты думаешь, сколько он стоит?

– Хм, ровно десять таньга.

– Чего? – возмутился пришелец. – Один мой халат столько стоит!

– А я лишь его и оценил.

– Ха-ха-ха, – залился Тимур, затем быстро взял себя в руки. – Вон, вон отсюда этого дурака, – махнул он страже в сторону Моллы и тут же вновь, еще крепче обнимая пришельца, – Ты настоящий горец-кавказец! Я счастлив, что в мире еще есть такие порядочные,

⁵² Илем (чеченск.) – область, район.

мужественные люди! Ты мой почетный гость. А скажешь правду, даю слово Повелителя мира – озолочу!

– Все, как есть, расскажу, – чересчур подобоострастен пришелец.

Видимо, по его словам, воины Едигея после преодоления высокогорий главного Кавказского хребта так устали, что не смогли без привала пройти до реки Алазань, за которой они могли спастись. А за ними шла погоня, которая обошла их, подняла тревогу среди местных горцев и грузин. Везде была устроена засада, и посланники Тимура были схвачены. Сейчас отряд Едигея находится в руках предводителя грузин – азнаура Тamarзо. Известно, что идут переговоры с целью передачи их правителю Гайраку, а там они уже будут в руках Тохтамыша, так как Симсим в вассальной зависимости от Золотой Орды.

– Знаешь, где именно Едигей? – Тимур не может не верить этой информации.

– Точно не знаю, – признается Тума и тут же описывает окрестности. – А если бы и знал, это вам не поможет: у горцев сигнальная связь с горы на гору – барабаны, рожки, огни факелов по ночам. Пока ваша рать будет пробираться по одному ущелью, пленников перекинут в другое.

– Да, тут силой не возьмешь, – вслух думает Тимур и взбадривает самого себя. – Думай, башка, думай! – это у него лучше всего получается за шахматной доской, для чего опять зовут Моллу Несарта. Скрывая под прищуром презрительный взгляд, он по-отечески обнимает пришельца, цедя сквозь зубы: – Ты по совести поступил и будешь благословлен и Богом, и мной, – подзывая визиря: – Оказать столь великому гостю царский прием.

– Я должен спешно возвращаться.

– Не-не, – любезен Тимур. – Семь дней в честь тебя будет той⁵³, – теперь сын Гайрака его заложник. – И не каким-то илемом ты будешь владеть, а всем Кавказом! Это говорю я – Властелин и Покоритель Вселенной! Ты это заслужил!

...В эту ночь Тимур почти не спал, а не заре отправил послов в столицу Грузии Тбилиси, а с ними сопроводительное письмо на имя католикоса⁵⁴ всех грузин. Вот давний след Пера: «Поелику⁵⁵ Блистательный и Блаженный, истинный помазанник Бога и Судьбы, мой духовный отец и наставник, благочестивый католикос всех грузин и всего Кавказа, мой верный друг патриарх... Всякое бывало между нами, видимо, так Бог испытывал наше терпение. Ныне же прими почести и дары мои, выслушай послов моих, дабы кровь людская на Кавказе более не проливалась...».

В Грузии Тимур не впервой, и его воины немало грабили и поджигали церкви и мечети, людей истребляли, однако духовенство щадили. И когда царь Грузии Георгий VII пред Повелителем, вроде бы принял ислам, присутствовавший здесь же католикос на это даже под угрозой казни не пошел. Эту смелость Тимур оценил, «опричь⁵⁶ католикоса, всех унизил». Позже по докладам знал, что в Грузии двоевластие. Теперь в Грузии как такового царя нет, есть множество князей, которые порознь мечтают трон занять, да на них у народа и церкви надежды нет. Лишь бравый витязь Тamarзо пред лицом очередного нашествия сильной волей подчинил себе все войска доблестных грузин, привлек на свою сторону многих горцев Кавказа, заручился поддержкой Тохтамыша, стал твердыней супротив врага, и посему католикос во имя родины в цари его прочит. А тут варвар, что вновь армией у ворот столицы стал, просит – значит, требует, чтобы азнаур Тamarзо к нему явился – разговор есть и мир подписать. Нежели не явится Тamarзо – осадит Тбилиси, всю Грузию с землей сровняет.

---

⁵³ Той (тюркск.) – пиршество.

⁵⁴ Католикос (греческ.) – титул главы (патриарха) грузинской православной церкви.

⁵⁵ Поелику (устар.) – потому что, так как.

⁵⁶ Опричь (устар.) – кроме.

Как явствует хроника того времени, созвал католикос епископов, священников, всех начальников царства Грузии и особо азнаура Тамарзо. Собрались они пред ним, а он публично призвал, чтобы сел Тамарзо на царский трон, на что тот учтиво отказался, и сели они все как равные пред Богом, родиной, народом и стали долго совет держать. Наконец Тамарзо отверз⁵⁷ уста свои и изрек:

– Слушайте меня. Господь Вседержитель и Владыка наш Иисус Христос и Святая Богородица, уделом коей мы являемся, и Почетный Крест, дарованный нам, ниспослали нам этот благодатный край, наш Кавказ! Ныне вновь на земли наши явился супостат и теперь зовет к себе меня. Мы знаем все о его бесчинствах и злодеяниях, сколько наших людей он предал гибели и в полон отдал. И я доподлинно знаю, ежели отправлюсь я к хромому Тимуру, он постарается убить меня. Однако и у нас есть удача Господня: в моих руках люди его, царственные особы. Их выторговать мечтает Хромец. А теперь мудростью вашею рассудите сие дело. Я думаю так: многобурна жизнь сия, непостоянна и преходяща, дни наши исчезнут, как сон, и непременно и скоро предстоит уход из мира сего. Какая польза в жизни моей, ежели из-за меня погибнет множество душ, а я из мира сего уйду, отягченный грузом грехов. Нынче я желаю предстать перед варваром и, да будет воля Божья, пусть казнят меня, лишь бы страну мою миновала беда.

Подивились все присутствующие этой речи и дали ответ:

– Азнаур Тамарзо! Ты достойный сын нашего народа. Но ты военачальник, и некем тебя заменить. Не позволим Тамерлану убить тебя, не отдадим тебя в жертву.

Выслушав это, Тамарзо сказал:

– Вы говорите из единодушия и любви ко мне, но мне жаль невинный народ, словно агнцы⁵⁸, обреченные на смерть, и нет ему утешения... Полчищ Тамерлана не сосчитать, столько стрел мы не изготовим... А может, и я договорюсь, в любом случае, положу душу мою за народ мой и не откажусь идти к Хромцу в стан, раз слово мира обещал он дать.

От этих слов все в изумлении встали, и заговорил католикос:

– Не верю я гяуру⁵⁹, да иного нет... Но коли ты положишь душу свою за народ, мы все как один, возложим на себя грехи твои и пред Господом свидетельствуем причислить тебя к святым... И ежели благо положить душу за одного ближнего, то сколько же пользы в спасении неисчислимых душ.⁶⁰

* * *

Зол Тимур, ох, как зол! И зол не на кого-нибудь, а на свое потомство. «Неужели, – думает он, – дети ничего не унаследуют от своих великих отцов?». А вот Чингисхану в этом плане повезло: до сих пор его потомки ему и всему миру противостоят. А что делают

⁵⁷ Отверз (устар.) – раскрыть, открыть.

⁵⁸ Агнцы (устар.) – ангелы.

⁵⁹ Гяур (тюркс.) – неверующий.

⁶⁰ Компиляция данной и последующих глав составлена на базе: Газали (ХПв.) «Наставления правителем», «Весы деяний». М. 2004; Грузинские хроники (Картлис Цховреба) «История Грузии». Свод трудов, составленных в XVIII в.; «Кодекс царицы Нины», изд.-во С. Каухгишвили (Тбилиси, 1942); Цулая Г. В. «Грузинский хронограф XIV в.», М., 1980; Армянская средневековая хроника. А., 1974; Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. СПб, 1884; Миллер В. Ф. Кавказские легенды. М., 1886; Успенский Ф. Н. «История Византийской империи». Т.5. М., 1998; Гуси, Мухаммед Насирэддин. Трактат о полном четырехстороннике (XIII в.), пер. с арабск. Баку, 1952; Хизриев Х. А. Кавказцы против Тимура. Грозный, 1992; Шихсайдов А. Р. Дагестан в X – XIV вв. Махачкала, 1975; Ру Ж.-П. Тамерлан. М., 2005; Сулейманов А. С. «Топонимия Чечено-Ингушетии». Грозный, 1997; Вейс Г. «Истории цивилизаций». М., 1998; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950; Довлетов К. С. О происхождении образа Ходжи Насреддина. Томск, 1962; Двадцать три Насреддина. М., АН СССР, Институт Востоковедения. М., 1978; Анекдоты Моллы Насреддина, АН Азербайджана. Баку, 1958; Чеченский фольклор. Грозный, 1964; Ахмадов Я. З. История Чечни. М., 2004, и др.

его сыновья? Вот, младший сын Шахрух (он оставлен в Самарканде править), прислал отчет, и там, помимо прочего, как доблесть, сообщает: «Со стороны Индии прибыли купцы, а с ними жемчуг, яхонт⁶¹ и золото, и я купил у них в счет налогов в казну драгоценностей на сумму сто тысяч. И тут же нашел другого купца из Персии и с большой выгодой для нас продал, так что казна значительно пополнилась».

Разозленный Тимур незамедлительно послал ответ: «Сто тысяч, помноженные на сто тысяч, и подобное этому не имеют для нас никакого значения, и мы не желаем связываться с этим. Если мы будем заниматься торговлей, то кто будет править и воевать? Посмотри же, о глупец, на себя и не повторяй больше таких речей и не примешивай к нашим деньгам ни единой монетки от прибыли торговли, ибо это принижает достоинство правителя, унижает его имя, оскорбляет его положение и образ и вредит его известности и славе при жизни и после смерти».

Шахрух был его младший, любимый сын. И в иное время Тимур стерпел бы такое повествование, да все познается в сравнении. Прибыл в его стан грузинский азнаур Тamarzo – вот чей отец сына родил!

Вначале Тимур издали, тайком посмотрел, как грузинский военачальник прибыл. С кавказцами он знаком давно. Помнит, как к нему не раз наезжал покойный царь Грузии Георгий VII в сопровождении огромной пышной свиты. И словно являлись не на поклон, а свататься или пировать: все разнаряженные на монгольско-византийский манер, толстые, важные, вежливо-угодливые, и подарков навезли, чуть ли не караван, исполняли все, что Тимуру угодно, вплоть до перемены веры. А вот теперь к нему явилось новое поколение Грузии в лице двух ее представителей. На первый взгляд, нет в них особого лоска, блеска, величия, нет на них сибирских мехов, китайского шелка и всяких драгоценных безделиц. Но есть в них природная стать, которая сразу бросается в глаза. На старшем (это совсем молодой человек) холщовая шуба, подбитая мехом горного тура. Второй совсем юн, на нем лишь белая овечья бурка. Зато кони под стать всадникам: стройные, норовистые, уздечки и седла – все в серебре, как и оружие всадников, отменно блестят.

К вечеру всех гостей стана – важных иноземцев, добывающихся аудиенции Повелителя мира, – выстроили в ряд, по значимости страны или характера встречи. Кавказцы оказались последними.

Все становились на колени, подобострастно целовали край царственного ковра и ждали, что скажет Тимур, пока их визирь представляет. Наконец дошла очередь грузин. Хотя им и объяснили порядок Тимурова стана, они дерзко ступили на край роскошного ковра, лишь головы обнажили, слегка поклонились и тут же выпрямились во всю богатырскую стать.

– Мы чтим гостей, – резок голос Повелителя, – но и они должны уважать этикет моего двора.

Скорее всего, азнаур Тamarzo владеет и другими диалектами, но в данный момент он хочет подчеркнуть значимость и культуру родного языка, отвечает через переводчика на грузинском:

– Великий Эмир, на Кавказе нас с детства учат: гость – святое. И если бы ты принимал меня в Самарканде, я был бы гость. Однако под нашими ногами древняя земля Грузии. Она была, есть и будет грузинской! – алым румянцем зарделось его мужественное лицо, а в голубых глазах блеск жизни, вызова, силы.

Сын Тимура Мираншах и внуки – Мухаммед-Султан и Пир-Мухаммед, что сидели на ковре справа от трона, от этой дерзости чуть не рванулись вперед, готовые изрубить наглеца. Но Тимур их жестом остановил, невольно, оценивающе посмотрел на свое потомство.

---

⁶¹ Яхонт (греческ.) – рубины и сапфиры.

В их узких глазах тоже блеск, но другой – блеск хищника, блеск смерти. И Тимур не столько с ненавистью, сколько с завистью снова посмотрел на азнаура-богатыря и подумал: «Такой ко мне служить не пойдет, а воевать против такого будет не просто».

Пытаясь отойти от этих мыслей, Повелитель завел пространные речи о дружбе с грузинским царем и, вспомнив письмо Шахруха, как бы между прочим спросил:

– А сколько стоит мера зерна в Тбилиси?

– Я воин, а не торговец, – краток Тамарзо.

Тимур понимает, что пустые слова и льстивая похвальба здесь не помогут. По велению Повелителя, все, даже сын и внуки, удаляются, просят уйти и сопровождающего Тамарзо спутника.

– Это мой лучший друг, побратим Малцаг, – тверд Тамарзо, – от него секретов нет.

– Разговор – один на один, – настаивает Тимур.

– Разве ты один? – непреклонен кавказец. – Твой визирь, переводчик, охрана.

– Кхе-кхе, – кашлянул Тимур и, кряхтя, тяжело спустился с трона и, желая побыстрее закончить, сразу же перешел к делу – за Едигея и его людей предложил огромный выкуп.

– Мое богатство – свобода Грузии, – сходу отmel Тамарзо всякий торг.

– Чего ты хочешь? – удивлен Повелитель.

– Я твоих людей отдаю – ты с наших земель навсегда уходишь, – жестко глядит на Тимура кавказский предводитель. – И подтверждение тому – письменная грамота.

– Хорошо, – согласен Тимур, – но мне нужен залог.

– Я оставлю закладную.

– Нет, – не согласен Повелитель. – В твоих руках не бумага, а люди. Ты с побратимом останешься при стане, пока Едигей не прибудет.

Неискушенный Тамарзо, может быть, и поддался бы на эту уловку, да католикос всех грузин, с которым при помощи гонцов согласовывались все условия сделки, настоял на обмене людьми вне стана Тимура.

Хоть Повелитель и заполучил Едигея и важных особ, все равно не рад: улизнул Тамарзо из его лап. И, пытаясь его вернуть, он отправляет в Тбилиси послов, мол, прежде чем покинуть с миром Кавказ, хочет дать роскошный обед в честь «нерушимой дружбы».

В Тбилиси с радушием приняли послов, поблагодарили, но ответили, что Тамарзо по важным причинам прибыть не сможет. Да Тимуру всегда сопутствовала удача: из Самарканда прибыл гонец – у Шахруха родился первенец, просят деда дать имя. Тимур несказанно рад этому событию и называет внука Улугбеком⁶². В честь такого события и своего возвращения на родину он устраивает богатый пир. Быть в дружбе и пренебречь таким событием по церемониалу грузины не могут.

Была уже зима, дни промозглые, хмурые, короткие. Прибыли Тамарзо и Малцаг только к вечеру, когда мир во мрак погрузился. Только там, где Повелитель, все в ярком свете, словно солнце здесь взошло – это негры-рабы всюду с факелами стоят. А предводителя Грузии, как царя, приветствуют, лично Тимур их встречает. И как сошли они со своих бравых коней, затрубили в фанфары венецианские артисты, забили в литавры искусные персы, тут же китайские умельцы устроили невиданный доселе кавказцами сказочный фейерверк.

В честь торжества на высоком холме спешно сооружен шатер в сто метров длиной и в три десятка метров шириной, покрытый бархатом и шелками и поддерживаемый тридцатиметровыми столбами, расписанными белой краской и золотом. Здесь П-образно установлены расписные столы, вдоль них добротные скамьи, а для Тимура – царственное

---

⁶² Улугбек Мухаммед Тарагай (1394—1449) – внук Тимура, государь-Тимурид, выдающийся ученый-математик, астроном, в Самарканде построил самую передовую для той эпохи обсерваторию и составил «Новые астрономические таблицы». Один из основоположников теории современной Солнечной системы. Видимо из-за этого был убит в результате заговора ближайшего духовенства.

кресло. Слева от себя он с почестями усадил сына мамлюкского султана – Фараджа, потом принца Византии Иоанна, далее послы и почетные люди из разных стран. Тamarzo и Малцаг оказались в самом конце. Справа от Тимура его сыновья – Омар-Шейх и Мираншах, внуки, визири, военачальники, старцы-мудрецы, среди которых и Молла Несарт. Лишь Едигея здесь нет, пока нельзя его представлять.

Великий эмир – ярый поборник ислама, однако сам любил выпить, пил много и подчиненных заставлял. Он первым поднял тост:

– За моего внука Улугбека! Дай Всевышний ему долгих лет жизни, во славу моего великого рода!

Потом начались хвалебные тосты за самого Повелителя, и слово дается по порядку, вначале тем, кто сидит рядом с тронem. Вокруг стола распоряжается главный виночерпий, и он указывает многочисленным стольникам, какие блюда нести, какие унести, кому и сколько чего налить.

– Айт! – вдруг громогласно произнес Тимур. Все разом умолкли, не смеют шелохнуться. – Что это, мой друг Тamarzo и его юный поборник совсем мало пьют, едят? А ведь это лучшее в мире грузинское вино!

– Благодарствую, Великий эмир, – согласно порядку встал азнаур. – Просто мы сидим в конце, но пьем и едим так же.

– У-у-у! – раздался недовольный гул в зале. Жестом Тимур его прекратил:

– Может, ты недоволен, что посадили тебя слишком далеко? – хочет Тимур слащаво говорить, да не выходит. – Но вы ведь так молоды.

– Великий эмир, – твердо отвечает Тamarzo, – ты как всегда прав. Мой друг Малцаг и вправду юн. Однако многие здесь, кто моложе меня, в почете сидят.

– У-у-у! – вновь Тимур их всех угомонил, а Тamarzo, как ни в чем не бывало, продолжил.

– Но, Эмир эмиров, я не в обиде, ибо на Кавказе так и заведено – гости на лучших местах, а хозяин земли у дверей. Как видно, Великий Тимур, ты наш обычай перед уходом усвоил.

– У-у-у! – еще раз громче загудел зал.

– Тихо! – стукнул кулаком Повелитель и, пытаясь изобразить улыбку. – Мой грузинский друг, конечно, прав. Выпьем за него! – он залпом осушил свой бокал, посмотрел, сделал ли то же самое Тamarzo и его напарник, и, ликуя, закричал. – Ура-а-а!.. Пейте, пейте! Если это сегодня грех, то я эту ответственность беру на себя!

– Пейте, пейте во имя Всевышнего. Пейте из любви к государю – Великому Эмиру. Пейте, дабы воздать ему честь!

– За Властелина мира! – вскочив, сказал тост визирь воды. Все встали, запрокинули головы.

– Сесть! – гневно приказал Тимур. – Что-то, я смотрю, за себя Тamarzo и его юный друг выпили до дна, а за меня лишь пригубили... Хе-хе, а по местному обычаю я тамада⁶³... Исправьтесь.

Словно этого ждали, около Тamarzo и Малцага появились стольники с большими турьими рогами, до краев наполненными вином.

– До дна, если чтите тамаду и свои традиции, – постановил Тимур.

Только кавказцы хотели поднести вино ко рту, как сидящий напротив Молла Несарт что-то произнес на непонятном языке.

– Что ты сказал? – возмутился Тимур.

---

⁶³ Тамада (груз.) – старшинство во время пира.

– О Повелитель, – Молла перешел на тюркский, – из таких турьих рогов, да за тебя – по-кавказски, негоже так пить, надо пустить кубки по кругу.

– А на каком языке ты говорил? – беспощаден тон Тимура.

– На нахском⁶⁴ – языке матери, из Тушетии.

– Так у нас есть владеющие этим языком, – он глянул в ряд почетных гостей. – Мухаммед, что Молла сказал?

Вскочил крепкий, смуглый моложавый мужчина:

– Он сказал – может, в рогах отравы.

– Ха-ха-ха! – злобно рассмеялся Тимур. – Шелудивый пес, за кого ты меня принимаешь? Пригрел змею... Ладно, – небрежно махнул он своей правой, едва сгибавшейся рукой в сторону Моллы, – в честь праздника – прощаю.

С этими словами он встал, хромя, подошел к кавказцам, молча из обоих рогов отпил по несколько глотков:

– Теперь вы, – не отрываясь, он зорко следил, как они, тяжело глотая, с трудом опустошили роги. – Вот так, – обнял он их, – вот теперь я верю, что мы друзья.

Уже явно захмелев, или делая вид, Тимур неровно вернулся на свое место и, не садясь:

– Теперь я хочу поднять тост за моего друга Мухаммеда, сына царя страны Симсим – Гайраха.

В это время Малцаг что-то выкрикнул.

– Ты, юнец, смеешь перебивать меня? – разгневался Тимур. – А ну, переведи, – обратился он к Молле Несарту.

– О Великий Тимур, извини мою оплошность, – коверкая тюркско-монгольский, заговорил Малцаг. – Я хотел лишь пояснить, – его голос уже слегка заплетался. – Если «Тимур» по-тюркски – «железо», то «Гайрах» по-нахски – «кремень», а этот, Тума, что значит: рожден от связи свободного человека и рабыни.

– Так у нас почти все так рождены, – засмеялся Повелитель.

– То-то и видно, – на нахском процедил Малцаг.

Это лишь Молла Несарт услышал.

– Молчи, – зашептал он.

Но Тимур этого, видимо, не заметил.

– А что, – спрашивал он у юнца, – у ваших мужчин нет гарема, наложниц? Иль одной обходитесь?

– У горцев один очаг, его хранительница одна – ценана⁶⁵.

– Хе-хе, – ухмыльнулся Тимур. – Ты еще юн, да чтобы знал, я тебе расскажу один из Ясов Чингисхана: «Никогда не имей дело с женщиной, которая еще не может родить, и той, которая уже не может родить». Понял?

– Я, Малцаг, из племени бацой⁶⁶ из Тушетии, и меня учили иным законам.

– Похвально. А что значит твое имя?

– Малцаг⁶⁷ – солнечный человек.

– Хе-хе, оно и видно – рыжий весь... А этот, – он указал на Тума, – и по обличью наш. Настоящий мужчина, принял истинную веру, дал я ему достойное имя Мухаммед и дарю вот это сокровище, – слуги уже вынесли статую в виде натурального ягненка, всю из чистого золота, а глаза – бриллианты сверкают. – И еще кое-что подарю, – он ему по-свойски морг-

⁶⁴ Нахский – язык чеченцев, ингушей, бацбийцев-тушинцев.

⁶⁵ Ценана (нахск. – ц1енана) – огонь-мать.

⁶⁶ Бацой (нахск.), б1а – войско, ц1ой – господня.

⁶⁷ Малцаг (нахск.), малх – солнце, саг – человек, мужчина.

нул. – Так выпьем же за верного Мухаммеда! – он залпом осушил свой золотой бокал, бросил его в стенку и заорал. – Танцы давай, танцы!

Тотчас появился оркестр: тростниковая флейта, цитра, тамбурин, барабан и ребека. Зазвучал плавный, медленный, чарующий турецкий мотив, под звуки которого будто из-под земли стали появляться нарядные танцоры – это крутящиеся дервиши, которые под все ускоряющийся ритм, запрокинув головы, стали крутиться так, что не только сами, но и многие стали впадать в состояние экстаза, крича при этом: «Нет Бога, кроме Истинного Бога! Нет Властелина, кроме Тимура!».

– О-о-о!!! – истошно завизжал Тимур, бросился в круг танцоров, тут, словно щедрый град, отовсюду посыпались золотые и серебряные монеты, драгоценные камни. – Берите, все берите. Я всегда щедр, – гремел он. – Весь мир мой! Еще золота, больше алмазов! Все на круг, так мы будем жить! Вечно! – А потом он неистово кричал: – Вина! Всем вина! – и уже, по-видимому, в крайней мере исступления дико завизжал. – Женщин сюда, девочек и мальчиков!

Крутящиеся дервиши моментально исчезли, и новый оркестр в сопровождении протяжного хора завел какую-то томящую, сладостно-успокаивающую индийскую мелодию. Под ее плавные звуки из-под полумрака сцены стали выплывать полуобнаженные грации, тут и юные, совсем тростиночки, и более зрелые и, словом, на любой вкус.

– Разбирайте, гуляйте, блаженствуйте! – бесновался Тимур.

Он сам криво гарцевал по сцене, пытаясь осчастливить каждую, и вдруг, внезапно остановившись, решительно двинулся в сторону Тamarзо. Музыка мгновенно прекратилась, стало зловеще тихо, напряженно.

– Этот-то еще молокосос, – небрежно махнул Тимур в сторону Малцага, – а ты что сидишь? – обратился он к Тamarзо. – Иль ни одна из моих красавиц тебе не по душе? Хе-хе, так я сегодня добр и особенно щедр... Есть кое-что, что тебя, я надеюсь, удивит и взволнует.

По взмаху его руки вновь полилась музыка, совсем иная, уже торжественная, словно вот-вот на опустевшей сцене появится царица. Так оно и было. Два толстых разодетых евнуха, нежно придерживая за руки, будто сокровище, ввели в центр зала высокую, ослепительно красивую юную девушку: смоляные волосы ниже пояса, под совсем прозрачной легкой вуалью угадываются все прелести ее тела, на высокой белоснежной шее ожерелье камней и под стать ему корона на голове. В ее бездонных темно-синих глазах полная отрешенность, даже надменность, взгляд в никуда, словно парит.

– Ха-ха! – в восторге хлопнул ладонями Тимур. – Сабук! – крикнул он своего военачальника. – Вот наш эликсир⁶⁸ жизни! Вот твоя мечта! Хочешь ее? Подарить?

– О-го-го! – будто взбешенный зверь зарычал Сабук, колотя себя в грудь.

– Тamarзо, – вновь Тимур встал над грузином, – а знаешь, как ее зовут?.. Хе-хе, это Шадома, дочь князя Атчароя.

– Дочь Атчароя? – в ужасе расширились глаза Тamarзо, он даже встал.

– Да-да, дочь твоего бывшего предводителя... Ты, наверное, желаешь ее?

– О Властелин! – взмолился Сабук, – подари на ночь, век служить тебе буду.

– В честь рождения внука – дарю! – вознес Тимур руки к небу. – О-о! Нет, погоди, Сабук... Азнаур Тamarзо, Шадома говорила, что она голубых кавказских кровей. Ты ведь тоже такой. Давай по-мужски. Сразись с этим похотливым вепрем... Да ты не бойся, он только с виду богатырь, а так – труха, старик, в деды тебе годится.

– Терпи, молчи, Тamarзо, – на грузинском завопил Молла Несарт. – Это подвох, а она уже не та дочь Атчароя.

⁶⁸ Эликсир (арабск.) – вытяжка из растений.

– Что он сказал? – обратился Тимур к переводчику и, не дожидаясь ответа, – Да он шут, а ты, Тамарзо, вольный человек, – и ускоряя процесс, – Сабук, ты готов сразиться за красоту?

– Э-э-х! – перешагивая через стол, бросился к центру зала военачальник.

– А ты, Тамарзо, гордый сын Кавказа, готов отстаивать честь юной горянки?

В начавшейся суматохе Молла Несарт уже был рядом с земляками.

– Тамарзо, сын мой, – умолял он, – не поддавайся на подстрекательство. Этот варвар все подстроил.

– Не волнуйся, отец, – внешне спокоен Тамарзо. – Я этого ожидал. Потому мало пил... Силы есть, я трезв, уж с этим чурбаном как-нибудь справлюсь.

– Берегись, что-то здесь не то, что-то не так, – почти плакал Несарт.

Все повалили на улицу.

– Драться на конях, оружие – любое, – ставил условие Повелитель. – Кто на коленях попросит пощады – останется в живых.

Для освещения зрелища повсюду огни факелов. Дует ночной ветер, идет мокрый снег, под ногами слякоть. В дальней стороне снаряжают Сабука, там много людей. Около Тамарзо лишь несчастные Малцаг и Молла Несарт, оба в слезах.

– Что вы меня оплакиваете? – крепится Тамарзо и видя, что они совсем упали духом, – Малцаг, утри и больше никогда в жизни не показывай врагу наши слезы... Если что, – он не закончил.

– Отомщу, – процедил Малцаг.

Наконец подвели коня Тамарзо. Тут же, уже верхом, появился Тимур.

– Славный у тебя жеребец, – любезен он. – Девочку забереешь, коня мне уступишь? – и, не ожидая ответа: – Ты его не убивай, так, вываляй в грязи малость. Хе-хе, потешимся немного и опять гулять!

– Тамарзо, брат, – словно нож в сердце, страдающе прошептал Малцаг на нахском. – С конем что-то не то, смотри, пена у рта.

– Родной конь – полпобеды. Отойдите все... Начинайте, – дал Повелитель команду.

Свесив наперед копыя, всадники ринулись навстречу друг другу и уже должны были сойтись в центре, как вдруг конь Тамарзо споткнулся, захрипел, как-то странно дернул головой, рухнул кувырком. Тамарзо изловчился, вскочил. Потеряв при падении не только легкий щит, но и копые, он уже доставал меч, но удар копыя противника все же опрокинул его. Он вновь попытался встать, но не успел отразить новый удар. Пытаясь подняться, Тамарзо уперся головой в землю, да так и застыл.

– Тамарзо, брат! – душераздирающий крик Малцага, он рванулся вперед, его схватили, скрутили.

Никто не двинулся с места, лишь Тимур поскакал к центру поляны, спешил.

– Хм, а говорили, голубая кровь, – он ткнул ногой изрубленное предплечье, откуда в такт сердцу бил фонтан. Тамарзо распластался на грязном снегу, запрокинув голову. – Ну, что? – склонился над ним Повелитель, – без руки поживешь, азнаур? – и, видя, как изо рта пошла кровь, сделал привычный знак Сабуку.

* * *

Еще двое суток продолжался этот пир – дикая оргия. Тимур занемог, но некогда – под его пятой империя, масса дел, с чего начать не знает. Как спасение, требует в первую очередь зачитать письмо Саида Бараки из Самарканда. И будто знал духовный наставник, следующее написал:

«Знай, о Великий Эмир, что брeнная жизнь и то, что накоплено людьми в миру из порочного ради наслаждения и удовольствия и будет предъявлено им на том свете, как это бывает с человеком, который переел жирной и сладкой пищи до такой степени, что его пищеварение расстроилось, и заболел желудок. Потом он осознал всю глубину своего позора по боли в желудке и неприятному запаху, исходящему из него, а также по большому количеству испражнений, и раскаялся после того, как прошло наслаждение, и остался один лишь стыд... Чем больше человек наслаждается земной жизнью, тем мучительнее будет его кончина. И этим же он будет наказан во время отнятия его души и выхода ее из тела, потому что каждый, у кого было много богатства – золота, серебра, рабов, рабынь – его мучения во время ухода души будут тяжелее, чем у того, кто не имел ничего, кроме малого. И воистину то, что мучение и наказание не проходят после смерти, а, наоборот, увеличиваются, потому что привязанность людей к земной жизни – свойство сердца, а сердце само по себе не умирает».

– О-о! – лежа на диване, стонал Тимур.

У него болит сердце, нестерпимо ноет все тело. Он кается, его мучает стыд. Пора бы самому задуматься о душе, пора грехи замаливать, да некогда. Надо решать государственные дела, а он не в состоянии думать. Но такое с Повелителем не в первый раз.

– Шахматы! – вот что мысли его в порядок приводит. – И этого строптивца Моллу Несарта сюда.

– Брошен в зиндан, – ответ визиря.

– Кто посмел, моего святошу?!

– Твой указ, тебе перечил.

– Хм, – этого Повелитель совсем не помнит и своих решений не меняет. Но тут особый случай: другого такого соперника нет. – Срочно Моллу ко мне.

В сырой и вонючей яме, под открытым небом, снегом и дождем за пару суток старый Молла совсем зачах. Да лекари Тимура знают свое дело: Моллу скорым образом отмыли, возбуждающим дурманом пропарили, каким-то зельем напоили, приодели, выставили пред Повелителем, и теперь, хмельной, он пуще прежнего осмелел, ставит свои условия:

– Выиграю – пощади, отпусти юнца – Малцага.

– Этого рыжего? А где он?

– В зиндане, со мной был.

– Хе, – призадумался Тимур. Он силится вспомнить, кое-что в памяти всплывает. – Согласен... Только играем по моим правилам, без контроля времени, а проиграешь – эта «солнечная» башка рядом с башкой братца окажется, – доволен он своим решением.

Как известно, в шахматах, изобретенных Тимуром, как и в его жизни, все грандиозно: в два раза больше, значит много ходов, и эта баталия может длиться и день, и два. За это время он будет делать все что угодно: и есть, и, если захочет, спать и решения принимать, а главное, правильно думать.

С первых же ходов напряжение. Вот это ему как раз необходимо, ведь он воин-боец, и лишь сражение его стихия. Играя в шахматы, он умеет одновременно принимать неординарные решения. И эта комбинация еще во время пира осуществлялась, а теперь ее продолжение – дипломатия!

Первыми приглашаются посол мамлюков Сирии и Египта и сын султана – Фарадж.

– Я сожалею, и в то же время очень рад, что волею судьбы мы так близко сошлись, – Тимур придерживается этикета, строг. – Верю, что меж нами впредь будет только мир и согласие – это в наших интересах: нужно обезопасить и склонить на свою сторону столь могущественную силу, как мамлюки. – Передай Высокочтимому отцу Великому султану Баркуку мои скромные дары. А это тебе и послу. – Дары, несомненно, баснословные. Это не столько откуп за плен, а более демонстрация его силы, богатства, щедрости.

Следом, уже не приглашаются, а вызываются посол Византии и другой пленник – принц Иоанн.

– Его Величество император Византии Мануил II, – отойдя от шахматного стола, властным голосом обращается Тимур к вошедшим, – просил меня, и я слово дал, что принц Иоанн более света Божьего не увидит. Я свое слово держу.

В те времена почти при всех дворах были мастера по ослеплению (а при Тимуре – это искусный уйгур), которые весьма быстро справлялись с этим почти что повседневным делом.

– Вот, передайте императору мой обещанный дар, – на золотом подносе два светло-карих глаза. – И пусть в порту Константинополя поднимут, как представительство, мой туг⁶⁹, и впредь ту дань, что платят самозванцу Баязиду, выдавать мне.

Затем очередь посла того же Баязида:

– Султан Османов Баязид – прославленный полководец, и я горжусь, что мы с ним одних тюркских кровей. Мир велик, так что есть где ему, а где мне миром править. Просьбу султана я уважил: вот ему Иоанн, как и было обещано, живой. А что без глаз – на чужую власть зариться не надо, всем заговорщикам урок... Хе-хе, а чтобы султан особо о слепце не печалился – шахиншахский дар – весь мир знает, что Баязид питает слабость к красивым женщинам, коллекционирует в своем гареме – Шадому отдаю.

В тот же миг Сабук бросается на колени:

– О Великий Властелин, Шадому ты мне подарил, не разлучай, люблю!

– Ха-ха, что значит «люблю»?! Любить надо Бога и меня. Ты за меня жизнь отдашь? Вижу, что отдашь. А какую-то девчонку не уступишь?.. Идем на Кавказ, здесь таких – здоровья не хватает.

Следующий на очереди – посол Золотой Орды. При его появлении Тимур двинулся навстречу.

– Передай Великому хану Тохтамышу мои сожаления, – усыпляет он бдительность врага. – Это все коварный Едигей и его брат Иса-бек натворили. С ними я разберусь. А хана, как чингисида, как сына, люблю, ценю и уважаю. Вот ему от меня дары в знак искренности моих чувств. В добрый путь!

Вслед за ним перед Повелителем предстал посол Грузии.

Тимур вновь восседает на троне, тон его властен и груб:

– В течение трех дней выдать мне всю положенную дань, не то сотру все с лица земли, всех в полон угоню.

– Позвольте, о Великий Эмир! – в три погибели согнулся посол, – ведь ты грамоту дал.

– А кому я грамоту дал?

– Азнауру Тамарзо.

– Хе-хе, ты видел башку Тамарзо? Вот если она воскреснет, то я данное ему слово сдержу. Вон! Исполнять!

От этих встреч Тимур изрядно устал, но настроение у него приподнятое. Да приемы надо закончить.

– Теперь, где этот сыночек царя страны Симсим? – и пока его доставляют, он обращается к Молле Несарту, – как этого ублюдка зовут?.. А-а, Тума, – тот уже в зале, целует край ковра. – Иди сюда, иди, мой родной Мухаммед, – Повелитель его по-отечески обнимает. – Приняв истинную веру, ты даже лицом похорошел. Молодец! А как тебе мой подарок? Береги золотого ягненка из Багдада, ему более тысячи лет.

– Да благословит Бог твой щедрый закат⁷⁰, – доволен Мухаммед.

---

⁶⁹ Туг (монг.) – знамя.

⁷⁰ Закат (арабск.) – милостыня – один из пяти священных столпов («рух») ислама.

– Это не все. Еще получишь дары, ты ведь будущий правитель всего Кавказа, – при этом он отводит его от шахматного стола, шепотом, – направляйся на Северный Кавказ, готовь почву для нашего наступления. Всех призывай в нашу веру, под мои знамена, расскажи, как я щедр, силен и справедлив, в отличие от этого выродка Тохтамыша. Для этого у тебя будут деньги, люди, оружие... В бой, под знамена веры!

Следующим вызывается Едигей:

– О-о! Идиго! Славно сослужил, славно... Идем на Тохтамыша! Ты в авангарде войск... Твой брат Иса-бек не подведет?

– Повелитель, есть закладная. А мы, мангыты, люди слова и чести.

– Верю, доказал.

– Золотая Орда – моя?

– Твоя... Только не забудь, половина барыша⁷¹ моя.

После всех встреч Тимур дал знак обедать. Тут же возле шахматного стола накрыли и обеденный. Блюд не сосчитать, но Повелитель, по традиции кочевника, налегал в основном на молодую конину, запивая кумысом.

– Ешь, Несарт, не стесняйся, где ты еще такой еды попробуешь? Так... А на что мы играем?

– Юноша, Малцаг.

– Ах, да, ... Но башки ему не видать... Шах!

– Мат! – ответил Молла Несарт.

– М-да, – после раздумья ответил Тимур, – за болтовней не уследил... Но я слово держу. Пойдем освобождать, заодно и я проветрюсь... Коней!

Солнечный день шел к закату. Был легкий мороз. С севера, с кавказских гор дул холодный ветер. Всюду снег, бело, лишь Кура змейкой уходит, да лес вдоль нее и сад с виноградником темнеют.

Тимур лихо сел на подведенного гнедого коня, с насмешкой смотрит, как то же самое пытается сделать и Молла Несарт. Однако конь норовист, и Молла не может даже до стремена больную ногу поднять.

– Ах ты, бедняга! – сердоболен Тимур. – Может, тебе осла подарить? Хе-хе, а может, денег? А хочешь, вот ту отару овец или тот сад с виноградником?

– Дай денег, – в тон ему ответил Молла Несарт, – да столько, чтобы я их уложил в кушак⁷², сел на подаренного тобой осла, погнал перед собой пожалованных овец в дарованный тобой сад, чтобы там прожил остаток дней в благоденствии, не видя тебя.

– Ха-ха-ха! Ну наглец, ну старый хрыч! Благодарю Бога, что я сегодня в хорошем настроении.

– Буду вечно благодарить, если Малцага отпустишь.

– Ну-ну, слово – святое! А осел тебе подходит, заслужил.

Молла Несарт на все согласен, осел и впрямь сподручней. Проскакали они верхом по чистому, заснеженному, наклонному к реке полю на довольно приличное расстояние.

Тимур обожает всякие зрелища, сам их организует. Здесь, у самой реки, на развилке каменного моста, что к Тбилиси ведет, сооружено из снега подобие постамента. На его вершине, чтобы все видели, голова азнаура Тамарзо. Сюда же притащили измочаленного Малцага.

– Гм, был солнечным джигитом – стал мокрой курицей, – выдал Тимур. – Да я сегодня щедр. Башку брата дарю и прочь с моих глаз.

---

⁷¹ Барыш (тюркс.) – мир, соглашение, т.е. выгода.

⁷² Кушак (тюркс.) – широкий пояс-сумка.

Словно пьяный, на перебитых ногах, Малцаг медленно подошел к постаменту и, упав на колени, горько зарыдал.

– Бери голову, захорони. У-хо-ди! – на нахском закричал Молла.

В страхе, отворачивая лицо, Малцаг снял голову, трепетно держа ее в руках, направился к реке. Вдруг повернулся, что-то на родном, сквозь рыдания, произнес.

– Что он сказал? – спросил Тимур у Моллы.

Несарт молчал, но после настоятельного требования ответил:

– Обещал, что и твоя башка будет так же в снегах стоять, ... вечно.

– Гм, – совсем сузились губы Повелителя, – ну и неблагоприятные же вы все, гады, кавказцы. А чьи головы полетят, вскоре увидишь. Сегодня я устал – такую комбинацию прокрутил, заслужил покой.

Но покоя не получилось. Тимур у опять приснился ужасный сон: вновь среди ночи стан в огнях, вновь подняли придворных мудрецов, ясновидящих и шейхов, вновь Повелитель их гонит, называя тупицами и льстецами. Призвал Моллу Несарта.

– О-о! – обеими руками Тимур сжимает полысевшую голову. – Было страшно... Объясни, Молла, что есть сон, что есть смерть?

– Сон – легкая смерть, а смерть – глубокий сон, – бесстрастен голос Несарта.

– О-о! – глубоко и скорбно вздохнул Повелитель. – Молла, я знаю, ты не лстец, как думаешь, когда покину этот бранный мир, где будет мое место, в раю или в аду?

– Хм... Ты погубил столько невинных людей, что, думаю, рай их душами уже переполнен. Наверное, для тебя места там не осталось. Но ты, Повелитель, не огорчайся, водрузишь себе трон на самом почетном месте, ... в преисподней.

– О-о! Издеваешься! – Тимур от боли жалок. – Неужели рай так мал?!

– Рай не мал, просто бедных и несчастных на земле гораздо больше, чем богатых и могущественных.

– Хватит болтать!.. Сон растолкуй.

– Повелитель, я не Харут и Марут⁷³, но ты сон расскажи.

– О-о! Не впервой, не впервой я этот страшный сон вижу... Свирепый север в снегах лют, а я на постаменте. Народ тамошний мной любуется, с трепетом прикасается, порой гладит по голове, а я рыдаю, покоя прошу.

– Ну, ты ведь на постаменте, – съязвил Несарт.

– Молчи! В зиндан, сгноить!

Моллу Несарта схватили, потащили, а он изо всех сил кричит:

– Зато ты не сгниешь! И по жизни везет, видишь... вещие сны, Тамерлан!

---

⁷³ Харут и Марут – великие маги и колдуны, упомянутые в Коране. Аллах покарал их за то, что они были колдунами, обманывали людей.

Часть II

На отвесно-высоком правом берегу реки, там, где быстрая, горная Мартанка впадает в мутную Сунжу, раскинулся большой, светлым камнем вымощенный, древний город Магас – столица страны Симсим и всей кавказской Алании.

Многоликий и многоголосый Магас пережил не один период расцвета и упадка. Захватчики-варвары то с севера, то с юга не раз зарились на его закрома – закрома не хилые, обильные. Ведь Бог этому краю дал почти все: климат мягкий, умеренный; почвы тучные, гумусные – обильный чернозем, так что жир земли черной лавой сам собой в изобилии изпод трещин вытекает, огонь поднесешь – никогда не потушишь... И к этому природному изобилию такой же многоязычный трудолюбивый местный народ, кто кавказцами зовется. Правда, не все так гладко, ибо, как явствует след Пера иностранных историков-современников: «в Алании сколько диалектов, столько и местечек, сколько местечек, столько и местных князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянно война и распри князя с князем, местечка с местечком».

Однако в последнее время аланские князья перед лицом внешней агрессии пытаются объединиться. Чувствуется, что время наступает очень тяжелое. И мало, что почти вся Алания, за исключением горных районов, находится под игом монголов Золотой Орды; так с ними, вроде, уже сжились, откупаются посильным образом, обычно натурой поставляя в Сарай дань. А тут новая угроза, уже с юга: Грузия, Армения и Азербайджан вновь покорены, жестокий тиран – хромой Тимур – рвется на северные просторы, к солнечной Алании и Золотой Орде.

А в самом Магасе только и говорят, что, разорив Грузию, войска Тимура уже дошли до верховьев Терека и с помощью подкупленных предателей-проводников добрались до Дарьяльского ущелья. Хроника того времени гласит: «Прибыло войск Тимура столько, что не могли вместить теснины ущелья, спешили. И спустились им навстречу горцы и стали метать стрелы, затем обнажили сабли. И не могло напасть одновременно все войско, и повернули передовые воины Тимура, ибо убиты были многие из них. И ушло все войско».

Это лишь сухие строки придворного историка Тимура. И хотя в них почти что все правда, в самом Магасе об этом бое слух иной шел. И может, преувеличений и не мало, но суть легенды, дошедшей до нас, такова. Некто Малцаг, дерзкий, смелый молодой человек, по воле судьбы уже побывавший в лапах самого косоногого Тимура, потеряв от его коварства друга-побратима, поклялся отомстить Хромцу. Собрал вокруг себя немногочисленную, но боеспособную дружину и всякими способами начал нападать на воинов-захватчиков. В одну из зимних ночей Малцаг смог внезапно разбить многочисленную охрану Тимура и даже ворвался в его личный шатер. Но не судьба – Повелителя мира там не оказалось, потому что он в это время находился в завоеванном Тбилиси и, наверное, поэтому лагерь не так тщательно охранялся.

Словом, как утверждали кавказцы, хромому Тимуру в очередной раз просто повезло, а Малцаг, разгромив стан самого Повелителя, заимел доблестное имя и славу, а вместе с этим богатую добычу и заложников. Среди них оказались старец Молла Несарт, что был почти что при смерти, и сказочно-красивая гурия по имени Шадом, которую храбрый Малцаг присвоил лично себе, нарекая то ли принцессой, то ли спутницей. В общем, не жена, не наложница, а, как часто в мифах бывает, романтическая любовь под конец побеждает. Да, это в мифах, а земной жизни конца нет, как и счастья, в круговороте времени все вращается... А историческая реальность такова, что не мог какой-то «мальчишка», как его назвал Тимур, с полутысячной конницей отчаянных горцев противостоять двухсоттысячной армии Повелителя.

И если бы не горы и леса, давно бы Малцага изловили, а пока идет его поиск, преследуют по пятам, и он достойно противостоит.

И может, правда, а может, нет, да говорят, где-то в Алазанской долине на рассвете сошлись лоб в лоб отряд Малцага и небольшой разведывательный отряд Тимура. И выхватил юный, соколиный глаз Малцага в рядах врага кряжистого полководца Сабука, рукой которого и был обезглавлен азнаур Тамарзо.

Закричал во весь свой созревающий, высокий голос Малцаг, эхо гор разнесло его клич – звал он теперь на честный поединок, один на один, закаленного воина Сабука.

Тюрко-монголы совсем не трусы, и это в традициях времени, чтобы сильнейшие бохатуры⁷⁴ перед боем сошлись, померились силами, воодушевили бы своих воинов.

Друг детства и ровесник Тимура, закаленный в боях Сабук, без колебаний вызвался на поединок, тем более что у него личный счет к Малцагу. Его любимую красавицу Шадому Тимур, вопреки просьбам, подарил Османскому султану Баязиду Молниеносному. А Сабук тайком, за большие деньги, выкупил вожделенную обольстительницу у султановых послов, отослав в Анкару другую наложницу. Тимуру об этом доложили. Сабуку он пригрозил, а Шадому с удовольствием вернул в свой гарем. И оттуда, вроде бы никому не доступного места, ее увели. И вновь Сабуку представилась возможность ее отвоевать, сразившись с «мальчишкой» Малцагом. Однако командир передового отряда не он, а рослый, смелый Мухаммед-Султан. О грезах Сабука Мухаммед-Султан не ведает, а посылать на поединок старика тоже опасно. Сам Мухаммед-Султан вызывается на поединок, тем более что лично хочет к ногам Великого деда башку «мальчишки-босяка» швырнуть.

В каменистой пойме реки стали воинские дружины друг против друга. Хоть и зима, а день в Закавказском предгорье теплый, солнечный. Многочисленные и изощренные в боях воины Тимура заняли более благоприятные позиции. Горцы, как всегда, понадеялись на свою удаль и лихачество.

Вот, выехали на середину два молодых воина, застыли на мгновение, сверля друг друга ненавидящим взглядом, и, словно по команде, одновременно ринулись навстречу друг другу.

Из-под копыт резвых коней полетели камни, заскрежетали копыта о щиты. Когда обломались копыта, отважные воины спешили и заблестели сабли в солнечных лучах. Как гласит народная мудрость, какой бы ни был сильный петух, не одолеет он петуха в чужом курятнике... Под неистовым натиском Малцага не выстоял кичливый Мухаммед-Султан, меч обронил, на колени пал, в предсмертном ужасе закрыл голову руками.

А разъяренный Малцаг, предвкушая упоение мечью, двумя руками вознес высоко меч и крикнул:

– За брата Тамарзо! – и в тот же миг просвистели в воздухе арканы, потащили Малцага к тюркским рядам.

Ринулись на выручку предводителя горцы. Завязался жестокий бой. И тут подоспел к полю боя сам Тимур с несметным полчищем.

Многие кавказцы полегли, многих захватили в плен, мало кому удалось спастись в горах. А любимый внук Мухаммед-Султан бросил к ногам деда живого Малцага. Пред такой удачей Повелитель мира спешил, пнул поверженного горца и грозно спросил:

– Куда дел старика, Моллу Несарта?

– А Шадома где? – не сдержался полководец Сабук.

Где правда, а где вымысел, даже Перо не ведает, да народное сказание гласит, будто из-под земли вдруг, откуда ни возьмись, на ближайшей опушке появился Молла Несарт, закричав, махнул рукой, двинулся прямо к Тимуру.

– Хвала Повелителю, – почтительно склонился Молла. – Долгих лет здравствовать!

⁷⁴ Бохатур (тюрк.) – богатырь.

– Ты как всегда вовремя, – сухо отвечал ему Тимур. – Казнь строптивного – блаженное зрелище.

– О Повелитель, – развел руками Несарт. – зачем тебе эта жертва?

– Он – враг.

– Нет, не враг, а противник... И подумай, о Властелин, если ты сегодня истребишь таких юнцов, с кем ты будешь воевать лет через тридцать.

– И тогда я буду воевать? – смягчился голос Тимура.

– Ты вечен! – постановил Несарт и вкрадчивым голосом, – Лучше сразимся в шахматы.

– Ух! – издал Тимур, – истосковался, ...нет соперника.

– На него, – указал старик на Малцага.

– Стол сюда! – сумасшедший азарт игры с достойным соперником уже давно довлел над Тимуром.

Результат игры очевиден, ибо вновь в горах Кавказа объявился Малцаг, его образ теперь стал героико-мифическим, и он опять сколотил вокруг себя боееспособную рать. Не в открытом бою, а неожиданными выпадами снова затерзал он войска Тимура. Главную ставку обосновал в самом Дарьяльском ущелье, так что этот путь для войск Тимура стал непроходимым. И тогда Великий эмир обратился к излюбленным ухищрениям.

Вокруг Малцага люди отчаянные, да по языку, нравам и целям – разношерстные. А, как известно, у Тимура богатств не счесть, значит, везде свои агенты есть. Подкупил он, кого смог, из ближайшего окружения Малцага. А сам Малцаг то ли поднаторел в жестокости, то ли в конце разнуждался: захватил он богатый гостиный двор, что стоял на высокогорном перевале торгового пути, и расположился в нем. А этот дом, как строили тогда в горах, небольшой, с толстыми каменными стенами, одна дверь, что накрепко изнутри закрывается, и со всех сторон по узкому окну, словно бойницы.

И вот в одну зимнюю темную ночь, когда в высокогорье разгулялась свирепая пурга, так что ничего не видно и не слышно, ублаженный прелестями красавицы Шадомы, под вой стихии, молодой богатырь спал мертвецким сном и не слышал, как снаружи кто-то осторожно подпирает дверь. Вот последнее усилие и они вломятся. А в это время Шадома не спит, о своей горестной судьбе думает.

Молодой Малцаг с первого взгляда был очарован наложницей Тимура, и когда проник в стан врага, первым делом бросился ее искать. После освобождения Шадома еще несколько дней пребывала в опьяняющем дурмане, почти беспомысленности, а когда очнулась, горько зарыдала и стала умолять Малцага отвести ее в родной дом. Как это ни было опасно, а Малцаг решил спасти свою девушку, повез ее в самое сердце захваченной Грузии. Замка Шадома, ее родительского очага, уже нет – одни руины. И близких никого нет, а те, что остались, с презрением отвернулись, потому что слух до них дошел: она – желанная наложница хромого Тимура, и уже не княжна, а рабыня.

Глухо, сдавленно зарыдала Шадома, упала на колени, склонив голову, но та земля, по которой отец ее носил на руках, где мать, ласково напевая, заплетала ей толстые косы, где братья ее берегли и лелеяли, теперь была сырой, холодной, чужой. И впервые она пожалела, что ее не убили. А может, самой на себя руки наложить? Тогда в ад попадет и в загробной жизни родных не увидит. Так что же делать? Как же дальше жить? Неужто она действительно отныне рабыня?.. И в это время сильные спасительные руки оторвали ее от отторгающей земли, и жаркий, с горским акцентом голос Малцага над ухом:

– Будь навечно моей, царицей!

Царица – не царица, а условия далеки от гаремных, по-горски суровые: всегда на коне, в походе, и она уже сама участвовала в бою и так привязалась к этому бесшабашному, дерзкому, почти что демоническому молодому человеку, что теперь и жизни без него не представляет, а тут, сквозь вой пурги в диких горах, кто-то в дверь среди ночи пробирается.

Растормошила Шадома богатыря, и пока он, обнажив кинжал, соображал, что случилось, она, как свирепая кошка, с криком бросилась навстречу вломившемуся предателю. И пока в дверном проеме завязалась какая-то кутерьма, не раз битый Малцаг воспользовался ходом, о котором он уже думал. Подпрыгнув, он ухватился за деревянную балку и, подтягиваясь, ногами выбил каменистый настил крыши. Вряд ли в этот момент он думал о своей царице. Правда, сторону побезопасней и со снежком он точно высматривал и резво бросился кубарем вниз. Через несколько дней Малцаг объявился на другой, северной стороне Кавказа, в стольном городе Магасе. Никто даже не подозревал, что удалой Малцаг, под которым конь лихой, оружие серебром да золотом блестит, а одежда, хоть и куцеватая на его покатых плечах, все равно роскошная; всего неделю назад, бросив на произвол судьбы любимую Шадому, бежал от своих же соратников-предателей.

И теперь рядом с ним всего десятка два ратников, на вид – дикие, обросшие горцы-головорезы, так что их и в ворота города не хотели впускать. Да имя Малцаг на Кавказе уже гремит, с самим Тимуром, и не раз, встречался, оружие скрестил и даже, пусть в эпизоде, да одолел. Сам правитель Магаса и страны Симсим Гайрах посчитал за честь молодого воина, закавказского соплеменника, как почетного гостя принять.

Малцаг еще молод, но, всюду сопровождая азнаура Тамарзо, уже побывал во многих странах и городах. Конечно же, Магас – не Константинополь, но Тбилиси, Карсу, а тем более Мцхете, он мало чем уступает. Малцаг представлял совсем иное: он помнил рассказ деда о том, как прадед еще полтора столетия назад откликнулся на зов северных соплеменников и со своей дружиной направился защищать земляков от монгольских завоевателей.

Это случилось зимой 1238—1239 годов, когда внуки Чингисхана: Гаюк-хан, Менгухан, Кадан и правнук Бури со своими несметными туменами окружили хорошо укрепленную столицу Алании – город Магас. Город долго не могли взять. Не помогали и стенобитные орудия. После долгой осады, продолжавшейся более трех месяцев, столица с помощью переметнувшихся на сторону пришельцев некоторых аланских феодалов (в частности, некоего Матарши), была взята и полностью разрушена. (О том, какое значение имел этот город для завоевателей говорит хотя бы тот факт, что из всех намеченных для покорения и разрушения городов Восточной Европы и Кавказа в китайской и монгольской хрониках упомянуты лишь Киев и Магас.)

Теперь же, по мнению Малцага, Магас должен был представлять собой жалкий городишко. Однако к концу XIV века город неузнаваемо изменился. В архитектуре и культуре здесь чувствовалось влияние православной Византии, отжившей свой век Хазарии, мусульманского Востока и даже далекого Китая. В самом центре – православная церковь, рядом золоченые купола мечети с парящими в небе минаретами. Отстроены синагога и буддийский храм.

Магас занимал исключительно выгодное стратегическое положение: контролировал проход между Каспийским и Черным морями. Он служил неким постом между Европой и Азией. Располагаясь на плодороднейших землях в живописных предгорьях Кавказа, Магас привлекал к себе многих людей и был средоточием красоты и роскоши.

Согласно золотоордынской исторической хронике подымного налога, в Магасе было около шести тысяч семей, три пятых из них – местные кавказцы. Однако многонациональность была главной отличительной чертой города. Кроме кавказцев, здесь проживали турки, персы, монголы, евреи, армяне, цыгане, а также в особом квартале венецианцы и генуэзцы, которые промышляли торговлей, в основном, людьми...

Как почетного гостя Малцага пригласили во дворец правителя. Сам дворец, или как его называли на хазарский манер «сераль», находился вдали от центра. За его высокими каменными стенами располагались главные учреждения, суды и апартаменты семьи правителя. Внутреннее пространство дворцового комплекса делилось на несколько секций с воро-

тами и стражей при каждой. В каждой секции несколько одноэтажных зданий, меж которых уютный дворик, сад и даже фонтан. Здесь же площадь собраний, где проводятся не только праздники и всякие торжества, но и спортивные соревнования, а также казнь преступников.

За территорией дворцового комплекса располагались общественные школы, больницы, библиотеки, бани, казармы, гостиницы и, в основном, деревянные, реже каменные жилые дома. Тут же огромный базар, торговые лавки, ремесленные мастерские, конюшни, столовые и, что удивительно, если, скажем, в городах Грузии имелись угольные склады, то в Магасе наряду с ними применяется жидкое топливо – это местная нефть.

Территория Магаса обширна, с севера и запада естественный рубеж – русла рек, с юга и востока город защищает высокая каменная стена и ров. За последнее время население увеличилось так, что и за городской стеной образовались пригородные поселки. Здесь же ипподром, скотный рынок, ткацкие, кожевенные и шерстопрядильные мастерские. А еще то, чего Малцаг в закавказских городах не видел – огромные крытые помещения, где хранится зерно для продажи.

Кавказцы – люди оседлые, живут в основном, за счет своего труда, на чужое не зарятся и свое берегут, а чтобы свое сберечь, надобно иметь воинов и оружие, для чего в местных горах добывают руду, есть и оружейные мастерские. Но что более всего поразило Малцага, так это то, что окна почти всех значимых сооружений застеклены. Когда-то вместе с завоевателями, монголами, сюда явились китайцы. Они-то и нашли сырье для производства стекла. Применив свою технологию, стали изготавливать не только лазурное стекло, но и цветную керамику, наладили обжиг кирпича. Благодаря этому, градостроительство процветает.

Местный правитель Гайрах уже в годах, но с виду крепкий, широкогрудый. Он – человек решительный, богатый, влиятельный, и лишь формально признает вассальную зависимость от Золотой Орды, правда, платит дань в Сарай. В соседних областях, где наряду с местными князьями, монгольскими ставленниками, управляют и следят за всем наместники Орды, гнет гораздо сильнее.

Для Магаса эти времена остались позади. Годы правления Гайраха и его отца – оккупантов-наместников в Алании нет, с ордынцами кое-как сжились, страна оживает, набирает силу, и тут другая напасть. В Азии появился новый деспот-завоеватель, какой-то хромец Тимур, он уже полмира покорил, многие народы истребил, сейчас – под самым боком, в Грузии, только горы Кавказа его от Алании отделяют. Это несметные полчища кочевников – более трехсот тысяч, и все – варвары-головорезы, о которых все говорят со страхом. Вот почему появление Малцага в Магасе стало столь желанным. Гайрах устроил в честь молодого человека прием.

Хотя Малцаг и гость, даже почетный, да, как по-кавказски положено, три дня и три ночи его потчевать не стали, слишком молод и не ко времени: враг у ворот надобно срочно собирать силы, чтобы противостоять врагу.

По зову Гайраха в Магас прибыл Баракан – хозяин страны Буриберди, что располагался в верховьях реки Кубань. Из городов Нижний и Верхний Джулат, расположенных, соответственно, у Пятигорска и реки Черек, прибыл предводитель Пулад.

Из западных областей Северного Кавказа, где проживали адыгейские племена, никто не появился. Во-первых, из-за того, что там после монгольско-тюркского нашествия начались межплеменные распри. А во-вторых, что не менее важно, от потомственного адыга, могущественного султана Египта и Сирии, получено послание: с Аланией, тем более с Золотой Ордой и ханом Тохтамышем, отношения не поддерживать, дань последнему не платить, ибо вскоре прибудет избавитель в лице истинно верующего Тимура.

Из Страны гор, что на востоке Северного Кавказа, где располагались шамхальство Казикухумское, нуцальство Аварское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасарское, эмир-рат Дербентский и султанат Цахурский, тоже никого не было, и, как свидетельствовала хро-

ника того периода, «зеркало согласия между правителями разбито было... И это разногласие было такого рода, что не обещало ничего хорошего и не давало надежды на согласие».

В такой ситуации правители земель Алании остались одни. Было ясно, что против столь многочисленной армии хромого Тимура они не смогут противостоять. Только Тохтамыш может противостоять захватчикам.

Для кавказцев что Тимур, что Тохтамыш – все одно – завоеватели, тюрко-монголы, кочевники-дикари. Однако и здесь нужен особый подход, ведь Тохтамыш, хоть и потомок великого Чингисхана, но Тимуром уже побит, и со стороны теперь видна нерешительность и даже трусоватость в его высказываниях, не говоря о действиях. Теперь всем известно, что Едигей вместе с Тимуром перехитрил его и, тем не менее, Тохтамыш не посмел не только наказать, но даже сместить брата Едигея с поста главнокомандующего армии.

В то же время сами ордынцы, хоть и завоеватели издалека, да за столетие совместной жизни уже во многом ассимилировались с местными, переженились, стали оседлыми, переняли их культуру, традиции, язык. В общем, с порядками ордынцев и с ними самими кавказцы уже сжились и, как говорится, из двух зол выбирают меньшее: правители Алании решили поддержать Тохтамыша. И как раз в это время из Золотой Орды прибыли гонцы: объявлена всеобщая мобилизация⁷⁵, и не так как ранее, с десяти молодых мужчин – один воин, а, по законам особого положения, с десяти мужчин – три воина, и не просто так, а при полном вооружении, будет смотр: это бравый конь, снаряжение, обмундирование. При отсутствии этих доспехов новобранец попадает в пехоту – это авангардный заградительный отряд, который первым идет в бой в качестве тарана и который первым принимает на себя всю мощь удара быстрой и тяжелой кавалерии неприятеля. Обычно в пехоту попадали выходцы из самых бедных семей. Некоторые семьи, желая хоть как-то обезопасить своих сыновей, шли на крайнее, но не редкое в те времена – продавали в рабство своих младших детей, чтобы купить коня и оружие новобранцу.

В Алании легальной работоторговли нет, а на черном платят мало. Поэтому через посредников вывозят собственных детей на запад, в земли адыгов, или еще лучше, в один из черноморских портов. Там этот процесс налажен и считается чуть ли не нормой. Здесь мальчик, если он крепкий и здоровый, приравнивается по цене к заезженному коню. Он будет заниматься самым тяжелым трудом, и, если выживет, с возрастом может получить или выкупить свободу, а может, и воином станет.

Возвращаясь к нашему повествованию, точнее, вновь в город Магас, отметим, что юный герой Малцаг во время призыва вдруг исчез вместе со своей обросшей дружиной, через некоторое время объявился и не просто так, а пригнал откуда-то рему⁷⁶ коней, роздал бедным новобранцам, стал еще большим кумиром. На этой волне, казалось бы, всеобщей популярности он ринулся к местной красавице Седе⁷⁷, прося ее стать пожизненной звездой. Она, быть может, и согласилась бы, да отец ее, человек в Магасе известный, богатый, смелых наверняка ценит, но дерзких воров-конокрадов, – нет. К своему удивлению, получил Малцаг родительский отказ. Тогда он обратился к самому правителю Гайраху, чтобы тот его сватом стал. И на сей раз почему-то отказ. Тогда решил Малцаг, как это принято у кавказцев, умыкнуть красавицу. Чуть ли не открыто стал вокруг богатого двора Седы со своей дружиной гарцевать. Да не тут-то было, выскочили братья девушки, чудом Малцаг ноги унес.

Правда, вскоре пошатнувшаяся было репутация Малцага в Магасе снова стала процветать, ходило множество слухов, и лишь одна девушка Седа считала, что знает правду. Втайне, через прислугу, она получила от Малцага письменное послание на нахском языке,

---

⁷⁵ Мобилизация (латинск.) – подвижный, призыв.

⁷⁶ Рема (чеченск.) – табун.

⁷⁷ Седа (чеченск.) – звезда.

где алфавит грузинский, в котором влюбленный сообщает, что был принят самим Тохтамышем, назначен командиром разведотряда, где сплошь земляки... И теперь, во главе огромной армии, он направляется в сторону крепости Дербент, миновав которую, попадет в Грузию, и там исполнится его клятва-желание – срубит он башку ненавистному хромцу по имени Тимур...

* * *

– Вот что значит святой человек! Вот что значит любимец Бога! – радостно кричал Великий эмир. – Видите, вместе с этим письмом, к нам явилось солнце и тепло!

Середина зимы. В последние две недели в Закавказье стояла сырая, промозглая погода. С Каспийского моря и из далекой Сибири доходил до субтропиков свирепый, пронизывающий ветер. От этой погоды у Тимура ныли больные суставы, он почти не мог ходить, все лежал, ноя, в своем шатре, никого не принимал. А тут весть от духовного наставника из Самарканда. Настроение Повелителя улучшилось.

– Читайте, читайте, – скомандовал Тимур. – Где этот писарь Арабшах⁷⁸?

«О Повелитель Мира! – писал Саид Бараки. – Справедливость правителя в течение одного дня лучше, чем поклонение Всевышнему в течение семидесяти лет... Ты – как исток реки, а остальные наместники – как ручьи. И если источник чист, ему не мешает мутность ручьев, но если он сам будет мутным, тогда ему не поможет их чистота... Сам береги веру в Бога и борись за распространение веры».

– Да-да, борюсь! Еще как борюсь! – взбодрился Тимур. – Этому Туме... Тьфу ты, моему нареченному сыну Мухаммеду, пошлите еще денег и поддержку.

Это реакция на еще одно сообщение, правда, пришедшее с севера. Оказывается, незаконный сын Гайраха оказался способным малым. На востоке Алании и в Дагестане он поднял такие антиордынские настроения, что Тимура там уже ждут, чуть ли не как спасителя.

Вдобавок к этому Тимур вроде бы преуспел и на дипломатическом поприще. Дабы выиграть время и усыпить бдительность Тохтамыша, он, под предлогом заключения мира, с большими дарами направил опытного посла Алмалыка, который был племянником жены хана Золотой Орды. Красноречивому послу удалось достичь поставленной цели: Тохтамыш был крайне любезен и тоже послал дары Великому эмиру.

К этому времени из Ирана и Самарканда прибыли резервные войска, и Тимур уже готовился провести предподходный смотр войск, как разведка донесла, что Тохтамыш миновал Дербентские ворота, маршем перешел реку Самур в однодневном переходе от стана Повелителя, и появились сведения, что авангардные части ордынцев кое-где вступили в боестолкновение, есть потери.

Говорят, от этого, вроде бы плохого сообщения, лицо Повелителя мира просияло:

– Видит Бог, я желал мира, – произнес он, прочитал молитву и крикнул. – Где этот астролог, старый плут?

Моллу Несарта в тот же момент доставили бы в шатер. Однако Тимур был в приподнятом настроении, и, пользуясь хорошей погодой, он решил прогуляться, посмотреть, как живет Молла, ибо ему доложили, что старик чудит, где-то выкупил какой-то странный прибор, днем и ночью в трубу глядит, какие-то записи и расчеты делает.

На вершине недалекого бугра, у самой реки, там, где снег уже растаял, а прошлогодний бурьян нежным ковром слегся, установил на треноге Молла Несарт какую-то штуковину. То

---

⁷⁸ Ибн Арабшах (приб. 1379—1450) – сирийский историк, умер в Каире. В юности был невольником-писцом при свите Тимура. Написал пропитанное злобой произведение о своем повелителе «Странности Судьбы в приключениях Тимура».

в нее глядит, то еще куда-то, в общем, всецело поглощен своим делом, и даже не заметил, как хромой Тимур подошел, благо, без охраны, по-стариковски поговорить хочет, и сходу упрек:

– Ах ты, старый обманщик. Чего стоят твои ложные прорицания?

– Ты о чем? – встрепенулся Молла.

– Ты ведь сказал, что Тохтамыш далеко, наступать не посмеет. А он уже рядом.

– Прости, Повелитель. Я ведь не астролог-предсказатель, а ученый-астроном.

– Зачем наврал?

– Ты настоял.

– Так ты ведь на неделю отпросился, мол, «поднимусь на гору, выше облаков, на созвездие гляну».

– Помилуй, мой Повелитель. Звезды предсказали, что Тохтамыш первым в бой не пойдет. Но что поделаться, если он такой подлый обманщик. Нет в нем веры, даже созвездие обманул.

– Хе-хе, а это точно, – стал доволен Тимур. – Только ты-то тоже врешь, в горы не ходил.

– О Повелитель мира! – развел руками Молла Несарт. – Ты действительно наместник Бога на Земле, потому все видишь... Был я в Мараге.

– Тебе мало, что твоего учителя-еретика Ширвани там повесили и сожгли, а тебя в пожизненный зиндан кинули?

– Ширвани был не еретик, а великий ученый, – тихо, но твердо вымолвил Молла.

– Так он говорят, утверждал, что Земля вокруг Солнца вращается, а Луна – вокруг Земли.

– Так оно и есть, – громче голос Несарта.

– Ты это мне, Посланнику Бога, говоришь?!

– Прости, Повелитель, но Бог так создал мир, и, если хочешь, я тебе это докажу с помощью своего прибора.

– Что это такое? – заинтересовался Тимур, ибо новшества науки его всегда интересовали.

– Этот прибор называется «астролябия». Его придумал еще Птоломей.

– Он такой древний?

– Нет, этот по эскизам, создал Ширвани, я ему помогал... А после того, как обсерваторию в Мараге разрушили, один дальновидный купец присвоил его себе, я на днях выкупил.

– Откуда деньги взял?

– Мне не только с тобой, но и с твоими сыновьями и внуками в шахматы играть приходится.

– Ты хочешь меня разорить?

– Это тебе не грозит; твои отпрыски похлеще тебя.

– Неблагодарный, – процедил Тимур. – Так на что ты истратил мое добро?

– Добро лишь трудом добывается.

– Что ты хочешь сказать?

– Только одно, что ты велик и справедлив.

– Хватить льстить, лучше расскажи об этой железяке.

– С удовольствием, Повелитель, – вежливо поклонился Молла. – Ну, если о земном, то с помощью этого прибора можно определить точное расстояние до той горы, ее высоту, и даже глубину вон того колодца.

– Нужная вещь, – сразу оценил Тимур. – Возьмем ее на вооружение. А ты, как властелин этого замысла, будешь получать жалование, ну, скажем, десять дирхемов в месяц, чтобы моих детей не обирал.

– Благодарю, Повелитель. Сама возможность заниматься астролябией – такое удовольствие, что плата мне не нужна... Позволь лишь по ночам звездным небом любоваться.

– Хе, а кто будет со мной в шахматы играть, и чем там любоваться, они так ничтожны?
– Ничтожна твоя плата, а звездное небо бесконечно, – и пока Тимур хмурил брови, продолжил, – звезды о многом говорят. Особенно о твоём Величии.

– Гм, – кашлянул эмир Тимур, видимо, в очередной раз простил старца.

– А что ж ты даже днем в этот прибор глазеешь?

– А вон, видишь, словно тобой откусанная, бледная Луна над горизонтом зависла?

– Что значит – «мною откусанная»? – начал было гневаться Тимур.

– О Повелитель, – ты в масштабе Вселенной!

– Хм, – вновь подобрело лицо Тимура. – И что творится со Вселенной?

– Много интересного, – когда Молла Несарт с любовью касался своего прибора, то казалось, что он просто молодец, сияя лицом. – Вот расчеты подсказывают – через один солнечный цикл, значит, где-то в середине апреля в этих широтах, точнее, чуть севернее, возможно, будет солнечное затмение.

– О Всевышний, – встревожился Тимур. – К чему это предсказание?

– Это не предсказание, а вероятный расчет, – Молла погрузился в свои дела. – И, как мне кажется, в этот же период жар Солнца усилится... Весна, таяние снегов, реки выйдут из берегов.

– Интересно, очень интересно, – о своем задумался Тимур. – А ну пошли играть в шахматы, – только эта игра позволяла ему систематизировать свои мысли.

Что бы ни писали историки, а Тимур был великий стратег, он еще не раз все выпытывал и испытывал астроблюду Моллы Несарта, но в то же время вел свои расчеты, что-то прикидывая и выгадывая. И даже когда разведка донесла, что передовые отряды Тохтамышы вплотную подошли и кое-где вступают в боестолкновения, Великий эмир не давал команды вступать в бой. Он все еще хитрил, усыпляя бдительность золотоордынского хана, ведя дипломатические переговоры, обещая послам – вот-вот он уйдет. А сам собирал свои войска и ждал сигнала из крепости Дербент, где щедро услащенные Тимуровыми эмиссарами, местные князья согласились перейти на его сторону, или, в крайнем случае, можно будет посеять меж ними разлад.

Последнее из-за даров вскоре произошло. И тогда Тимур отдал приказ – последний смотр войска, который он произвел лично, а это линия в 25—30 километров. Под ужасающий гром литавр, барабанов, труб и рожков воины его, обнажив мечи в сторону севера, произнесли клятву и издали такой боевой клик «Ура!», что «заколебались горы, и заколыхалось море».

«Согласно приказанию, войска, двинувшись в совершенном порядке, выстроилось в линию таким образом, что крайний фланг левого крыла находился у горы Эльбруса (Кавказский хребет), а крайний фланг правого крыла – на берегу моря Кулзум (Каспийского). Такого значительного по численности и мощи войска никто не видел со времени Чингисхана», – писали историки.

Немногочисленные передовые разведотряды Тохтамышы, увидев силу надвигающейся армии Тимура, быстро отступили. В начале апреля Тимур пересек долину реки Самур, беспрепятственно миновал крепость Дербент, и таким походным маршем, сметая все на своем пути, он дошел до Тарки, где сделал привал, ожидая подкрепления от местного населения. Его названный сын Мухаммед привел в его ряды от трех до пяти тысяч кавказских горцев.

В это же время, преграждая путь, у реки Сулак стали пограничные войска хана Тохтамышы под предводительством Казанчи. После короткого боя золотоордынцы были разбиты, рассеяны; кое-кто сумел переправиться через реку и бежать. Среди них оказался и наш герой – Малцаг.

Перейдя Сулак, Тимур решительным маршем без всякого сопротивления дошел до реки Сунжа. За Сунжей сплошь вековые леса, среди них вырублена просека – это дорога,

торговый путь, который ведет до богатого города Магаса. И хотя опыт предыдущих военных кампаний подсказывает – надо первым делом захватить столицу края, и на этом настаивают все военачальники, у самого Тимура иной расчет. Он все допытывается у Моллы Насерта, в какой именно день будет солнечное затмение. Однако теперь сам Молла, ссылаясь на какие-то технические погрешности древнего прибора и на свою старость и забывчивость, не совсем уверен, когда затмение произойдет и произойдет ли вообще. Однако с мнением Моллы, как ученого, Тимур всегда считается. Он сам до мелочей разрабатывает план наступления, имея несколько вариантов и пытаясь предусмотреть все, в том числе, а может, в первую очередь, всякие природные ситуации. Ведь средневековая армия, тем более, армия кочевников – это сто тысяч людей, значит в два раза больше коней, для которых нужны корм, фураж, простор, такая армия всегда зависит от погоды и природных условий.

Имея это в виду, Тимур стремится как можно скорее вывести свое войско за Терек на степные просторы. Для этого он всею мощью теснит Тохтамыша к реке, предлагая мир и новую границу империй по данному водоразделу.

Разумеется, хан Золотой Орды в дружбу Повелителя не верит, но у него свой расчет, и он, неосознанно подыгрывая противнику, уводит свои войска на север, на левый берег Терека, и, как ему представляется, наглухо перекрывает все возможные броды, а их, самых удобных, всего пять.

Апрель, как и предсказывал Молла Несарт, стоял очень теплый, даже по-летнему душный. И если в притеречной степи уже властвует суховей, то в горах Кавказа, откуда берут начало Терек и его притоки, идут обильные дожди. Этого Тимур видеть не может, но об этом докладывает разведка, и это очень важно: если начнется половодье, то поход на месяц, а то и два застопорится – бурную реку не перейти. Поэтому Тимур торопится, природа должна помочь, все должно работать на его успех.

В поисках надежной переправы Тимур повел свои войска вверх по течению Терека. По пути, с целью фуражировки и пополнения запасов продовольствия, он грабил и разорял притеречные поселения. Параллельно ему, по другому берегу передвигался Тохтамыш со своим войском.

Так они двигались одновременно вверх несколько дней, в течение которых Тимур несколько раз делал попытки с боем переправиться через реку и каждый раз безуспешно, он нес потери. Тогда Тимур пошел на хитрость.

Каждую ночь войско Тимура располагалось огромным лагерем на берегу реки. Прямо с противоположной стороны становился лагерь Тохтамыш, готовый в любую минуту отразить попытку перехода. Поэтому воины даже ночью не расставались с оружием, были в полной боевой готовности.

Понятное дело, что даже ночью противники друг за другом следили. И вот в одну ночь Повелитель отдал приказы: разжечь побольше костров; всем женщинам, рабам и пленникам надеть на головы шлемы, чтобы казаться мужчинами; каждому воину взять двух лошадей (на одной скакать, другую – на поводу для замены). Таким образом, скорым маршем они двинулись в обратном направлении до удобной переправы. Путь, проделанный ранее за три дня, отмахали за ночь, и на рассвете застали врасплох дозорных Тохтамыша. Внезапность и перевес сил решили исход схватки.

Благодаря этому маневру Тимур без особых потерь пересек Терек, стал лагерем на отдых, поджидая, когда подойдут вспомогательные войска. Узнав, что Тимур в очередной раз перехитрил его, навстречу выдвинулся Тохтамыш-хан. Ему советовали сходу ударить по врагу, утомленному ночным марш-броском, но хан решил по-своему, вроде стал лагерем на отдых.

Как бы там ни было, а Тохтамыш тоже слыл достойным полководцем. Он тоже даром времени не терял, тоже загодя готовился к поединку. Ровно в полночь, дабы вызвать панику

в лагере Тимура, Тохтамыш предпринял ложную атаку. Приблизившись к лагерю, ордынцы ударили в барабаны и литавры, затрубили в рога и стали выкрикивать боевой клич. Как писали современники, «в ту ночь Кундже-Оглан из потомства Джучи-хана, исцарапав лицо верности ногтями вероломства, убежал из лагеря Тимура вместе со своим туменом».

Этот заранее подготовленный Тохтамышем упреждающий коварный трюк не мог не сказаться на моральном духе вроде бы сплоченных войск Тимура. Ведь Кундже-Оглан был не кто иной, как потомственный царевич – Чингисид и к тому же сын покойного хана Кок-Орды Урус-хана, которого восемнадцать лет назад сверг сам Тохтамыш при помощи того же Тимура.

* * *

Солнечное затмение во все времена считалось плохим предзнаменованием. Рассчитывая на него, Тимур заслал в ряды Тохтамыша проповедников-предсказателей, которые в случае затмения должны были посеять панику среди воинов противника. Полагаясь на это, Повелитель поутру первым делом вызвал к себе Моллу Несарта, в мудрости и знаниях которого он теперь не сомневался.

– Ну что, мой ученый муж, – пытается быть вежливым Тимур, – когда же будет обещанное тобой затмение?

– Мой Повелитель, – так же вежлив и покорен Молла, – я уже говорил, то ли память меня подводит, то ли прибор, но я ошибся.

– Что ты несешь, шелудивый пес?! – вскипел Великий эмир. – Ты ж обещал затмение!

– К сожалению, я обещал, и затмение есть – это ты, как саранча, со своими варварами затмил жизнь на Кавказе. Однако у Бога хватило милости не послать нам сразу два несчастья.

– У-у-у! – злобой исходил Тимур, он готов был растерзать старика, но тут сразу несколько гонцов пали к его ногам, – войско Тохтамыша ринулись в атаку, ждет приказа и Тимурова рать...

Повторяясь, отметим, в том-то и было величие Тимура, что он умел в решающий момент брать в узду чувства и волю.

Вышел Повелитель из своего шатра, стоявшего на возвышении, стал оглядывать свои и вражеские позиции. В армии Тимура в основном монголы, тюрки, персы, курды, афганцы, насильно завербованные грузины, армяне, азербайджанцы и совсем немного горцев Кавказа. Ордынское войско состояло из тех же монголо-тюркитов, а также болгар, кипчаков, башкиридов, жителей Крыма с Кафой и Азаном, а также шестьдесят тысяч русских и сорок тысяч горцев Кавказа.

Опытным взглядом полководца Тимур оценил, что позиции Тохтамыша более выгодные, ибо он напирал с севера, со стороны просторов степи, а войска Тимура было прижато к реке, и в случае отступления места для маневра было мало. Однако именно это обстоятельство первого дня спасет армию Тимура от поражения.

Ранним утром гонец доложил Тимуру, что правое крыло войска Тохтамыша пошло в атаку: это изменник Кундже-оглан, зная слабое место в армии Тимура, начал сразу же действовать. Действовать стал и Тимур. Для усиления фланга он послал туда сына Мираншаха. Под натиском ордынцы стали отступать, а потом обратились в бегство, а это, оказалось, излюбленный монгольский маневр – ложное отступление и засада. Сам Мираншах едва спасся, но его тумену был нанесен значительный урон.

Не лучшим образом обстояло дело и на другой стороне. А ведь Тимур всегда любил атаковать прежде всего с флангов. На сей раз Тохтамыш умело использовал его уроки. Понимая, что ситуация весьма опасная, дабы воодушевить войска, Тимур сам решил двинуться

к линии фронта. В сопровождении отборных воинов, под своим знаменем и бой литавр он лично возглавил наступление центра, восседая на породистом кавказском жеребце.

Как известно, передовую оборону центра всегда держала пехота. Это в основном призывники из бедноты, у которых не было коней. Под натиском тяжелой кавалерии они погибли первыми. На сей раз Тимур решил лично командовать атакой в центре.

Было очень жарко и душно. Пот, стекавший из-под золотого шлема Тимура, заливал глаза, а он и без того, по возрасту, далеко не особо видит. Да здесь и видеть нечего, все и так ощущается, все слышно, все он представляет. Под лавиной конских копыт, копий и стрел хрустели переломанные кости, над степью стоял вой, крик, непрекращающийся предсмертный мучительный стон, и запах, ой, как знаком и любим этот запах крови, пота, испражнений. И не понять, где человек, где конь. Все это по-скотски сплелось, месиво – ничего не различить... В возбуждении Тимур кричит:

– Вперед! В атаку! Не жалейте себя, тем более врага! Подумайте о наших женах и детях!.. Вперед! За веру!

Как в тумане Тимур видит, что его передовая конница клином врезалась в центр пехотных рядов. По опыту он знает, что пехота долго не выстоит, будет сломлена, уничтожена, остатки панически побегут и на «их плечах» можно все сломить... Но что он видит? Атака завязла, кони в бешенстве ржут, мечутся. Это первые ряды пехоты стали насмерть на коленях, выставили щиты и копья – «ежик» называется, а из-за них стрелы тучами летят.

Кони хороши в движении, а в тесноте и свалке, когда они не могут развернуться, становятся помехой даже не раненые, они, спотыкаясь, падают, подминая седоков. И что видит Тимур? Его конница не смогла пробить брешь в пехоте, уже и отступить не может. Вражеская пехота пошла флангами в атаку, окружила и буквально на глазах Повелителя просто смела его конницу: ордынские пехотинцы, подминая горы трупов, теперь сами устремились в атаку.

Дрогнул в тот момент Тимур, и сражение было бы проиграно. Но он выстоял и, как дикий барс, ринулся в атаку, поведя за собой свежую конницу. По его опыту, хотя бы на сей раз, пехота должна была уступить, ибо теперь стройного ряда не было. Но, к его удивлению, каждый пехотинец сражался насмерть, и никто не смотрел назад, все рвались в бой. Ведь это были, в основном, кавказцы, и они были на своей земле, защищали свои наделы, свои семьи и очаги...

И здесь образовалась огромная груда трупов: кровь коней и людей, как одна, щедро сливаясь, целыми ручьями, пробивая песчаный грунт, потекла по наклонной в сторону Терека.

В паническом страхе и отчаянии все Тимурово окружение по команде спешилось, стало на колени вокруг полководца. Сам Тимур с коня не слезал, он махал саблей, с азартом рвался в бой, и не было страха в его глазах. Добраться до него противник еще не мог. Стрелы, хоть их теперь и было мало у пехотинцев, изредка долетали и до него, но ни одна не угодила. Спасая полководца, охранники буквально силой стянули его с коня, и в этот самый момент сразу две стрелы сразили его скакуна.

Кольцо вокруг Тимура стремительно сжималось. И вскоре ему пришлось со своей саблей не воздух рассекать, а отбиваться. И что он видит? Один высокий вражеский воин без шлема, в крови и поту, так что лишь по пряди волос видно – он рыжий, и щита у него нет, в обеих руках по мечу, что ни взмах – косит всех, и прямо рвется к Тимур, рыча:

– Наконец-то ты мой, подлый Хромец!.. Ух-ух! – на выдохе, как снопы, срубает охрану Повелителя. – Сейчас я доберусь и до твоей обезьяньей башки, мерзавец. Будет она вечно в ряду чучел стоять.

Тимур дрогнул – он узнал этого молодого воина.

– Солнечный мальчик – Малцаг?! – вскрикнул он.

– Да, это я, как и обещал... Куда бежишь, стой! Сразись со мной в честном поединке.

...Описывая этот эпизод, историки рассказывают, что люди Тимура притащили арбы, связали их и сделали для предводителя своеобразную защиту. На самом деле все было иначе. Да и как могли арбы появиться на передовой. Это сам хромой Тимур умудрился в страхе добежать до тыловых войск, до берега Терека, а там спрятался между арбами... На выручку Повелителю бросился эмир Сабук со своими людьми. И их одолел доблестный Малцаг.

– Вылезай из-под арбы! – уже настиг Малцаг Тимура, и в этот критический момент на выручку деду подоспел любимый внук Тимура, его надежда – Мухаммед-Султан, а вместе с ним и новое секретное оружие Тимура: огнестрельное, или огненные копья. Малцаг с этим новшеством уже был знаком и не отступил. А вот его воины испугались, дрогнули, бросились бежать. Лишь Малцаг еще яростнее кинулся на командира, пытавшегося защитить своего деда.

Сверстники, Мухаммед-Султан и Малцаг, уже сходились в бою, и сейчас они скрестили оружие. На сей раз Малцагу не повезло: огненное копье пробило его кольчугу на спине... Ран на теле Малцага было и так много, весь в крови, но эта его сбила с ног. Сам Малцаг был для своей пехоты тем же, кем и Тимур для своей армии. После падения Малцага пыл и движущая сила нападавших угасла. Однако пехотинцы-земляки не бросили раненного командира. Зная, что обратно им не уйти – далеко зашли, они с боем пробивались к родной реке, а там буйный Терек понес их с собою...

Страшный бой между тем продолжался. Потоки крови и груды тел мешали атакующим. Тимур уже не мог управлять расстроенным войском, армия Тохтамыша напирала со всех сторон, и поражение Тимура было неминуемо. Однако и здесь судьба ему благоволила.

Уже после полудня, а еще более к вечеру в войсках Тохтамыша стала сказываться нехватка воды. Было нестерпимо жарко. Кругом голая степь. И если армия Тимура была прижата к реке и вода ей доставлялась, то у побеждающей, было, армии Золотой Орды прямого доступа к реке не было. Не противник, а жажда, обессилившая людей и коней, не дали войску Тохтамыша добить Тимура в первый же день сражения. (Этот опыт Великий эмир применит несколько лет спустя во время сражения при Анкаре и с Баязидом Молниеносным.) И хотя первый день, бесспорно, был за ханом Орды, битва не закончилась. Впереди были вечер и часть ночи, когда ошеломленный неудачей Тимур, напившись, тяжело спал. А задолго до утра он пробудился, вызвал Моллу Несарта играть, значит думать... Все еще впереди!

* * *

Тимур на Тереке – это не тот молодой авантюрист, который захватывает Трансоксиану, стойко переносил все невзгоды и тяготы бескрайних пустынь. Как климат и природа богатого Кавказа отличаются от суровости песчаных дюн, так и Тимур под старость, вкусив роскошь персидских дворцов, уже не хотел терпеть походные лишения: в спешно оборудованном войлочном шатре легкий угар, запах жаркой еды, вина. Нет, в таких условиях играть, тем более сосредоточиться, он не может. По приказу золотой шахматный стол выносят на воздух. Лишь маленькое масляное кадило освещает фигуры. Кругом темно, на левом берегу Терека, ни в лагере Тимура, ни Тохтамыша ни единого костра – это и секретность, да и нет нужды: все бойцы, кто уцелел в этой мясорубке, мертвецки спят. Только вокруг станов главнокомандующих большое оживление. Им спать нельзя, вновь предстоит бой не на жизнь, а на смерть, правда, смерть простых воинов.

...Сделав ход, Тимур посмотрел на жалкую, сгорбленную тень худого Моллы Несарта. Его лица он не видит и даже не представляет, ему он, как, впрочем, и все другие люди, кроме

родных, на одно лицо. Однако сейчас Тимур почему-то захотел увидеть выражение лица этого человека: «Что он сегодня увидел? Как он этот бой оценил? Каково его потрясение от этого сражения?».

– Ну и каково тебе? – сквозь ночную темень хочет Тимур разглядеть лицо Моллы.

– Здесь ничего, тихо, – глубокая тоска в голосе Несарта, – но ты походи в степь, в сторону побоища, там до сих пор стоны – нечеловеческие муки.

– Хм, ты не воин, тебе не понять.

– Где мне такое понять?

– Смерть за веру – счастливый удел бойца.

– Что ж ты так прытко бежал, про хромоту забыл, все за телегами прятался, чуть ли не в гареме скрылся?!

– Молчи! – взревел Тимур, эту сгорбленную тень он почему-то не посмел ударить, зато с яростью опрокинул шахматный стол. И что греха таить, ранее он любил лицедреть поле своей битвы – поле своей победы, ощущая под стоны людей и коней свою силу, мощь и избранность.

Сегодня этого не было, и он ни шагу не посмел сделать в сторону степи, наоборот, направился в сторону Терека. Ночь холодная, непроглядная, темная, даже река сливается с берегами. И если бы не частый всплеск – вверх на нерест осетр идет, звуки лягушек по заводям и веяние прохлады, не понять, что рядом река. А за ней, там, где позади остались снежные горы, совсем мрак. И вот одна, вторая и еще вспышка – там по вершинам катится гроза, и оттуда веяние садов, откуда-то доносится ранний крик петуха. И пусть его голос одинок, но он есть, он живой. А ведь по тому селу его армия прошла, значит разорила. Видно, не до конца. Видно, и он где-то слабину дал, что-то не рассчитал, на что-то, более чем надо, не понадеялся. Его думы прервал хлесткий всплеск. Понимает он, что это большая белуга в прибрежных водах икру мечет. Но Тимуру тревожно: может, это солнечный человек, Малцаг. Ведь он тоже в реке скрылся.

С ним редко случалось, но сейчас в его сердце закрался страх, даже защемило в груди. Он хотел бежать, бежать из этого благодатного края, где такие сердечные, светлые люди, в свой пыльно-песчаный, покорный Самарканд. И он уже пятился от реки с не твердым, но таким предубеждением, как крупная капля, а потом отголоски предгорной грозы достигли и этого берега Терека... Гроза – это его стихия. Эти далекие молнии, этот глухой, очень далекий раскат словно зарядили его, взбодрили:

– Нет! Не отступлю! – и это не о позициях в данном бою, это о жизненной позиции. – Только вперед! Только в этом мое величие и предназначение... А то, что тысячи гибнут, так и белуга икру снесет, сама зачастую подыхает. Такова жизнь! Вперед!.. А Тохтамыш – трус, мерзкий трус. Вижу его насквозь. Нужно терпеть и нужно думать... – Думай, башка, думай...

Опять расставлены шахматы, вновь перед ним достойный соперник – сгорбленный Молла Несарт, усталый, скорбный. Да это Тимура еще больше воодушевляет. После скорых первых ходов его мысли и желание в нужном тоне, и он призывает к себе Едигея. Молла Несарт был невольным свидетелем их предыдущего торга. Но, видимо, что-то не сработало, где-то не договорились, ибо вид у Едигея совсем неуверенный: грамота была, да ей кто-то, а может, оба не следовали. И вот снова торг, и не простой, раз теперь и слуха Несарта боятся. Отойдя в сторону, шепчутся.

– Иса-бек – мой брат, – в полный голос стал утверждать Едигей, – и верен данному слову... Но ты, о Повелитель...

– Молчи, – напирал на него Тимур, – все изменилось.

Они снова заговорщицки шепчутся, Молла Несарт даже брезгует в их сторону смотреть, тем более подслушивать, и так ясно – идет грязный торг.

– Золотая Орда – твоя! – наконец в гневном нетерпении выкрикнул Тимур.

Это Едигея не убедило. Был вызван писец. Тимур его торопил и как поставил тамгу на грамоте, стал буквально выталкивать Едигея, подгоняя:

– Быстрее, быстрее, пока не рассвело, посылай лазутчиков к брату.

После этого были вызваны все командиры. По диспозиции им что-либо дельное Тимур сказать на сей раз не мог, они сами лучше владели ситуацией. Он должен был воодушевить их:

– Мои верные бахатуры! От захваченного в Золотой Орде вы получите не одну треть, как обычно, а, я обещаю, две трети – ваши!

– Ура-а-а!

– Вы – надежда Бога, веры, мира, наших жен и детей! Мы победим! Ура!

– Ура-а-а!

Наконец, перед самым рассветом, с ним остались лишь ближайшие родственники – сыновья и внуки.

– Если я сегодня проиграю, эти самые бахатуры первым делом обезглавят вас, подтверждая верность и преданность победителю... Вам это ясно?

Они, склонив головы, молчат.

– Покляннитесь, что будете верны до конца и беспрекословно исполнять любой мой приказ.

– Клянемся, – пали на колени, и по старшинству каждый поцеловал край его бархатного халата.

– Противник ведет перегруппировку сил, – доложила разведка Тимуру.

Вместе с родными он вышел из шатра. Уже светало. А в степи шум, все пришло в движение, вдалеке пыль столбом.

Тохтамыш, может, и трус, но, бесспорно, человек сметливый, и, учитывая ошибку предыдущего дня, пытается сегодня подойти поближе к реке. Своими действиями Тимур и мог бы в какой-то мере препятствовать этому. Однако, вопреки просьбам командиров, он на это не пошел и, к удивлению всех, вновь позвал мудрого Моллу Несарта.

– А ну, старик, – бодр голос Повелителя, – с затмением солнца либо ты, либо твой прибор меня обманули, подвели... Даю тебе еще один шанс выжить.

– О Повелитель, – склонился Молла, – боюсь, вновь ты обманываешься.

– Ты это о чем?

– Шанс выжить, либо нет, не в твоих руках, а Бога.

– Хе-хе, видишь, значит, я ни в чем не виноват – все предписано судьбой.

– И твоей зверской алчностью, – совсем тих голос Моллы.

– Что? – вроде не расслышал Тимур. – Хватит болтать, рассвело. Лучше тащи сюда свой прибор – астролябию... Точно определи, где пойма реки, а где возвышенность.

В это прекрасное теплое, весеннее утро, занимаясь по приказу нивелировкой притеречной низменности, даже умудренный жизнью Молла Несарт не смог предугадать военного гения Великого эмира.

Сквозь убуленную дымку туч уже проглядывало высокое апрельское солнце, и бой уже был в разгаре, когда Молла Несарт смог закончить доступные измерения рельефа местности и доложить Тимуру. Задав немало вопросов, Повелитель задумался, прямо на песке заставил Моллу еще раз начертить верхний план и после этого приступил к расстановке своих сил. Молла удивился, когда Тимур вдруг спросил:

– Какова скорость реки?

– А это для чего?

– Хе-хе, в горах была гроза, да еще снег падает, – был чем-то доволен Повелитель, он далеко в тылу.

В тот день бой, не столь упорный, но тоже яростный, насмерть, продолжался. И, как сказали бы военные, сражение носило позиционный характер. Людей полегло немало, но никто и в этот день не взял верх. Тем не менее, и на сей раз показалось, что действия Тохтамыша были решительнее, ибо он сумел потеснить врага. Во всяком случае, Тимуру пришлось отступить к вечеру с выгодной прибрежной территории, где располагался его стан, где был пологий берег, и можно было удобно подойти к реке.

И, вроде застигнутый врасплох, Тимур спешно отступил, даже свой командный шатер как есть оставил. Именно в этом шатре Тохтамыш подводил с военачальниками итоги прошедшего дня, и, казалось, это добрый знак – враг отступил. Однако к полуночи забили тревогу: ровная пойма лагеря стала быстро заливаться водой. Это хитрый Тимур накануне днем все подготовил. Двадцать тысяч тыловых людей, рабов, пленных и даже женщин отправили чуть ниже по течению, чтобы они, хотя бы из трупов, даже своих, возвели прочную плотину через Терек. И река к вечеру стала разбухать. Словом, идея оправдалась: и без того изнуренным воинам Тохтамыша пришлось вместо отдыха и сна, среди ночи менять место расположения.

А к утру в лагере Тохтамыша разыгрались совсем драматические события. По сведениям летописи, военачальник правого крыла золотоордынского хана, некто Актау, потребовал от хана выдачи другого военачальника Иса-бека, дабы убить его, как предателя. Иса-бек через связных еженощно общается со ставкой Тимура, а там его брат Едигей, и доказательств не надо. Второй день Иса-бек сражается в полсилы, отступает, из-за него не могут Хромца одолеть.

На что хан ответил, что его просьба будет уважена после сражения и что сейчас не время для сведения личных счетов.

– Нет, мне он нужен сейчас, – стал настаивать Актау, – а коли нельзя, то нет тебе от меня ни послушания, ни повиновения.

Понимая, к чему может привести распря пред началом боя, Тохтамыш стал уговаривать взбунтовавшегося Актау:

– Мы находимся в тяжком горе, которое озабочивает нас более твоего желания, и в мрачном положении, которое кручинит нас более твоей беды, так, потерпи и не торопи... Не заставляй же слепого искать убежища на обрыве...

Все уговоры и угрозы оказались тщетными. Рано утром 17 апреля 1395 года Актау, командир корпуса левого крыла войска Тохтамыша, на глазах всех воинов демонстративно покинул поле боя. Вместе с ним ушли военачальники Бек-Ярык и Таштемир-оглан. Это около тридцати тысяч войска, в основном, болгары, башкирды и монголы.

И без того усталые от бессонной ночи золотоордынцы получили удар еще страшнее – моральный. Тем не менее, и в этот день воины сражались до конца. Характерный эпизод этого поединка также описан в истории.

Тимур, узнав об ослаблении левого крыла войск Тохтамыша, двинул туда отборные силы. Усталые, раненные и павшие духом воины левого фланга после жестокой схватки, не выдержав натиск врага, обратились в бегство. Только командир Еглы-бай с одним своим туменом пытался сдерживать противника. Удрученный своим бессилием остановить бегущих, он приказал надеть путы на своего коня и вызвал на единоборство Османа Бахадура, стоявшего корпусом против него.

Это была жестокая схватка, и с обеих сторон пало множество воинов. В ход пошли булавы, дротики, копья и другое оружие. Когда Осман добрался до Еглы-бая, они переломили друг о друга копья, поломали сабли и схватились врукопашную. Лошадь Еглы-бая не могла двигаться из-за пут. При ее падении вместе с всадником Осман оказался сверху. Воспользовавшись этим, он отрубил голову Еглы-баю.

Произошедшее событие повергло в ужас золотоордынских воинов, но они бросились отбить у врага отрубленную голову военачальника. Оба войска смешались, завихрился смертоносный клубок. Этот бой был очень похож на бой первого дня сражения. Только тогда битва шла за спасение жизни Тимура, теперь же бой шел вокруг убитого военачальника.

Благодаря численному превосходству, войско Тимура окружило левый фланг войска ордынского хана. Упорный бой длился весь день. Были горы убитых. «Труп Еглы-бая в конце концов вытащили... из-под восьмисот человек юношей с черными кольчугами на груди, верхом на белых лошадях и белыми кутасами на шее. Людей же с цветами и видами иными, чем сказанные, не считали»... «Испуганные кони носились по полю и топтали людей, ручьями лилась кровь по степи»...

Шанс у Тохтамыша еще был, да, видимо, изначально он не был уверен в том, что можно одержать победу над противником, явно оберегаемом Небесами. После полудня, оценивая положение дел, хан Золотой Орды сам стал понемногу ретироваться с поля сражения. Это послужило сигналом к отступлению, которое сразу приняло вид массового бегства.

Сразу же ордынское войско распалось на отдельные этнические части. Одна группа ушла на Дон, Днепр и в Крым, другая, переплыв Терек, – в горы Кавказа, а хан со своими приближенными бежал в низовья Волги, в свою столицу Сарай.

Тимур, узнав о победе, впервые прилюдно не сдержал нервы. Он, как ребенок, побежал на поле боя, трясясь и плача от счастья, упал на кровавую, уже истоптанную молодую траву и, рыдая, возблагодарил Вечное Небо – это божество отцов, за то, что битва кончилась его победой... Он, и вправду, Властелин!

* * *

С исторической точки зрения, именно Тимур, разгромив Тохтамыша в 1395—1396 годах, фактически уничтожил Золотую Орду – мощное государство, которое являлось угрозой не только для России, но и для всей Европы. И именно Тимур поставил точку в существовании династии своего кумира и, как он утверждал, прародителя – Великого Чингисхана.

Правда, сам хан Золотой Орды, как и при сражении 1391 года, с поля боя бежал. Узнав, что Тохтамыш, вместе со своими царевичами, нойонами и нукерами, бежал в сторону Каспийского моря, а там – на север, в сторону своей столицы Сарай-Берке, Тимур хотел было преследовать его по свежим следам, но его сдержали два фактора. Во-первых, как он письменно заверил, ханом Золотой Орды стал Едигей, который вместе со старшим братом и своим войском в пятнадцать тысяч уже направился для захвата власти в Сарай. Во-вторых, и это было существенным, будучи в солидном возрасте, Тимур в этом сражении пережил такое физическое, а главное, эмоциональное напряжение, что продолжить преследования Тохтамыша он просто не смог. В устье Терека он остановился на отдых. В честь грандиозной победы устроил большие торжества. Пир был с размахом, с особой щедростью Тимур почтил своего старого друга Сабука, который спас ему жизнь в первый день боя. И если ранее такие праздники длились много дней, то на сей раз все закончилось через пару суток, ибо победа – не ради победы, а ради наживы. А что может дать поле сражения? Только два огромных могильных кургана, которые неблагодарные потомки тоже разграбят. А нажива – впереди, в городах и весях Восточной Европы. Он отдал приказ идти на север, и в эту же ночь ему опять приснился сон, который преследовал его в последние годы.

– Моллу Несарта, Моллу сюда, – обхватив руками разболевшуюся голову, стал кричать Тимур.

– Повелитель, тебе приснился вещий сон? – с видимым сочувствием заговорил тотчас доставленный Молла Несарт.

– У-у-у! – вопил Тимур, еще крепче сжимая голову.

– Расскажи мне сон, – склонился Молла. – Я, конечно же, не ясновидящий и не предсказатель снов... Но ты, безусловно, великий человек и сам избрал свой путь, по ему всю жизнь и следуешь. Так расскажи, пожалуйста, чему ты в итоге придешь. Ведь тебе, как ты всегда твердишь, снятся вещие сны.

– Я, я, я видел... Нет, нет, нет! – кричал он, еще сильнее сжимая голову. – Это было ужасно, просто невыносимо, – он говорил, торопясь, словно после удушья.

– Говори, говори, – поддержал его искренний, было, порыв Молла Несарт.

– Расскажу, все расскажу, – будто пытаюсь исповедоваться, мягким стал голос Тимура. Однако, по мере изложения, его тон стал крепнуть, словно он оправдывается, и тогда его сказ становился бессвязным, рваным. Он то надолго задумывался, то что-то несурзное плел, переходя с тюркского на плохой арабский и, вновь возвращаясь к родному, к своим исконным богам.

– Ты видел ад! – вдруг постановил Молла Несарт.

– Нет, нет, – как от приговора шарахнулся Тимур. – Там был снег, снег, и не было больше огня. Все белым-бело, снег...

– И оторванная башка.

– Нет, нет, – в нервном тике завизжал Тимур, содрогаясь в конвульсиях, пал наземь.

Охранники бросились на помощь, в панике стали звать врачей, и лишь Молла Несарт не растерялся в возникшей суматохе: он выхватил из пояса Повелителя обоюдоострый небольшой кинжал, и соблазн был, и ничего он не боялся, и потом, порою, жалел, но тогда, после мгновенной вспышки, он не смог даже на миг стать на тот кровавый путь, что в жизни выбрал Тимур. И тянулась сама рука к судорожной шее, а он хладнокровно провел лезвием по верхушке лысины и вскипевшая от адских грехов взбешенная кровь не парализовала кровопийцу, хлынула щедрым потоком по пожелтевшему, как самаркандский песок, искаженному гримасой лицу так, что Повелитель чуть не захлебнулся...

Тимур по природе был человеком сильным и выносливым. Недолго он валялся в недуге, а когда стал приходить в себя, часто касался уже заживающей раны на голове.

– Кто это сделал? – наконец поинтересовался он.

– Молла Несарт, – услужливо ответил визирь воды.

– Гм, – кашлянул Великий эмир, пытаюсь в зеркале разглядеть порез. – Получается, спас.

– Вроде так, – кружится вокруг визирь. – Только вот не любит он нас.

– Хм, а что тебя любить – не красна девица, а мужеложеством, как ты, он вроде не страдает... К тому же, не он к нам с мечом явился, а наоборот.

– О Повелитель, в том-то и сказ. Стоит ли рядом держать врага, да к тому же столь умудренного?

И тут Тимур выдал одно из своих изречений:

– Умный враг менее опасен, чем глупый друг.

В тот же день Великий эмир вызвал Моллу Несарта для игры в шахматы, что было признаком полного выздоровления. Противостояние, как обычно, было бескомпромиссным. И прошло немало времени, пока Тимур вдруг не спросил:

– Зачем же ты меня спас?

– О Повелитель, – оторвал Молла взгляд от стола, – я не знахарь, тем более, не колдун. Я ничтожный человек и никого убить, тем более, спасти не могу. Все в руках Всевышнего, и Он тебя спас.

– Хе, как же так? Ты ведь твердишь о моих прегрешениях. А видишь, Бог, мне всегда благоволит.

– Бог милостив и терпелив, дает тебе еще раз шанс, надеясь, что ты, наконец, хотя бы под старость, почуяв запах смерти и предстоящего Судного дня, одумаешься, как-либо смягчишь свои грехи, станешь человеком.

– Что ты мелешь, старый остолоп?! – сжал кулаки Тимур. – Я несу в мир чистоту веры.

– Ты несешь смерть и разруху.

– Если ты прав, то почему Создатель мне всегда посылает удачу?

– Ты хочешь сказать, что в противостоянии Каина и Авеля Всевышний был на стороне убийцы?

Простейших истин священных писаний Тимур, конечно же, не знал, а посему, кое-что недопонимая, ненадолго призадумался, и, упершись жестким взглядом в Несарта, сухо спросил:

– И что ты этому королю предлагаешь? – он тронул пальцем свою главную фигуру.

– Этот король изначально пастух. Если он, хотя бы сейчас, вновь вернется в свое исконное лоно, то приобретет в будущем вечный покой и вечное счастье.

– Ха-ха-ха! О чем ты бормочешь? – вроде смеется Тимур, а в глазах его злость. – Никогда, ты сам знаешь, никогда шахматный король не может стать пешкой!

– А вот пешка стала королем.

– Да, – в злобе сузились губы Повелителя, – и ты, и миллионы таких, как ты, мне завидуете. И вы, жалкие пешки, никогда не станете королями. Ибо не ведающий себе равного Бог, являющийся хозяином непостоянной судьбы, вложил в мои руки узду, чтобы я мог управлять движением царств сего мира!

– О Повелитель, ты поистине велик, – склонил голову Молла Несарт. – Только в руках твоих не узда мира, а меч войны и не думай, что я тебе хоть немного завидую, скорей, наоборот.

– Хе-хе, – пытается сохранить хладнокровие Тимур. – Раб не должен завидовать своему хозяину.

– Я не раб! – процедил Молла Несарт. – Я заложник судьбы...

– Ха-ха, – перебил его Тимур. – И я чувствую, доведет тебя судьба до того, что за твой болтливый язык окажется твоя башка в том ряду, где на жердях вокруг моего стана черепа коней, быков и моих поверженных врагов.

– Все в руках Всевышнего, – выдержал эту жестокость Молла. – Только знаю и я, что твоя башка, как предсказал юный Малцаг, будет стоять в обезьяньем ряду.

– А-а-а! – зарычал Тимур, опрокидывая шахматный стол, он бросился на Моллу... И в тот момент, и гораздо раньше, он мог лишить его, да и любого, жизни, однако рассудок сдерживал безумный порыв: он во всем искал свою выгоду и знал, что Молла Несарт незаменим. Он ценил его не только как мудреца, искусного игрока, но более всего, как смелого, говорящего правду в глаза человека.

Под впечатлением этого разговора, недоумения и какого-то тяжелого предчувствия – последствия сна, Великий эмир объявил, что намерен вернуться в родной Самарканд, где не был уже более четырех лет. Но его родные дети и внуки и тем более, военачальники, этого не поняли. Перед ними уже поверженная Золотая Орда, а это десятки, если не сотни роскошных городов. А там столько богатств! А сколько женщин, рабов! Вся Тимурова рать жаждала новой наживы. И тогда Великий эмир понял, что он всемогущ и велик лишь до тех пор, пока способен утолять безмерную алчность своих подданных... Много он думал, но итог один – он тоже раб своих страстей, заложник своей свиты. И если не будет все новых побед – не будет он королем, и даже пешкой не будет. И сам он уже не раз в жизни мечтал и даже завидовал простым пастухам, степным просторам, уютному кошу⁷⁹ с семьей. Но к этому

⁷⁹ Кош (тюркс.) – войлочное жилище кочевника.

обратно пути нет. И посему, чтобы забыться да насладиться, как последний раз, он напивается до одури, ест без меры, а потом оргии, оргии, оргии... и снова в бой.

Взяв курс на север, Тимур, идя вдоль берега Каспийского моря, достиг низовья Волги, надеясь сразу овладеть столицей Золотой Орды. Но из Сарай-Берке, где уже правил Едигей, прибыли послы, напомнили о Тимуровой грамоте, где стояла его личная печать, с гравировкой на персидском «Сила – в правде», и в честь признания вручили несметные дары.

Эти обстоятельства, да еще и тот факт, что хан Тохтамыш якобы скрывается где-то в южнорусских городах, побудили Великого эмира свернуть на запад, в сторону Дона. Разграбив, предав мечу и огню придонские поселения, Тимур двинулся дальше на запад, в сторону Днепра, где по данным его разведки расположился лагерем эмир Актау. Это был тот Актау, который со своими воинами покинул хана Золотой Орды накануне третьего, решающего дня сражения на Тереке.

У реки Орель, притока Днепра, встретились два монгола-тюрокита, два земляка, два азиатских воина-кочевника. И если Тимур в своем деле уже преуспел и у него на данный момент около семидесяти тысяч войск, то у Актау не такой размах – всего десять-двенадцать тысяч всадников.

Великий эмир, при возможности, всегда искал иные, более выгодные пути, нежели прямое боестолкновение. И на сей раз он послал Актау очень доброе послание, где оценил и смелый, и благородный «поступок» дальнего, но родственника. Поэтому Повелитель пригласил Актау присоединиться к себе, а для начала – в гости.

Сам Актау в гости не поехал, а направил сына с дарами, чтобы проверить искренность намерений земляка. И Тимур в долгу не остался – на золотом подносе вернул Актау голову сына, а вместе с этим письмо: «Ты, Актау, – подлый пес. Ты предал своего хана Тохтамыша, потомка великого Чингисхана. А меня и подавно предашь».

Был приказ Актау взять живым. Но он сражался до последнего, погиб в бою.

После этого армия Тимура двинулась на север. По одним источникам, Великий эмир, видя бедность русских городов и зная, что сама Москва за семь лет до этого была покорена и сожжена Тохтамышем, у города Елец неожиданно повернул обратно. По другим – Тимур все же покорил и разграбил Москву. Есть еще одна версия: Тимур дошел до Москвы-реки, стал лагерем на возвышенности правого берега (нынешние Воробьевы горы), откуда, как на ладони, был виден большой, богатый стольный город, где проживало более пятидесяти тысяч человек.

Великий князь Московский отважно выступил на защиту родного города. В то же время в Вышгород Владимирский поспешили люди, чтобы привезти древнюю икону Божией Матери. Процессия монахов и священников доставила икону в Москву, пронося ее между рядами стоявших на коленях верующих, которые взывали:

– Святая Богоматерь, спаси Россию!

Именно этому событию августа 1395 года приписывается знаменательное спасение русских земель. Вместе с тем придворные историки Тимура свидетельствуют о другом.

Прибыли к Тимуру богатые купцы из Москвы. Требования Повелителя оказались жестокими и невыполнимыми. Сам Тимур провел смотр войск, ближе к вечеру – совет военачальников, на котором отдан приказ – штурм на рассвете. А после этого, как обычно, безумная ночь. И вновь был сон. Вновь среди ночи вокруг шатра переполох. Вновь зовут Моллу Несарта.

Сидит горестный Тимур на царском ложе, пожелтел лицом, ухватился за голову.

– Повелитель, – учтиво склонился Несарт. – Снова тот же сон?

– Да, только гораздо хуже.

– И что же ты видел?

– Не могу, не могу... У-у, даже пересказать не могу.

– А ты поделись, глядишь, полегчает, – вкрадчиво настаивал Молла.

Не легко и урывками, стал излагать свой сон Тимур:

– И пяти часов не спал, а долго и тяжело, словно пять столетий в мучениях провел... И передо мной – все лица и лица, и все с угрозами, злые, враждебные, там и дети, и женщины, и старики, и все разных рас и верований. И все против меня... И потом, – он замолчал и, вдруг, нервно ежась, внезапно перешел на другое. – Что же это за край дикий? Здесь даже в августе холод, туман над рекой.

– Так ты сон не досказал, – допытывает Повелителя Несарт.

– И не расскажу, – мелкая дрожь пробежала по телу Властелина, он сильнее кутается в шерстяной халат.

– А сон-то вещей, – мало сочувствия в голосе Моллы. – И я не гадатель, но, как человек глубоко верующий, этот сон растолкую и даже доскажу.

– Попробуй, – сомневается Тимур.

– Твой сон, – медленно начал Молла Несарт, – предвестник Судного дня. У простых людей он, действительно, один, у тебя же этот страшный мучительный день будет длиться более пяти сотен лет. Ибо столько людей ты истребил, и они будут тебя судить.

– Я – поборник веры, – уже стал оправдываться Повелитель.

– Какой веры? – вопрошает Молла. – Нет такой веры – казнить, жечь, заливать мозг опиумом, гашишем и вином, а потом насилловать женщин и детей.

– Замолчи, – пытается прикрыть уши Тимур.

– Нет уж, выслушай, тем более что конец твоего сна я давно знаю.

– Каков же он? – поразился Повелитель.

– Вот здесь, именно здесь, в Москве, в этом холодном краю, на белоснежном постаменте, как и предсказывал Малцаг, будет маяться твоя башка в окружении таких же обезьяньих черепов.

– Не-е-е-т!!! – завизжал Повелитель.

– Да-а-а! – стремясь заглянуть в глаза, пытал его Молла Несарт. – Изменись, покайся, наконец, стань человеком.

– Разве я не человек?

– Человек довольствуется малым, а ты – Властелин!?

– А что? – неожиданно вскочил Тимур. – Да, да, я – Властелин, – гремел он. – Я достиг этого! Прочь! Прочь!

В миг появились охранники. Сбитого Моллу Несарта потащили из шатра. А визирь воды тоже тут как тут и подсказывает Повелителю:

– Может, Моллу – того, – и он повторил тайный жест Тимура – отрубить башку.

– Нет! – закричал Великий эмир.

– Лучше в Москву-реку, – льстиво предлагает главный евнух. – А тебе, о Повелитель, сейчас такое блаженство доставим, какого только ты достоин.

– Вон! Все – вон! Прочь! – еще пуще завопил Тимур и, оставшись наедине, в бессилии упал на пышное ложе, пытаясь зарыться с головой в одеяло. – А ведь этот старик точь-в-точь разгадал сон... Неужто вещей? Нет! Нет! – окутанный одеялом, он вскочил. – Коня, коня!..

Мечтая обмануть судьбу, Тимур еще до рассвета покинул лагерь и направился в сторону юга. И как в молодости, когда был беден и от всех скрывался, он много суток, почти не отдыхая, скакал в сторону полуденного солнца. Когда же он достиг Азовского моря, где было жарко, сухо и ветрено, почувствовал близость степных просторов, вкус молодой конины и кумыса. Там наступил сладкий и спокойный сон. А потом был роскошный пир, много гостей, хвалебных тостов, и он вновь убедился, что он избранник, или, как внушил ему новый звездочет, на этот Магог – он достойный Гог!

* * *

Из Самарканда пришло письмо от духовного наставника Саида Бараки: «Мой дорогой сын – Великий Тимур! Ты спрашиваешь, как я представляю себе ту ночь, утром после которой будет Воскресенье (Судный день)? Я отвечу тебе словами из священного джейна⁸⁰. «Увидел знатный человек царя Харуна ар-Рашида на Арафате босиком, с непокрытой головой, стоящим на раскаленной земле, воздевшего руки и говорящего: «Боже! Ты – Ты. И я – я. Мое свойство – каждый день возвращаться к неповиновению к Тебе, а Твое Свойство – каждый день возвращаться ко мне с Твоим Прощением и Милостью!». И сказал тот знатный человек: «Посмотрите на смирение могущественного земли перед Всемогушим небес».

А еще ты спрашиваешь – описать мне справедливость. Тоже сошлюсь на джейны, где сказано: «Будь каждому мусульманину, который старше тебя, сыном, своему ровеснику – братом, а тому, кто младше тебя – отцом... Будучи правителем, наказывай каждого преступника по мере его преступления. И смотри, остерегайся ударить мусульманина из-за твоей злобы, ибо это приведет тебя в Ад».

Это письмо Тимур получил, находясь у стен Азова. Здесь, да и на всем побережье Черного моря были крупные портовые города, в которых издавна промышляли в основном работниками купцы из Венеции, Генуи, Каталонии и даже баски.

Рабство в исламе запрещено, значит, с этим злом надо бороться, – справедливо решил Повелитель, и в угоду своим действиям, он впервые, отдавая приказ о нападении, предусмотрительно издал письменное распоряжение (так надежнее), чтобы мусульман не трогали. То ли мусульман там было мало, то ли в пылу драки не разобрались, словом, никто не мог устоять перед тюркским натиском, черноморские фактории европейцев исчезли навсегда, мало, кто успел уплыть. После опустошительного грабежа все предали огню.

– Так здесь совсем не было мусульман! – как бы оправдываясь, восклицал Тимур, но когда все награбленное пересчитали в тоннах золота и в миллионах дирхемов, взошедшие, было, под Москвой всполохи совести навсегда и бесповоротно исчезли.

Однако в жизни не все так просто. Между большими военачальниками и сыновьями Тимура возник жаркий спор во время дележа добычи, и кто-то осмелился намекнуть о слабости Повелителя, ведь Москву он так и не взял, значит, там выгоду упустили. Этого шатания Повелитель допустить не мог. Шейха Сабука, спасшего ему жизнь на Тереке, он еще пощадил, а остальных шестерых командиров позвал с собой на охоту и там умертвил.

Все, он обманул судьбу, на север больше носа не кажет, и больше в слабости его никто не упрекнет. Он должен жить, значит, думать, а для этого – в шахматы играть. Посему Молла Несарт прощен, вновь к Повелителю доставлен. В общем, жизнь наладилась, значит – снова в бой.

В конце осени 1395 года Тимур продолжил путь на юг, к Кубани. И хотя у Великого эмира был договор с мамлюком Египта и Сирии, что он не тронет историческую родину могущественного султана Баркука, все это осталось далеко позади, и местные адыги, представляя, какая опасность надвигается на них, применили в борьбе с врагом классическую тактику древних скифов – путь следования тимуровских полчищ превратили в выжженную пустыню, а сами отступили за Кубань.

Более недели рать Тимура передвигалась по выжженной земле. Кони и награбленный скот без провианта дохли. У Кубани стали лагерем на недолгий отдых, а потом штурм, в котором сам Тимур уже не участвовал, послал лишь двух внуков. Адыги яростно защищались, но силы были не равные. Тюркиты дошли до Анапы, разграбили ее и вернулись с добычей

⁸⁰ Джейн (арабск.) – книга, в данном случае, философский трактат.

к Повелителю, который теперь расположился в районе Бештага⁸¹, там, где находилась южная резиденция хана Золотой Орды. Это живописное место с прекрасным климатом, с целебными источниками так понравилось Тимуру, что он оттуда даже не выезжал. Лишь сыновья и внуки были направлены в разные области Кавказских гор, где каждый стремился показать, что именно он достоин стать верным и надежным наследником, главой рода. И чтобы это подтвердить, каждый проявлял крайнюю жестокость, затмевая в этом даже доблесть Повелителя. Но количество жертв – вовсе не показатель. Главное, сколько богатств ты в стан Тимура доставишь. Вот и рыскают отпрыски по всему Кавказу.

Любимый внук Мухаммед-Султан был направлен в страну Буриберди, что меж Кубанью и Лабой, где через горную долину Архыз и Дамурц пролегал древний Шелковый путь до портов Сухума и Поти.

Именно Мухаммед-Султана Тимур считал наиболее одаренным из всего своего потомства, его он втайне готовил на свое место. С этим дальним прицелом, дабы заранее описать героический путь, Мухаммед-Султана сопровождают в горной экспедиции личные историографы Повелителя. Вот что они оставили нашим читателям.

«Многочисленные отряды Мухаммед-Султана, рассыпавшиеся по горным ущельям, нашли много крепостей и встретили яростное сопротивление кавказцев... В горных укреплениях и защищенных ущельях было много сражений... Разорили их крепости и милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных, ... сколько пленных, а девушки – краше в мире нет». После этого похода пришли в запустение православные Зеленчукские храмы, и наступила гибель Аланской епархии.

Другой внук, тоже сын покойного первенца Тимура Джехангира, Пир-Мухаммед, направился чуть восточнее по Баксанскому и Чегемскому ущелью прямо до горы Эльбрус. По преданию, окружив в горах одно поселение, захватчики потребовали дань – шестьдесят девушек. Не желая такой участи, девушки бежали в лес, который молодой Пир-Мухаммед приказал поджечь, и все девушки, не сдавшись, там погибли.

Сын Тимура Мираншах был направлен в сторону Эльхотовских ворот. Там находился город-крепость Верхний Джулат, где предводителем был Пулад. Мираншах знал, что здесь находится Удурку, который скрывался после поражения на Тереке. Удурку, наместник Кавказа, командующий одним из корпусов в армии Тохтамышша, – потомственный чингисид-монгол, перед которым Тимур якобы преклонялся, на самом деле всячески истреблял.

Мираншах передал Пуладу ультимативное письмо отца – выдать живым Удурку. Пулад, уверенный в неприступности своей крепости, ответил: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены. Удурку нашел у меня убежище, и пока душа будет в теле, я его не выдам. И пока смогу, буду защищать и оберегать его».

В те времена северное предгорье Кавказа представляло собой густые леса, и, как записано в летописи, «от множеств деревьев и сплетенных ветвей туда с трудом проходил даже быстрый ветер». В таких условиях полчища тюркитов не имели возможности для маневра, и с помощью рабов и пленных была спешно вырублена просека от Терека до крепости длиной в двадцать километров.

Ценой огромных усилий и многих потерь город-крепость был взят, всех жителей поголовно вырезали, строения сожгли. Пулад, наверное, погиб, а вот «Удурку удалось бежать, он занял крепость Кабчигай, что на входе в Дарьяльское ущелье, и начал игру с жизнью».

И эту крепость захватил Мираншах. И отсюда Удурку умудрился уйти вверх по Обезской⁸² дороге, в сторону Грузии. Однако почти вся Грузия и тем более эта стратегически

⁸¹ Бештаг (тюркс.) – Пятигорье.

⁸² Обезская – ныне Военно-Грузинская дорога.

важная дорога была под контролем Тимура. У селения Абаса⁸³ Удурку схватили, доставили в Пятигорье, где Тимур приказал заковать его в цепи, бросить в зиндан. Там он вскоре и помер от голода и холода.

Теперь целью Тимура стал Магас – самый крупный и богатый город на Северном Кавказе. Тимур знал, что защита города обескровлена, так как много воинов участвовало в сражении на Тереке в рядах Золотой Орды, и многие были в пехоте, значит погибли. Тем не менее, Повелитель осведомлен о силе защитников Магаса, поэтому велел сконцентрировать все войско в единый кулак. А для разведки и надежности в те края был отправлен самый опытный сын Омар-шейх. И тут случилось то, чего он никак не ожидал – Омар-шейх убит! Убит под Магасом. Это был страшный удар. За более чем сорок лет непрерывных сражений у Тимура не было такой потери. Правда, умер первенец. Хотя Тимур и не может доказать, но уверен – это дело рук одной из его жен. Мать Джехангира умерла и наследника отравили. То горе Тимур едва пережил, утопил свою боль в чужой крови. А здесь, какие-то кавказцы сына умертвили и даже труп не отдают.

Великий эмир места себе не находил, пытался забыться в пьянстве. С трудом придя в себя, решил мстить: истребить под корень. А до этого надо разузнать, как же это случилось.

...Разведка доложила Омар-шейху, что от Магаса в сторону гор идет свадебная процессия с песнями и танцами. У кочевников-завоевателей право первой ночи с девушкой было обыденным явлением. И, как известно, это правило в некоторых местах действовало, но только не на Кавказе, где отношение к женщине, тем более девушке, особо щепетильное.

Омар-шейх этих традиций не знал, да и знать не хотел. По его велению тюркские воины окружили процессию, думая, что для любой девушки быть с великим принцем – особая честь. Кавказцы вначале не поняли, а когда поняли, оценили – плевков в самую душу. Засверкали кинжалы, полетели стрелы. Двух-трех пожилых горянок оставили в живых, да невесту Омар-шейх потащил в ближайший подлесок. Так бы все и прошло, вот только своеобразная нахская традиция многое изменила.

Не имеет права нахский жених показываться на своей свадьбе на глаза родных, особенно старших. А эта процессия шла из Алании в Закавказье, в сторону Грузии. И надо же было такому случиться: невестой была красавица Седа, а жених ее – наш знакомый Малцаг, который вместе с близкими друзьями ехал чуть позади, изредка останавливаясь, чтоб у очередного родника произнести благословенный тост молодым за бузой. Так они и сидели в очередной раз, когда вдруг услышали, а потом и увидели растерзанных землячек.

Будучи во хмелю, и без того темпераментные кавказцы бросились бы спасти посрамленную честь. Но во главе их – жених Малцаг, хоть и молод, да не раз уже бит, а вместе с ним местные смельчаки, которые к тому же прекрасно ориентируются в непроходимых лесах. Спешно двинулись они по дороге, что шла вдоль реки. И надо же, вновь судьба: Малцаг узнал сына заклятого врага, а Омар-шейх – недобитого иноверца. И могли они на равных сразиться, но Омар-шейх вспомнил тюркскую поговорку: «В чужом курятнике любой петух проиграет...». От двух стрел спасла его кольчуга, и он уже был на коне, почти исчез из поля зрения, как Малцаг выпустил стрелу прямо в горло.

Где-то к полуночи Малцаг постучал в центральные ворота Магаса. Здесь масса беженцев из западных областей Кавказа, город на замке, на особом положении. Все знают, какие бесчинства творил Тимур по пути своего следования. Правитель города пожилой Гайрах уже какую ночь не спал, думая о надвигающейся опасности. А тут охрана доложила о новой неприятности. Ладно, все знают, что Малцаг – личный враг всесильного и жестокого Тимура, и, хотя он смелый воин, а то, что, женившись, засобирался восвояси, многие

⁸³ Абаса – нынешний Ларс.

приняли как трусость. Но он вернулся, и не просто так, а как только он, отчаянный, мог – вместе с убитым сыном бесчеловечного Хромца.

Было над чем Гайраxu задуматься. С одной стороны, как убийца сына Тимура, Малцаг – повод для нападения. Да Тимур, или, как его уже называли, Тимур-ленг⁸⁴ – Тамерлан, и без повода все разоряет. С другой стороны, Малцаг – соплеменник, гость, воин, а теперь и женат на дочери достойного мужа Магаса. В общем Малцага, его невесту и дружину в город пустили. А Омар-шейха сам Гайрах решил по-человечески в пригородном лесу захоронить, так чтобы и перед Богом было справедливо, да и сам Тимур его благородство оценил.

Ждать пришлось недолго. Скоро под стенами крепости объявился сам Тимур, а рядом не кто иной, как незаконнорожденный сын Гайраха, Тума, или, как он сам теперь себя называет, Мухаммед.

– Выдай Малцага и труп Омар-шейха, – потребовал Тимур.

– Гость – святое, – ответил Гайрах.

На Кавказе положено выразить соболезнование даже врагу. И, надеясь на благородство грозного пришельца, Гайрах вместе с другим сыном выехал из крепости, чтобы показать Тимуру, где и с какими почестями захоронен Омар-шейх⁸⁵.

Тимур не верил в смерть сына, пока не увидел его труп. А как увидел, понял, что все смертны, упал на колени, рыдая. И Гайрах, как хозяин этих земель, пытался его успокоить:

– Смирись, смирись с волей Божьей, – тоже плакал кавказец.

– Ты тоже смирись! – вдруг вскочил Тимур и на непонятном для Гайраха языке что-то сказал.

В тот же момент воины Тимура сбили Гайраха и его сына с ног, связали и бросили в ту же могилу.

– Так чей ты сын? – слащавым голосом обратился Тимур к другому сыну. – Тума ты или Мухаммед, мой сын или его?.. Что стоишь? Иль прыгай туда, иль закапывай, оставаясь со мной и главой Магаса.

Пока погребаемых было видно, и они кричали, а потом лишь земля шевелилась, Мухаммед закапывал медленно, пытаясь скрыть слезы, а когда черный слой благодатной земли покрыл этот позор, он стал действовать с усердием, стараясь выслужиться перед Тимуром.

– Хвала тебе, о Повелитель! Я вечно твой! И тем горжусь!

– Гордость мужчины – воинская доблесть, – постановил Тимур, – и ты это должен делом подтвердить.

На следующий день несметное полчище тюркитов окружило крепость Магас. Под своим штандартом появился сам Повелитель. И хотя зрение с годами ослабло, ненавистного врага он не увидеть не мог, тем более что молодой, стройный дерзкий Малцаг стоял на самой высокой башне крепостной стены и с вызовом размахивал огромным красно-белым флагом своей страны.

– Сдайте этого Малцага, и мы вас пощадим, – повторил условие глашатай тюркитов.

– Малцаг – наш Турпал⁸⁶!

– Мухаммед, – негромко произнес Тимур. – Теперь ты здесь законный хозяин, поди и утихомирь этих людей

Тума-Мухаммед и впрямь подумал, что он хозяин, вместе со своей свитой по-барски двинулся к воротам. Лишь щиты и удача спасли от стрел.

⁸⁴ Тимур-ленг (персидск.) – Тимур-хромой, в европейской транскрипции – Тамерлан.

⁸⁵ По одной из версий, Омар-шейх убит на Кавказе, во время первого похода в 1391 году. По другой, и она совпадает с местными сказаниями, он погиб в конце 1395 года.

⁸⁶ Турпал (чеченск.) – тур – меч, пал (от «пар») – щит.

– Да, подобру они тебя не понимают, – сжалился Тимур над побледневшим от страха Тума-Мухаммедом. – А, по правде, народ везде такой неблагодарный. Их надо силой, силой и беспощадностью давить. Вот тогда они любят, уважают и ценят... Понял, Мухаммед?

Услужливо кивая, тот в ответ что-то пробормотал.

– Ну, раз понял, выдвигай вперед своих воинов. А мы подсобим.

Великий эмир дал команду к бою. Загремели фанфары, забили барабаны. Пошли кавказцы на кавказцев, а сзади войско Тумы подпирают тюрко-монголы, не дают им отступить, тоже силой оружия давят их к стене, откуда летят стрелы, камни, раскаленная смола. Этот короткий зимний день завершился так: сам Тума-Мухаммед, будучи позади под надзором богатуров Тимура, остался в живых, а большинство его воинов после братоубийственного боя остались лежать под стенами Магаса, родной столицы.

На следующий день Тимур отдал приказ своей рати и особое поручение:

– Этого рыжего смельчака Малцага – живого, их красно-белый флаг – к обеду, к ногам.

Не только к обеду, но и к вечеру завоеватели не смогли одолеть даже водяной ров, окружавший город-крепость с двух сторон. А там, где были русла рек Сунжи и Мартанки, до того отвесный крутой береги и еще стена, что все усилия оказались тщетны.

Под покровом долгих зимних ночей Тимур надеялся послать к крепости своих китайцев-минеров, чтобы они подложили под опорные стены взрывчатку. Но дозорные Магаса были начеку. И ночами захватчикам было не до отдыха: из леса, с тыла, с самых неожиданных сторон налетали небольшие повстанческие отряды горцев и нападали на них.

Поняв, что одним нахрапом Магас не взять, Тимур, как при осаде больших крепостей, вынужден был обратиться к инженерной мысли, благо кругом леса много. Были изготовлены деревянные щиты и помосты через ров, очень много лестниц в высоту крепостной стены. Со всех четырех сторон начался в один день яростный штурм. А в двух-трех местах тюркские воины смогли забраться на стену и уже, было, закрепились, ожидая поддержки сотысячной армады. Однако в это время кавказцам пришла помощь из леса. Пришлось Тимуру срочно менять план действий. Пока шли маневры, осажденные сбросили кочевников со своих стен. И когда к вечеру команда Повелителя забила отбой, на центральной стене Магаса, как всегда, вновь появился бесшабашный Малцаг с красно-белым флагом.

Еще три дня Тимур безуспешно атаковал Магас. Потом объявил передышку: по опыту он знал, что таких отчаянных защитников легче брать не в бою, а измором. Да к тому же он ждал, пока придут катапульты, доставляемые из южного Азербайджана. Эти адские машины уже прошли через Дербент, а потом вдруг пропали на просторах Дагестана. Вскоре обломки катапульт обнаружили в Каспийском море.

Это не остановило Тимура. Недалеко от Магаса стали строить огромную передвижную башню на колесах, которая по высоте должна была бы соответствовать уровню крепостной стены. Такая таранная техника впервые была применена ассирийцами и за две тысячи лет мало чем изменилась.

В пологом наклоне в сторону крепости была выложена из камня ровная дорога. По ней как-то утром, когда был крепкий мороз, и мир сиял от снега и солнца, покатали тюркиты с шумом и боем свой стенобитный аппарат. Уперлась башня в крепость, как и просчитали инженеры. Побежали воины по этапам вверх. Их много, и они – как нескончаемые потоки муравьев, будут через трупы своих же все рваться и рваться к добыче. И никто их не сможет остановить. Против башни средство одно – поджечь. И защитники Магаса это ловко свершили: полилась со стен зажженная нефть.

Было о чем Тимуру подумать. Ведь если говорить о его гении, то военным гением он, безусловно, был. И этот злой гений в нем просыпался лишь тогда, когда он играл в шахматы. Однако его соперник, Молла Несарт, сейчас не в почете – под «домашним арестом».

– Позовите старика-шахматиста, – повелел как-то ночью Тимур. – О, как ты бледен! Что ж ты так осунулся? – сжалился он над Моллой.

– Посмотрел бы я на тебя, если бы на твой Самарканд такая же саранча напала.

– Я сам на Самарканд раза три напал... – усмехнулся Великий эмир. – А теперь краше города нет. И с тех пор, как я на троне, в моем государстве нет мора.

– Гм, – в свою очередь попытался усмехнуться Молла. – У Всевышнего хватило ума не послать Самарканду сразу два несчастья.

– Ха-ха-ха, опять дерзишь? Недоволен мной? А ты ведь знаешь, что в этом мире все предписано Богом, и власть дана сильнейшему.

– Ты – людоед, – гневно процедил Молла.

– Эй, ты, старый Несарт, – грозен стал Тимур, – мне кажется, что котел твоей башки бурлит всякими мыслями, подобными перцу. Я вижу, варево перепрело, и пора котел снять с очага.

– Хм, – выпрямился Молла Несарт. – То, что ты людоед, знают миллионы людей, которых ты безвинно казнил. Быть с большинством людей – удел раба Божьего... Я не могу терпеть, видя, как ты истребляешь мой народ. Согреши в миллион первый раз – это лучше, чем тебя видеть.

– Ишь чего захотел? – вплотную придвинулся Повелитель. – Что ж ты как баба заскулил, еще слезу пусти, – видя, как у Моллы увлажнились глаза, говорил он. – Стань мужчиной, защити свой край! А мы ведь ровесники. Иль не дано, в штаны напустил?

Задрожал от негодования Молла Несарт, сжал от бессилия кулаки.

Левой здоровой рукой Тимур грубо схватил бороду Моллы, рванул к себе, но в последний момент одумался.

– Ты настоящий кавказец, мужественный человек, – как бы играючи, потрепал он седую бороду Несарта и, следом тронув свою, – а моя, в отличие от твоей, жиденькая.

Он замолчал, искоса глядя на поникшего Моллу.

– Почему ты не сказал «как у козла»? – непонятно, издевается Тимур или нет.

– Потому что сам это знаешь.

– Хе-хе, я сегодня добр. Впрочем, к тебе я всегда благосклонен, – и вдруг иным тоном. – А хочешь помочь своим людям?

Молла Несарт молчит, хочет посмотреть в глаза Повелителя, а они по природе узкие, и с годами тяжелые веки нависли, так что ничего не понять.

– Так хочешь или не хочешь?..

– Почем вопрос?

– Выиграешь в мои столеточные шахматы – уйду отсюда с миром и навсегда.

– А проиграю?

– Не обессудь, судьба.

После Тимурова сна у Москвы они не только не играли, даже не виделись. Эта игра была, как всегда, упорной. И если в обычные шахматы Молла Несарт играл явно лучше, то в игре по правилам Повелителя случалось, когда как. И на сей раз игра длилась долго. Тимур сдался, но не было на его лице привычной злости от проигрыша.

– Ну что, твоя взяла, – миролюбиво развел руками Повелитель. – Видит Бог, придется уйти... Только вот что, – Тимур по-дружески взял Моллу Несарта под локоть. – Ты, я надеюсь, останешься при мне. А то с кем я буду играть? Кто мне в глаза правду скажет, кроме тебя? Твою победу надо отметить. Пир! – приказал он.

Во время царского застолья он усадил Моллу Несарта рядом с собой и, пытаясь перекричать музыку, на ухо, твердил:

– Ради нашей дружбы я должен оставить добрый след на этой земле, должен что-либо достойное построить... Что ты не пьешь? Пей, все грехи на себя беру. Хе-хе, как ты сказал,

миллион первый будешь... А ты мне в добром деле помоги, надо построить канал, в память обо мне.

– А зачем канал? – удивился Молла Несарт.

– Тайна, – великодушен сегодня Повелитель. – Ты свой прибор-астролябию достань, помоги моим инженерам.

– А с миром уйдешь? – пытается в его глаза заглянуть старик Молла.

– Ну, что за вопрос, – недовольно насупился Повелитель.

В последующие два-три дня никакие боевые действия не велись. В лагере Тимура царила атмосфера скорого перехода. Под влиянием этого настроения Молла Несарт и прикрепленные к нему специалисты подробно исследовали топографию обширной местности. Ни он, ни, наверное, остальные не знали замысла Повелителя. А он был зловец. Ведь вокруг Магаса, то здесь, то там, просто фонтанирует из-под земли черная нефть. Используя ее, жители Магаса успешно обороняются.

«Так почему же эту горящую нефть не пустить на тот же Магас? Всего этого добра здесь в избытке», – по-военному мудро решил Тимур.

Имея стотысячную армию и множество рабов, можно было бы и в емкостях доставить черную жидкость. Но, просчитав все, Тимур понял, что это несподручно, займет много времени, а толку будет мало.

«От нефтяного фонтана надо отвести канал до рвов крепости. Нефть легче воды – пусть горит все черным пламенем», – так думает великий стратег.

А когда под самый конец замеров Молла Несарт наконец-то понял замысел Тимура, было уже поздно: он собственными руками вырыл могилу осажденным – Магас приговорен.

Вслед за инженерами и землемерами, стали землекопами тысячи тюркских воинов, пленных и рабов. До наших дней дошло предание под названием «Ров Тамерлана», где сказано, что захватчик вырыл огромный ров в поисках своего сына. И это правда, он заставил вырыть ров в поисках средств мести за сына. И по этому каналу, берущему начало у фонтанирующего источника нефти, до самого Магаса потекла зажженная черная смесь. Все погрузилось во мрак, снег в округе стал черным. Защитники и жители Магаса были обречены. Первым делом загорелись обшитые железом деревянные ворота. И даже сквозь них тюркиты не могли пройти: не только мужчины, но и женщины стояли насмерть.

На вторые сутки огненный жар дошел до глубинных древесных опор, они изнутри загорелись, и среди ночи, когда от мороза деревья в лесу трещали, раздался иной грохот: рухнула каменная стена. Тимуру об этом доложили, и он с нетерпением ожидал рассвета, чтобы начать последний штурм. Но его опередили: из самого Магаса выдвинулся боевой отряд. Силы были неравные, кавказцев побили и потеснили обратно. Был слух, что кое-кто сумел рекой в горы уйти, но таких было мало.

На рассвете в уже обескровленный город хлынули полчища диких варваров.

– За живого раненого Малцага – сто тысяч, за его голову – пятьдесят тысяч, – объявил Повелитель.

Началась резня, убивали поголовно всех. Здесь рыжих и иных нет: все чумазые, в копоты, и без разбору головы летят. Всех мужчин и взрослых женщин перебили. За детей и юношей схватка: очень дорогой и ходовой товар на рынке рабов. Потом еще два дня грабили. После этого вспомнили об обещании Повелителя: головы отмывали в реке.

– Красивых – ко мне, – наконец закончил эту вакханалию Повелитель. – У остальных, всех – и живых, и мертвых, правые уши отрезать, пересчитать.

Из этих ушей получилась целая гора. По данным одних источников их было пятьдесят тысяч, по другим – двести тридцать. Это было поголовное истребление населения, гибель цивилизации.

И Повелитель тоже горько плакал, но, конечно, не по погибшим кавказцам, его печаль – прощание с родным сыном Омар-шейхом. Уйгурские мастера закончили процедуру бальзамирования. Пышная траурная процессия должна доставить тело сына Повелителя в Самарканд, где искусные зодчие уже изготовили усыпальницу.

Последний момент, и инкрустированный золотом и алмазами эбонитовый гроб будет закрыт. Все громко плачут. Под конец зауспокойная молитва, стоит глубокая тишина, а откуда-то доносится истерический вопль, от которого сам Повелитель встrepенулся. Оказывается, это Молла Несарт кричит, волосы на себе рвет, убивается по погибшим.

– Доставить сюда, – повелел Тимур.

Буквально на руках притащили корчащегося в страданиях Моллу.

– Ты изверг, варвар, ты не человек, ты Тамерлан! – хотел было броситься он на Великого эмира, но старика сбили, и он, жалкий, скрючившись, все еще рыдая, содрогался у ног владыки.

– Кто его выпустил? – спросил Тимур и, даже не расслышав ответ. – Казнить.

Над Моллой блеснул меч.

– Стой, дурень! Я велел казнить тех, кто его охранял, – крикнул Повелитель. – А этого, – он легонько пнул носком сапога Несарта, – привести в порядок, я желаю в шахматы играть.

В подчинении визиря воды, кто отвечает за покой Повелителя, палачи, врачи, всякие знахари и колдуны, дервиши, как духовные наставники, повара, опийных дел мастера и конечно же евнухи. Морально Молла Несарт давно подавлен. Надо на короткий срок подавить физически, и для этого подвергают жестокой боли, и не раз. После чего ты готов на все, лишь бы не эти страдания. И в контрасте с этим расслабляющий массаж под сладкую музыку, тут же читаются стихи о блаженной жизни. Опийный дым витает в шатре. Ему преподносят всякие кушанья, а в них подмешан дурман. Все это сопровождается танцами живота от красивых райских гурий...

– Ты не выразил мне соболезнование по поводу смерти сына, – с осуждением заговорил Великий эмир.

– Ты прав, Повелитель, – склонился Молла Несарт. – Даже врагу мы обязаны соболезновать. Прими мое соболезнование. Но ведь погибли десятки тысяч моих соплеменников, а ты тоже молчишь.

– О, о чем ты говоришь?! Почти каждый день я теряю до тысячи верных соратников, а разве ты об этом вспоминал?

– Они, как ты, – захватчики. Пришли сюда грабить и убивать, и нет им ни моего, ни тем более, Божьего прощания.

– Ну, в какой высокий ряд себя поставил, – видно, и Повелитель не плохо время провел, хорошее у него настроение. – И раз ты упомянул Бога, то все мы под ним ходим, и что бы ни произошло, предписано Им.

– Не твоим устам о Боге говорить и свои бесчеловечные дела за Его спиной прятать.

– Ну-ну-ну, опять дерзишь. Видно, плохо мой визирь поработал, – Повелитель похлопал Несарта по плечу. – Видел я, как ты с девчонками развлекался... Не ожидал, не ожидал от тебя такой прыти. А ведь Он, – Повелитель ткнул пальцем вверх, – небось, тоже все видел... Какой грех, какой харам?!

С явной усмешкой оглядывая Моллу, Повелитель несколько отошел и с издевкой в тоне:

– Ладно, прощаю, прощаю, если извинишься за Тамерлана.

– Хм, ты себя уже вровень с Богом ставишь? – не без вызова и ответ Несарта.

– По крайней мере, я сильнее всех, с кем бы ни боролся.

– Отвечу тебе словами Пророка, мир ему и благословение: «Храбр тот, кто одолел себя, а не тот, кто победил другого».

– Жизнь – это борьба, – повысил голос Великий эмир, – по-моему, мой визирь переусердствовал, и ты еще от кайфа не вернулся в жизнь.

– Вот именно, не вернулся, – в тон ему пытается отвечать Молла Несарт. – А давай-ка оба вернемся в брентную жизнь. Давай, я тебе покажу, что ты натворил.

Молла Несарт схватил его руки, потянул к выходу.

– Ты хочешь показать мне жизнь? – спрашивал Повелитель, а сам, словно под сильным внушением, поддался зову старца.

Они вышли из шатра. На плечи Тимура накинули шубу из горностая. Несарт такой чести не удостоился.

– Вели подать сани, реальная картина жизни недалеко, – распоряжается Молла.

День был пасмурный, холодный, ветренный. Накануне, выпавший обильный снег не мог скрыть ужас прошедшей битвы. Густой лес, тесно напивавший к долинам рек, выглядел мрачным, неприступным, неживым. Все было сонно, тихо, будто в послебуревой дремоте.

Они ехали недолго, быстро, по наклонной, в те места, где еще, казалось, теплилась жизнь, по крайней мере, там еще клубился дым.

– Поворачивай туда, – приказал Молла Несарт.

У тюрко-монголов одно хорошо: после сражений они обязательно закапывают своих воинов в общей могиле – кургане. Но после такого побоища не разобрать, где свои, а где враги, и поэтому в огромную яму кидают всех и все, в том числе останки животных и оружие, что невозможно увезти в Самарканд.

– Пошли, – довольно проворно Молла Несарт соскочил с саней и пошел, пока не остановился у помойной ямы.

– Смотри, смотри. Не зажимай нос! – требовал Несарт. – Видишь эти тысячи человеческих голов? Они, как и твоя голова, были полны стремлений и стараний в собирании земной жизни. Они усердствовали в накоплении богатств, в строительстве земной жизни, растили детей и молили о долгой и счастливой жизни. Сегодня ты видишь, они гниют, тела их истлевают. И все равно тебе нейдет. В эту же могилу сливают помои и остатки с твоего пиршеского стола, – это та вкусная еда, ради которой ты ухищряешься, зверствуешь, вырывая ее у других... Вот к чему приводит твоя жизнь и твоя борьба! Ты сегодня горько оплакиваешь своего сына. А кто поплачет над ними? Ты ведь всех истребил. Помолись за них, поплачь над ними, проси прощения, изменись, стань, наконец, человеком.

– У-у-у! – завыл тоскливый ветер, где-то в лесу заплакали шакалы, от страха шарахнулись лошади, черным одеялом вспорхнула туча ворон, пошел косою, редкий, колючий снег, который, падая на мерзкий грунт, отбивал неровный пульс земной жизни.

– Ты меня хочешь разжалобить, несчастный старик, – сухо процедил Великий эмир. – Все предписано судьбой, и моя жизнь – это борьба с неверными, и за чистоту веры.

– Ты изверг, – прошептал Молла Несарт.

– Что? – хмурая, глубокая ложбинка кривь пролегла на переносице Тимура, он грозно сделал шаг вперед, и, казалось, еще мгновение и Молла Несарт полетит в помойную яму, да, видно, не судьба. Послышался резвый стук копыт, лишь особо важный гонец имел право общаться напрямую. Совсем юный воин загодя осадил коня, молнией соскочил, сделав пару шагов на кривых коротких ногах, бросился на колени:

– О Повелитель, объявился Малцаг, красно-белый флаг, он напал на нас в горном ущелье.

– Коня, коня! – взревел Великий эмир.

Как и юный гонец, он так же лихо хотел оседлать подведенного серо-белого жеребца, ногу до стремени не дотянул, его охранники чуть подсобили, он их грубо отпихнул, хотел сам, поднатужился и не смог, вновь ему помогли, а он как сел в седло, со злостью хлестнул их кнутом по лицам. Никто руки не поднял, даже не шелохнулся.

– Эй ты, дряхлый старик, – свысока бросил он Молле Несарту, – ты, видать, нашу сказку забыл: волк козленка не съест – сам заблеет. Понял? – молодой жеребец рвал удила, в исступлении бил копытами. – А башка этого рыжего урода, впрочем, как, быть может, и твоя, тоже будет в этой помойке скоро валяться.

– Всевышний не скор, – хочет, да не может голос Моллы быть твердым, по-старчески слаб, но он продолжает. – Вот и снег пошел, – он блаженно ухмыльнулся, развел руками, словно молясь. – А твою сказку забыл, зато про твой сон вещей и твою башку, Тамерлан, вспомнил.

– Ах ты, подлец! – свистнул кнут. Хватаясь за голову, старик упал. Следующий свист – по крупу коня. – Вперед, за мной! Ура!

– Ура-а-а! – многотысячный дикий вопль, аж снег с деревьев пал, вновь черной тучей вороны взлетели.

* * *

«Мой дорогой сын, Великий Тимур, – писал из Самарканда духовный наставник Саид Бараки, – Всевышний, хвала ему, сказал: „Прояви снисходительность, вели творить добро и отвернись от невежд“. Я разъясню тебе этот аят⁸⁷. Это когда ты прощаешь того, кто был несправедлив к тебе, даешь тому, кто обделил тебя, не прерываешь связи с тем, кто забыл, и хорошо относишься к тому, кто обижал тебя... Помни, прощать того, кто был несправедлив к тебе, – верх мягкости и смелости. Давать тому, кто обделил тебя, – верх великодушия. И продолжать отношения с тем, кто порвал с тобой, – верх милости...».

– Видать, мой учитель совсем состарился, – почему-то заключил Повелитель, плотнее кутаясь в новую меховую шубу, присланную ему ханом Едигеем с далекого холодного севера.

Именно туда, на север, к большой реке Волге рвутся все его военачальники, родня и все визири-советники. Там, в столице Золотой Орды, скопились огромные богатства монголов, которые они награбили за три столетия своего господства на евроазиатских просторах. Теперь там правит Едигей, который не без помощи Тимура пришел туда к власти и письменно обещал выплатить положенную половинную часть из всех богатств и такую же часть от доходов. И Едигей с караваном немало богатств прислал и еще больше, говорят, напрямую в Самарканд отправил, но все равно это не то, чем он мог, чем он должен обладать. И следовало Тимуру не мелкими селениями в горах Кавказа заниматься, а на Сарай-Берке идти. Да никто не знает, что он теперь боится на север идти – вещий сон предостерегает. И все советники, родные, а теперь даже духовный наставник Саид-Бараки, будто зная его душевный порыв, умоляют простить, забыть, смилостивиться, согласиться с предписанной Богом судьбой. Но это не для него, Великого эмира – Властелина мира. Он не уйдет отсюда, пока не отомстит за сына, пока не обезглавит этого рыжего Малцага, пока еще есть хоть один живой горец-кавказец. Всех под корень! С этим заклинанием Тимур двинулся в горы Кавказа.

Из-за непроходимых лесов в горы идти было трудно. И только вдоль больших рек может продвигаться армия Тимура. И до Повелителя, и после него главной артерией, по которой передвигались захватчики, была река Аргун. Раз в десять или в двадцать лет в горах Кавказа выпадают обильные дожди, тают снега, и тогда накапливается в Аргунском ущелье неудержимая масса воды. Вырываясь меж гор на равнину, она сметает все на своем пути. Так возникла широкая равнинная пойма, где и сейчас располагаются села Атаги, Белгатой

---

⁸⁷ Аят (арабск.) – знамение, стих Корана (часть суры).

и Чечен-аул. Именно в этой стратегически удобной пойме расположился стан Тимура перед штурмом гор.

А вокруг, в лесу, беспрестанный барабанный бой, по ночам на вершинах гор маячат огни факелов – это горцы передают тревожные вести: враг пришел, всех кличут на ратный бой для защиты родины.

Надеясь застать противника врасплох, горцы среди ночи совершили отчаянную вылазку. Да у кочевников многовековой опыт захватнических войн, строгая дисциплина и боевой порядок. Каждый день, а тем более ночь, они строго охраняют свой лагерь, и для этого, даже если и останавливаются ненадолго, вкруговую роют защитный ров, строят заграждения, ставят охрану, разведка кругом.

А горцы и смелые, и отчаянные в бою, и готовы насмерть постоять за свой очаг, но не искушены они в боевом порядке, и в оружии уступают, и численностью. Словом, из ночной атаки ничего не выгадали. И тогда, на следующий день, стали фронтом, защищая в горы проход. А во главе их тот же дерзкий Малцаг, и по-прежнему вьется над его головой красно-белый стяг.

– В бой, в бой! – закричал Тимур, сам руководил сражением.

В этом месте произошло не одно сражение, и до сих пор сохранились курганы – захоронения и есть легенды, связанные с ними. Но после Тимура здесь курган не остался, не отдал он последнюю дань уважения ни своим, ни чужим. После упорного боя, многочисленная армия Тимура разгромила горцев и, не найдя на поле брани красно-белого нахского знамени и Малцага, Великий эмир заторопился вслед за отступившими в ущелье горцами, приказав быстрее расчистить путь, всех убитых сбросить в мутные воды Аргуна.

Теперь проход к горам открыт, и нет больше здесь силы, способной противостоять столысячной армаде варваров. Но они явились сюда не для того, чтобы попусту выискивать в горах какого-то сорванца. Этим дикарям, этим отважным и выносливым воинам далеких степей за труды и пролитую кровь нужна добыча, и не та, что имеют от грабежа небольших городов, а та, что они заслужили, разгромив хана Тохтамыша. Почему все сокровища Золотой Орды достались одному Едигею и его родне? А чем хуже остальные военачальники и их доблестные воины?

Только кажется, что всемогущий Великий эмир. Он велик до тех пор, пока способен удовлетворить непомерную алчность чревоугодие своих своих дикарей. К тому же склоняются дети и внуки. Ведь убитый Омар-шейх, хоть и брат, но не по матери, а был старший, значит – главный претендент на трон стареющего Тимура. Погиб – такова судьба. И нечего в зимние холода по заснеженным горным тропам лазать, выискивая какого-то Малцага.

Каким бы деспотом и тираном Тимур ни был, а не считаться со своим окружением он не мог. И он тоже решил, что благоразумней будет, пока зима и приволжские болота льдом скованы, атаковать богатый Сарай-Берке, насытить армию несметной добычей, а потом вернуться на Кавказ.

Под нажимом приближенных Тимур склонился к этому решению. И никто не знает, как тревожно у него на душе. Он панически боится идти на север. Как ему объясняют новые знахари, он недаром благословлен Всевышним. Становясь спиной, а тем более удаляясь от священных религиозных мест, он уходит из поля тяготения благословленной ауры. Однако всемогущие знахари и почтенные евнухи и визири знают свое почтенное дело, они обезопасят его сон и покой, и для этого все чудесное создано и готово. Этот роскошный передвижной гарем, этот неземной рай Властелина прекраснее всего, что описывается в «Тысяче и одной ночи», – это настоящая сказка Востока, о которой лишь можно мечтать!..

Да, это мечты и желания, но никакой опийный дурман, никакие внушения, никакая роскошь, а тем более дрожащее юное тело, не спасут от выбранной самим человеком судьбы, ибо жизнь не обманешь... Вновь, как и предчувствовал, приснился Тимур кошмарный сон.

Вновь посреди ночи вокруг шатра Повелителя людской переполох. На помощь зовут всех и, конечно, Моллу Несарта.

Тимура зимой мучает подагра, болят израненные рука и нога, поэтому в царском шатре натоплено как в бане. Не зная, чем угодить и помочь Великому эмиру, суетятся кругом главные визири и евнухи. Сам Тимур, подперев отяжелевшую голову рукой, сидит горестный посреди роскошного, расписного огромного дивана, где белье – нежнейший шелк нежно-розового цвета, такого же, как дрожащее юное тело на ковровом полу. И на это маленькое тело никто не обращает внимания: оно не ублажило страсть Властелина. Не повезло – утром будет умерщвлено. Свита Тимура сочувствует страданиям Повелителя, не знает, как и чем помочь. Ведь видно, что хозяин напуган, ветра пустил, да так, что улетучился весь аромат восточных благовоний. А главный визирь, кто обязан более всех о здоровье Повелителя беспокоиться, приказал:

– Откройте поддув, нечем дышать, – поморщился он.

– Тебе неприятен мой запах? – прорычал Тимур. – Нос, вместе с башкой отрубить, – скорый приказ.

Тут же охранники скрутили самого важного визиря, связав по рукам и ногам, бросили бревном рядом с юным, по-прежнему дрожащим телом.

– Ну-с, кому еще показалось, что здесь нечем дышать? – Тимур пронзил взглядом главного евнуха, который не смог обеспечить его ночной покой.

– Мой Повелитель, мой господин, – подобострастно залебезил тонкий его голосок, – здесь стоит аромат роз и фиалок. А еще благородный твой богатырский дух!

– Ты подхалимничаешь! – непреклонен Повелитель. – Отрубить и ему голову.

От этих действий Великий эмир несколько воспрянул духом, грозно оглядел всех, остановился на скромно стоящем Молле Несарте:

– А ты, мудрец, что скажешь? Смердит в моем покое или благоухает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.